

СМЕНА

№9 СЕНТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭЗИСКИЙ ЖУРНАЛ

2017

О жизни и творчестве художницы Марии Башкирцевой
читайте на странице 65.

Замечательные современники

<i>Татьяна Харламова</i>	Оказывается, можно вылечить и наркомана... 4
<i>Георгий Кричевский</i>	Алексей Баталов, «он же Гога, он же Гоша» 53
<i>Елена Воробьева</i>	Богдан Волков: «Наслаждаюсь тем, что исполняю» 76

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	«Трагический тенор эпохи» 14
--------------------	---

Из российской истории

<i>Алла Зубкова</i>	...Но не императрица 30
---------------------	--------------------------------------

Рассказ

<i>Святослав Тараховский</i>	Чайки кричали о верности 44
------------------------------	--

Судьба художника

<i>Ирина Опимах</i>	«Виденье рая в сутолке вокзальной» 65
---------------------	--

Минувшее

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Прекрасная Натали 81
--------------------------------	-----------------------------------

Это интересно

<i>Валерия Быкова</i>	Человек, ненавидевший Шерлока Холмса 97
<i>Дмитрий Зелов</i>	Под стук колес, соединяя столицы 120

Фэнтези

<i>Александр Рыскин</i>	Время Лучника 126
-------------------------	--------------------------------

Литературные страницы МСПС

<i>Алексей Борычев</i>	Стихи 140
------------------------	------------------------

Детектив

<i>Наталья Солдатова</i>	Заразетка 144
--------------------------	----------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер Алексей Баталов

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8400

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.08.2017

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«*Всем известно, что у Степана Разина был целый гарем из пленниц, и что персидскую княжну он утопил в Волге, как жертву великой реке. То ли красавица-персиянка ему прискучила, то ли, наоборот, взяла слишком большую власть над его сердцем, что вызвало недовольство соратников, — история об этом умалчивает... Но мало кто знает, что бок о бок со знаменитым атаманом сражалась женщина, не уступающая ему ни в силе, ни в отваге. Это была беглая монахиня Алена Арзамасская, возглавившая большой отряд беглых и крепостных людей Арзамасского уезда. Ей удалось то, что было не под силу многим мужчинам — стать атаманшей вооруженного соединения, поддержавшего Разина, но действовавшего самостоятельно. Жизнь ее, как и самого Степана Разина, закончилась трагически — Алену поймали и живьем сожгли на костре. Но мужество и стойкость, с какими она пошла на смерть, внушали ужас даже ее мучителям...*

Светлана **Бестужева-Лада** «Арзамасская атаманша»

«*Консервативный публицист, член-корреспондент Петербургской академии наук, суховатый, ироничный человек с невзрачной внешностью, Тютчев меньше всего походил на вдохновенного поэта-лирика. Его поэтический дар и божественное вдохновение существовали как бы независимо от него. Он вообще дистанцировался от литературного процесса и не желал, чтобы его считали литератором.. Он ушел, унося с собой тайну магического притяжения своей поэзии, которая будет волновать нас вечно. И хотя написал не так уж много стихов, но прочно занял место на российском литературном Олимпе рядом с Пушкиным, Баратынским, Лермонтовым.*

Юрий **Осипов** «Парадоксы Федора Тютчева»

«*В июле 1905 года Константин Сергеевич Станиславский писал Максиму Горькому: «Со смертью незабвенного Саввы Тимофеевича (Морозова) материальные условия театра резко изменились к худшему». Чтобы поправить положение, театр отправился на гастроли за рубеж. Узнав об этом, два молодых и горячих поклонника МХТ решили: «Будем ездить за ним — куда театр, туда и мы». Молодые люди решили финансово помочь театру, и после триумфального возвращения в Москву руководство МХТ смогло расплатиться со всеми кредитами и хотело вернуть им долг, но те категорически отказались. Этими молодыми поклонниками МХТ были Николай Лазаревич Тарасов и Никита Федорович Балиев, с именем которого связано и создание при МХТ популярного в Москве того времени артистического театра-кабаре «Летучая мышь».*

Владимир **Братченко** «Два удивительных мецената МХТ»

«*Их брак продолжался всего четыре года. Дочь австрийского императора Мария-Луиза стала супругой Наполеона не по своей воле, но обрела не только корону, но и женское счастье. Наполеон обожал ее и как женщину, и как мать своего сына-наследника. Однако, как говорится, пути Господни неисповедимы, а женская любовь таит в себе немало загадок. После того как Наполеон вынужден был отречься от престола и удалился на остров Эльбу, Мария-Луиза отказалась следовать за ним. К этому времени в сердце ее царил уже другой мужчина. Наполеон же не мог забыть ее до конца жизни...*

Алла **Зубкова** «Последняя любовь императора»

«*Роман Ольги **Торощиной** «Все ради тебя — "ВИКА"! »*

Оказывается, можно вылечить и наркомана...

(Новейшие технологии российских ученых)

Бичом современного общества называют наркоманию. Болезнь с каждым годом «молодеет». Ее жертвами все чаще становятся дети. Новые виды наркотиков, появляющиеся на российских улицах ежедневно, очень доступны.

В Интернете можно увидеть видеоролики, на которых подростки, находясь в наркотическом опьянении, совершают бессознательные поступки. Несколько лет назад от употребления спайсов попали в больницы сотни детей в разных регионах России. Молодые люди умирают от передозировки, и это страшно. Сегодня почти каждую третью семью постигает такое горе...

Для того чтобы бороться с этим бедствием, разрабатывается комплексная программа борьбы с наркоманией, в которой задействованы самые разные структуры — власть, медики, общественность. По мнению медиков, необходимо как можно скорее ввести законодательно тестирование молодежи на употребление наркотиков. Чем раньше выявить болезнь, тем больше шансов ее вылечить.

Языком цифр

Наркотические вещества по статистическим данным (ФКСН) за последние пять лет, регулярно принимали 6 миллионов человек, а в 2014 году — 8 миллионов. Данная статистика учитывает только тех, кто добровольно выразили согласие числиться на медучете. Медицинские учреждения не в состоянии оказать помощь даже такому количеству больных. Рабочий ресурс стационарных клиник рассчитан только на 50 000 наркозависимых в год.

Возрастные группы зависимых:

20 процентов — школьники, которые не достигли 16 лет, 60 процентов — подростки и молодые люди от 16 до 30 лет, 20 процентов — люди, которым за 30.

Страшная тенденция — увеличивается потребление наркотиков среди детей 9-13 лет.

Стартовой площадкой для профилактики наркомании, лечения и борьбы с ней стал МГТУ имени Баумана. Именно здесь разработана и внедрена комплексная программа «Здоровосберегающие технологии в воспитательно-образовательном процессе».

Мозговой центр этой программы — благотворительный фонд «Антистресс», один из руководителей которого — доктор технических наук, доктор биологических наук профессор Алексей Николаевич Диашев.

Борьба за детское сознание

— Лечить детей-наркоманов только силами наркологов или психологов — бесполезно, — считает Алексей Николаевич. — К этой проблеме нужен другой подход. Необходимо объединить усилия медиков, педагогов, родителей, соцработников. Нужна система! В 2005 году мы создали благотворительный фонд «Антистресс» и предложили свою программу министерству здравоохранения. На тот момент никто не хотел заниматься проблемой детской наркомании. Не было системы лечения, реабилитации. Сейчас появились распоряжения правительства, президента по этому поводу. Казалось бы, на государственном уровне решается проблема, но в реальности — все это только слова, а воз и ныне там. Необходимо начинать самую активную борьбу за детское сознание. Сегодня дети очень много времени проводят у компьютеров. Это нужно использовать, создавать специальные игры, которые дискредитируют наркотики. Сильным, счастливым можно быть без них, а вот несчастными и больными они могут сделать. Это нужно вкладывать в современные игры, которые воздействуют на сознание. Почему бы не заняться этим перспективным направлением разработчикам компьютерных игр? Сейчас наркотики слишком доступны. Нажми три кнопки в Интернете,

и тебе все доставят. Можно с помощью игр создавать такие психологические установки, чтобы подросток проигнорировал эти три кнопки.

Но самое главное — проблемы должны решаться на государственном уровне. Если государство не берется за это, пустоту всегда найдется, кому заполнить. Найдутся секты, псевдообщественные группировки и так далее. Для них это — золотая жила.

За рубежом не занимаются профилактикой наркомании. Мы столкнулись с этим, когда обсуждали проблему в ООН. Там просто стараются подсевших на сильные наркотики подростков перевести на слабые, так называемые «цивилизованные». Пытались и у нас внедрить эту систему. Слава богу, не удалось. Только у нас в России есть новые технологии профилактики и борьбы с этой страшной бедой. Пора пере-

ходить к очень активным действиям. На деле происходит так: появились в школе два наркомана — снимают директора. Сняли, уволили, нашли якобы «крайнего», а дальше что? Это разве решение проблемы? Система должна быть государственной, комплексной, продуманной. И у нас есть что предложить: новые технологии, разработки. Сегодня на вооружении фонда имеется первоклассное медицинское оборудование для лечения детей и подростков, на основе нанотехнологий разработан биологически активный комплекс «Гиперфорс», есть уникальная методика и, главное, — прекрасные специалисты, которые пришли в наркологию по велению души.

Ни в городе, ни в деревне никто не занимается брошенными детьми, и эту нишу быстро занимают наркодельцы. Воля государства нужна для борьбы с наркоторговцами, ведь мы

уже обогнали США и Канаду, вместе взятых, по обороту героина, и торгуют им уже не только в Твиттере, но и в школах. У нас есть кадры, готовые работать с такими детьми где угодно, в любом регионе, и буквально «отвоевывать», вытаскивать их из этого болота. Нужно повсюду создавать медико-реабилитационные центры. В наркологический диспансер ни одна мать не поведет своего ребенка, чтобы не поставили клеймо на всю жизнь. А в такие вот центры родители приведут детей. Важно, чтобы они были доступными. Если сегодня не заниматься серьезно больными детьми, в будущем мы можем получить не просто бандитов и убийц, это также добыча для тех, кто формирует террористические группировки... Ведь наркотики легко зомбируют сознание.

Система профилактики и лечения детской наркомании должна быть на самом высоком уровне. Разработано всестороннее тестирование: пульс, дыхание, эмоциональное состояние. Изучается генетика детей с неустойчивой психикой. Ребенок не может понимать, что в его мозге существует очаг, который провоцирует прием наркотиков. Высококвалифицированные врачи, которых сегодня на руках нужно носить, могут с этим справиться. Убрать такой очаг, значит, вылечить ребенка. Он забудет о наркотиках. У нас есть предложение более жесткое. Если наркотики слишком сильно атако-

вали мозг подростка, есть технология: стереть память накопленного стресса. Так избавляли от «военного синдрома» участников боевых действий в Афганистане и Чечне. Это эффективный способ реабилитации наркозависимых детей: навсегда забыть о наркотическом кошмаре. Данную программу можно осуществить без привлечения бюджетных средств, в рамках государственного и частного партнерства.

Сегодня дети часто предоставлены самим себе, исчезли клубы по интересам и пионерские лагеря. А они очень нужны, именно здесь больные дети могли бы реабилитироваться. И спортивные тренеры не должны шараться, как от чумы, от юных наркоманов. У нас есть методики, как работать тренерам, лекторам с такими детьми. Дело в том, что с ними общаться сложно даже опытным психологам. Я — сторонник индивидуальной работы. И это тоже должно войти в комплексную систему реабилитации.

К сожалению, не хватает средств. Поэтому необходима поддержка не только государства, но и общественности, различных фондов и просто граждан. Мы обращаемся ко всем, кому небезразлично будущее России. Примите участие в великом деле борьбы с употреблением наркотиков и помощи детям. Когда-то наши отцы и деды победили фашизм. Неужели мы всей страной не сможем защитить наших детей?!

Мнения экспертов

Валентина Матвиенко, председатель Совета Федерации РФ:

— Профилактика наркомании среди молодежи должна иметь комплексный и системный характер. Необходимо выстроить систему взаимодействия между органами государственной власти, общественными организациями и экспертным сообществом.

Борис Пастухов, общественный деятель, член Президиума Российского детского фонда:

— Чудовищно, что самый большой процент наркозависимых — подростки, и возраст все больше снижается. Нужны профилактика и лечение, а наказывать в последнюю очередь — только если дело доходит до криминала. Есть технологии, разработанные военными медиками и позволяющие «стирать» в памяти подростков «прелесть» наркомании. Иногда другого выхода просто нет. В Афганистане военные опыляли маковые плантации специальными средствами. Плантации погибали, больше никто не страдал. Взять бы этот опыт на вооружение — уничтожать маковые поля, заросли конопли. Почему проблема так важна? Можно сказать, это линия очередной мировой войны. В этой войне не гремят пушки, но противник очень опасен. Наркотиками зомбируется

сознание, и молодые люди уже не смогут защищать родину в минуту опасности. Чего больше в антинаркотической программе — медицины, психологии или патриотических моментов? Это комплекс. Считаю, что это программа №1 для государства. Если люди с ВИЧ могут полноценно жить и работать, то наркоманы выпадают из социума...

Давид Папашвили, заместитель директора Центра фармакологической информации и маркетинга:

— Проблема употребления наркотиков в России сегодня стоит крайне остро. Решить ее очень сложно. Для начала я бы увеличил наказание за распространение наркотиков. На сегодняшний день срок, который получают преступники, зависит от обнаруженной у них дозы. Если человек регулярно сбывает маленькие партии наркотиков, что это меняет? Наказание должно быть единым и очень жестким! Я считаю, что распространение наркотиков по степени ответственности нужно приравнять к терроризму, поскольку это угроза национальной безопасности страны.

Елена Попова, член комитета Совета Федерации по социальной политике:

— Проблема состоит из двух этапов. Первый — это когда мы проводим только профилактические мероприятия, направленные на непо-

падание наших детей в потребление наркотиков. Второй — когда уже все случилось, ребенок стал наркоманом. По статистике, наши дети начинают пробовать психотропные препараты уже в одиннадцать лет. Конечно, нужно принимать крайние меры. Лечение — очень затратное для государства дело. Поэтому вариант стирания центров, которые отвечают за ощущения после потребления наркотиков, имеет место быть. Но это должны всесторонне обсудить эксперты и вынести свой вердикт.

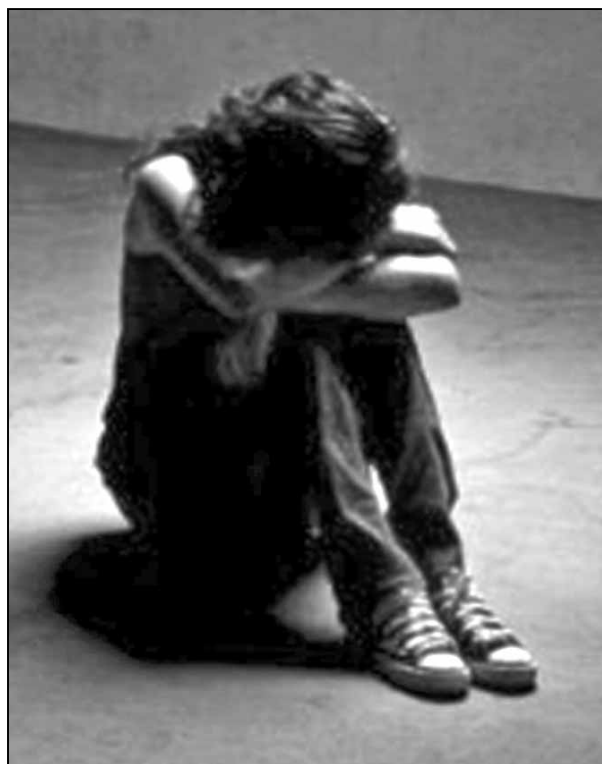
Дверь в окне

...Трагедия, которая произошла в Подольске в прошлом году, вызвала большой общественный резонанс. Катастрофа разразилась в обычной молодой семье, которая считалась благополучной. Молодой мужчина убил двоих малолетних детей и пытался убить жену. Выяснилось, что он принимал наркотики. Самое удивительное, что об этом никто не догадывался. Родственники и соседи были в шоке.

Как не попасть в капкан этой болезни? Излечима ли наркомания? Как распознать болезнь на ранней стадии? На эти и многие другие вопросы отвечает внештатный главный врач, психиатр-нарколог Минздрава России, директор Московского научно-практического центра наркологии Евгений Алексеевич Брюн.

— Евгений Алексеевич, тема сегодняшнего разговора очень болезненна для многих. Почти в каждом московском доме найдутся два-три наркомана. Не раз приходилось слышать из уст врачей и читать на страницах различных изданий о распространении «наркотической заразы», о том, что число наркоманов и алкоголиков постоянно увеличивается. Видимо, сказывается нестабильность нашего общества. Так ли это?

— Количество больных наркоманией фиксировано, а вот число потребителей наркотиков увеличивается. В это число входят люди, хотя бы раз употребившие наркотик. Возраст таких потребителей — от пятнадцати до двадцати пяти. Социальная среда — в основном, школы и студенчество. Богат чело-

век или беден — никакой роли не играет.

Наша справка

Количество студентов престижных российских вузов, потребляющих наркотики, достигло 30 процентов от их общей численности. Для многих из них пагубная зависимость стала причиной отчисления. Судя по статистическим данным, с наркоманией связано распространение СПИДа. Сегодня он передается не столько половым путем, сколько через инфицированный шприц. Практически в 90 процентах случаев заражение произошло именно во время внутривенного введения наркотиков.

Приблизительно в 90 процентах преступлений, которые совершаются в России, виновны наркоманы. Они готовы на все, чтобы получить очередную дозу. Ради этого идут на воровство, грабеж и даже на убийство.

Не более 6 процентов наркоманов в России избавляются от зависимости. Излечившимися признают тех, кто хотя бы год не употреблял наркотики.

— Евгений Алексеевич, одни торгуют наркотиками и употребляют их годами. Другому стоит употребить один-два раза, и ему грозит пожизненная зависимость...

— Действительно, стоит один-два раза употребить наркотик, что-

бы навсегда стать наркоманом. На это влияют многие факторы, которые создаются по ходу дела или же зависят от рождения человека: генетическая, биологическая, психологическая, социальная зависимость. По наследству передаются депрессии, некоторые формы психопатии, особенности биохимии мозга. Это не значит, что люди рождаются алкоголиками или наркоманами. Речь идет о рождении с факторами риска. А дальше — по обстоятельствам. С одной и той же генетикой человек может стать алкоголиком или наркоманом, а может, наоборот, патологически не переносить алкоголь и наркотики.

Но хочу еще раз повторить — не существует никаких норм питания или употребления наркотиков. Дескать, столько-то выпил или укололся — не заболел, а столько-то — есть опасность заболеть. Все очень индивидуально. В любом случае — лучше не экспериментировать с этим. Пресловутая грань, черта — это миф.

— Какой наркотик на сегодняшний день лидирует как самый коварный и страшный? И есть ли какие-то новые тенденции в наркомании?

— Все наркотики страшны. Большинство из них вызывают остановку сердца. Героин — абсолютный наркотик. Я видел больного мальчика, у которого зависимость появилась после первой инъекции. Его не смогли спасти. Очень быстро и гру-

бо возникает зависимость от кокаина. И даже так называемая «простейшая конопля» вызывает страшнейшие шизофренические психозы. И «легкие» таблеточки типа «ЛСД» становятся причиной самоубийств, потому что под влиянием этих таблеток человек видит в окне «дверь», через которую и «выходит» на улицу... Чтобы стать абсолютно зависимым, достаточно двух лет.

— Существует мнение, что наркотическая зависимость бывает разной — биологической и психологической. И, значит, лечат ее по-разному... Есть еще такое распространённое обывательское мнение, что жертвами наркотиков становятся распущенные слабовольные люди, которые достойны презрения... Очень часто наркоманов и алкоголиков считают изгоями общества... И они тоже начинают себя такими ощущать.

— Я не могу сказать о какой-то конкретной зависимости — биологической или психологической. Все взаимосвязано. И распущенность тут ни при чем. У каждого человека есть потребность менять свое психическое состояние. Есть люди, которые делают это нормальным путем — с помощью занятий спортом, диет, походов в музеи и театры. А есть такие, кто не научился этому в свое время, поэтому прибегает к алкоголю и наркотикам.

— Многие люди, попавшие в зависимость от наркотиков, пыта-

ются идти своим путем, чтобы спастись. Например, даже на дом вызывают врачей, которые ставят им капельницу и «чистят кровь». Это что — действительно выход из положения?

— Психика и биохимия тесно взаимосвязаны. Лечение должно быть комплексным. Не нужно обращаться к шарлатанам, которые предлагают снять зависимость с помощью «чистки крови». Лечение наркотической зависимости может заниматься только специалист-нарколог.

— Люди многого не знают и о наркотиках, и о способах избавиться от зависимости. Как ведется профилактическая и лечебная работа?

— Научно-практический центр наркологии работает с учителями, родителями, со школьниками и студентами.

Лечение может быть анонимным и явным, все зависит от конкретного случая. Для первичных больных мы придумываем конфиденциальную форму лечения. Мы их не ставим на учет. Защищаем их социальный статус. Но если пациент попадает в криминальную ситуацию, лечение становится официальным. В диспансерах, стационарах есть отделения для всех категорий больных: детей, подростков, взрослых. Чем раньше обратиться к специалисту, тем лучше. Самолечение ни к чему хорошему не приводит. Если человек вовремя обращается в клинику, все

*Диашев Алексей
Николаевич —
доктор
биологических
наук, доктор
технических наук,
профессор,
один
из руководителей
благотворительного
фонда
«Антистресс»*

это можно вылечить. Каким бы долгим и трудным не было лечение, но это — возможно!

— Тогда, наверное, нужно начинать профилактическую работу если уж не с детских садов, то со школьной скамьи — точно. Старшеклассники ходят на дискотеки, а там набор искусственных удовольствий, выбирай — не хочу: таблетки, чтобы раскрепоститься или почувствовать себя самой красивой и сексуальной, кокаинчик, чтобы ощутить себя суперменом на фоне самых слабых... Все это сопровождается пропагандой малолеток, уже познавших вкус «хи-

мического кайфа». И как же вы убедите этих сегодняшних школьников в том, что они не должны отказываться от удовольствий, которые делают их сильными, красивыми, счастливыми?

— Наши опытные специалисты, когда приходят в школы или встречаются с молодежью, не говорят с ними о наркотиках. Нужно говорить о человеке, что он собой представляет, какова структура его личности, восприятие мира. У каждого человека есть естественная потребность менять свое психическое состояние. Вопрос — как? Вот о чем нужно говорить. Поговорив с подростком пять минут, я могу определить сте-

пень его предрасположенности к наркотикам, даже к какому его виду. Есть такое понятие — психическая реакция, порог психической реакции. Во время беседы опытный врач, отслеживая эти реакции, получает необходимую информацию. Обычная пропаганда здорового образа жизни с помощью слайдов, видеоклипов уже не работает. Это пройденный этап. Работают только индивидуальные вещи. Теперь нужно придумывать методику в отношении конкретного человека.

Группу риска легко выделить, общаясь с молодежью. Эти люди уникально инфантильны. Они не видят, не ощущают своего будущего, как будто у них его нет. Они живут здесь и сейчас. Им постоянно необходимы какие-то новые ощущения, и они их стараются получить кратчайшим химическим путем. Планировать что-то на будущее они не могут. Но это излечимо с помощью психологов и психотерапевтов.

Важную роль сегодня играет волонтерское движение. Именно молодежь, представляющая самых активных и авторитетных учащихся и студентов, может объединить сверстников в преодолении распространения наркомании. В университете имени Баумана волонтерское антинаркотическое движение существует уже семь лет. Волонтеры работают по принципу «равный равному», пропагандируя здоровый образ жизни. Таким образом, из объектов профилактики молодые люди становятся

ее субъектами и активными участниками крайне значимого для нашего общества дела.

— Многие родители спрашивают, как распознать первые признаки того, что ребенок употребляет наркотики?

— Если родители постоянно общаются со своим ребенком, а не время от времени, то они сразу заметят тревожные симптомы. Меняется поведение, ребенок становится либо очень возбужденным, либо сонливым, резкие перепады настроений, падает успеваемость в школе. Почаще смотрите своему ребенку в глаза — наркотики расширяют зрачки...

— И что вы можете сказать напоследок нашим читателям?

— Наркомания излечима. Кому приятно выносить ломку? А кому приятно выносить боли, скажем, в суставах? Нужно просто обратиться к врачу и доверять ему. Все проблемы разрешимы. Но, учитывая тенденцию последнего времени — все больше молодежи вовлекается в сети наркоторговцев, — я и мои коллеги считаем, что необходимо в школах и вузах ввести тестирование. Сейчас разрабатываются законодательные нормы, определяются формы и методы тестирования для выявления групп риска. Без этого уже просто не обойтись. Это и есть грамотная профилактика. □

Беседовала **Татьяна Харламова**

Юрий
Осипов

«Трагический Тенор Эпохи»

Последний из пушкинской плеяды Золотого века русской поэзии и в то же время провозвестник новых поэтических откровений рубежного Серебряного века отечественного искусства, Александр Александрович Блок, как одинокая скала в океане, возвышается среди современных ему самых талантливых собратьев по перу (которых в тот период было очень немало!) Вровень с ним, пожалуй, лишь один Маяковский, прямой блоковский антагонист и ниспровергатель, признававший, тем не менее, в стихах его бесспорное величие.

Закрытый, отстраненный от суетности мира, в буквальном и переносном смысле застегнутый на все пуговицы строгого сюртука и страдающей души, ни на кого не похожий «медальным профилем» и горделивой посадкой кудрявой головы, человек глубоко трагической личной судьбы и, вместе с тем, проникновенный лирик, певец любви и прекрасных надежд на счастье, — таким был он, этот великий поэт. Младшая современница Анна Ахматова посвятила ему пронзительные строки:

*...И ветер с залива, а там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.*

Конец жизни Александра Блока был мучительным и страшным. А начало жизни — радостным и безоблачным.

Он родился в Санкт-Петербурге 28 ноября 1880 года в семье профессора Варшавского университета Александра Львовича Блока и переводчицы Александры Андреевны Бекетовой, дочери прославленного ботаника, ректора Петербургского университета.

Замуж она вышла в восемнадцать лет и вскоре после рождения сына разорвала отношения с его отцом, которого поэт любил и уважал, вплоть до ранней кончины родителя. Разводы в те времена были редкостью, но настойчивая и целеустремленная Александра Андреевна добилась официального расторжения своего первого брака прави-

тельствующим Синодом и вскоре после этого снова вышла замуж, уже по большой любви, за гвардейского офицера Ф. Кублицкого-Пиотуха. Брать замысловатую фамилию второго мужа она не стала, и сын ее тоже остался Блоком, хотя отчим относился к нему замечательно и заменил будущему поэту родного отца.

Главное же влияние на формирование его личности оказала мать. Между ними всегда существовала непостижимая духовная связь. Именно Александра Андреевна открыла Саше поэзию Бодлера, Лонгского, Верлена, Фета и других выдающихся мастеров. Мало того, мать и сын вместе знакомились с новыми течениями философии, новыми литературными направлениями, обсуждали последние новости

Родители Александра Блока: мать — Александра Андреевна Бекетова, отец — Александр Львович Блок

политики и культуры. Годы спустя Блок ей первой читал свои произведения, дорожил ее мнением и в первую очередь у нее искал утешения и поддержки.

Девятилетним мальчиком Александр поселился с матерью и отчимом на окраине северной столицы, в квартире при казармах лейб-гусарского полка, но летние месяцы проводил в подмосковном имении деда Шахматове, которое превратилось для него в настоящую Аркадию («...сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю, \ Старый дом глянет в сердце мое...») В соседнем Боблове, где жил с семьей Менделеев, он юношей встретил дочь

великого ученого, Любовь Дмитриевну, которая стала Любовью всей его жизни, героиней раннего блоковского цикла «Стихи о Прекрасной Даме», и с которой они там же обвенчались.

До этого, однако, будущий поэт пережил другие любовные увлечения. Когда ему исполнилось шестнадцать, мать повезла его на популярный немецкий курорт Бад-Наугейм. И там он без памяти влюбился в 37-летнюю Ксению Садовскую. Естественно, ни о каких отношениях между ними не было и речи, но ее чарующий образ впоследствии вдохновил Блока на создание многих памятных нам стихотворений.

А писать стихи он начал уже в 5 лет. Простенькие, незамысловатые. Но мальчик продолжал их отделывать, сочинял все новые и новые, копил их в тетрадях и мало кому показывал, даже когда подростком выпускал с братьями рукописный журнал.

Гимназические годы не оставили заметного следа в душе поэта. Он избыл их, как обязательную повинность, хотя учился хорошо, и преподаватели его часто хвалили. Летом 1898 года, окончив гимназию, Александр начал готовиться к поступлению на юридический факультет Петербургского университета и тогда же повстречал будущую жену. Любовь Дмитриевна вошла в его жизнь светлым женским идеалом, символом «вечной жены», но, увы, в гораздо меньшей степени обаятельной земной женщиной, жаждавшей не столько духовной, сколько физической любви.

Она была сильной творческой личностью, развитой и умной, способной при этом на страстные порывы. Окончив Бестужевские курсы, брала уроки актерского мастерства у актрисы Александринского театра, какое-то время служила в театре В. Комиссаржевской, затем в театре Л. Яворской и в провинциальных театрах, выходя на сцену под псевдонимом Басаргина.

После венчания в старинной боровской церкви в 1903 году молодые укатили в свадебное путешествие. Они были красивой парой,

А. Блок с матерью

влюблены друг в друга, счастливы и беззаботны.

В первые годы их совместной жизни Александр Александрович, безусловно, испытывал к жене пылкие чувства. Именно в то время увидел свет разом принесший ему все-российскую известность сборник «Стихи о Прекрасной Даме», посвященный Любви Дмитриевне. Но когда у поэта появились восторженные почитательницы, он периодически завязывал романы на стороне. Наиболее известные его пассии той поры — актриса Наталия Волохова и оперная певица Любовь Андреева-Дельмас.

Любовь Дмитриевна тоже позволяла себе подобные увлечения.

На этой почве у Блока возник конфликт с близким другом и единомышленником, одним из ярчайших поэтов и прозаиков эпохи Андреем Белым. Их любовный треугольник изображен Блоком в пьесе «Балаганчик». Белый, считавший Любовь Дмитриевну живым воплощением Прекрасной Дамы, был в нее страстно влюблен. Она же, однако, ему взаимностью не ответила. Впрочем, к концу Первой мировой войны отношения супругов и Блока с Белым наладились. И все последующие годы Александр Александрович оставался верным мужем.

Пока же он — студент Петербургского университета. Первые три года усердно штудирует там юриспру-

денцию, но затем понимает, что карьера юриста не для него, и переводится на историко-филологический факультет, избрав отделение русской славистики. Университет он окончил в 1906 году.

В тот ранний период творчества Блоку особенно близка была лирика Афанасия Фета и религиозного философа-мистика Владимира Соловьева, а еще — учение Платона. Тогда же судьба свела его с супружеской четой видных литературных деятелей и писателей — Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус, в журнале которых «Новый путь» он и сделал первые шаги в качестве литературного критика и поэта.

В 1909 году Александра Александровича постигли два тяжелых потрясения: умерли их с Любовью Дмитриевной новорожденный ребенок и любимый отец Блока. Чтобы оправиться от этих несчастий, они с женой поехали отдохнуть в Италию и Германию. За цикл итальянских стихов Блока вскоре приняли в члены литературного общества «Академия», где состояли также В. Брюсов, М. Кузмин, Вяч. Иванов, И. Анненский. Блоковские стихи теперь с нетерпением ожидала публика — он становился подлинным поэтическим кумиром.

Вступив на профессиональный творческий путь, молодой сверхталантливый поэт примкнул к символизму, ведущему тогда направлению в европейском искусстве и литературе. Со временем он выродился в голый формализм, словесную эк-

вилибриситику, но поначалу отличался новаторством, стремлением к лексическим экспериментам, загадочности и недосказанности. Как говорил впоследствии сам Блок, это было последнее великое лите-

временем отошел от символизма. Но в те, шахматовские, годы особое место у него в сердце занял московский кружок молодых последователей Владимира Соловьева, который возглавил Андрей Бе-

Г

лавное влияние на формирование личности Блока оказала его мать. Между ними всегда существовала непостижимая и необъяснимая духовная связь. Именно Александра Андреевна открыла Саше поэзию выдающихся мастеров, они вместе познакомились с новыми течениями философии, новыми литературными направлениями, обсуждали последние новости политики и культуры. Ей первой годы спустя Блок читал свои произведения, и именно у нее в первую очередь искал поддержки и утешения

ратурное течение Европы, захватившее и Россию. В Петербурге символистов возглавляли Мережковский и Гиппиус, а в Москве — непререкаемый Брюсов.

Вскоре стихи Блока начал публиковать московский альманах символистов «Северные цветы», где впервые был напечатан знаменитый цикл «Стихи о Прекрасной Даме».

*Предчувствую тебя. Года
проходят мимо —
Все в облике одном
предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне — и ясен
нестерпимо,
И молча жду, — тоскуя и любя.*

Уже тогда Блок был выше любого литературного направления и со-

лкий, что способствовало их сближению.

Революцию 1905 года (как и последующие Февральскую и Октябрьскую 17-го) Блок воспринял в качестве некой стихии. Она во многом изменила его мировоззрение и существенно повлияла на творчество. Любовная лирика в стихах Блока с той поры отходит на второй план, Прекрасную Даму сменяют клубящиеся образы вьюги, метели, воплотившиеся в Снежной Маске, Фаине, Незнакомке. Стихи о любви уступили место любовным переживаниям в реальной жизни. С роковой красавицы Волоховой поэт списывает героинь философских циклов

«Фаина» и «Снежная Маска», пьес «Песнь судьбы» и «Король на площади». (Но при этом продолжает боготворить жену.)

Уникальность поэзии Блока — в синтезе мистического и бытового, возвышенно-отрешенного и приземленно-повседневного. *«Ночь, улица, фонарь, аптека. \ Бессмысленный и тусклый свет. \ Живи еще хоть четверть века — \ Все будет так. Исхода нет».* В хрестоматийной «Незнакомке» (1906), вершине ритмической и образной пластики блоковской лирики, поэт одухотворяет, возводит к символу таинственной вечной женственности ресторанную «ночную бабочку», иными словами, обычную проститутку.

*И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.*

.....
*И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль.
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.
А рядом — «пьяницы с глазами
кроликов».*

Обостренная чувствительность Блока к будничным впечатлениям и звукам громадного города доходила до крайней степени восприятия, превращалась в отличительное свойство его психической структуры. Обостренная чувствительность и обостренная совесть.

Александр Александрович всегда жил трудно. Даже когда унаследо-

вал после смерти отца внушительное состояние, обеспечившее ему с женой вплоть до Октября финансовую независимость. Человек «бесстрашной искренности» и колоссальной культуры, приверженный дворянскому кодексу чести, бескомпромиссно требовательный, он служил одной лишь музе, в пушкинском понимании слова «служение». (*«Поэт, не дорожи любовью народной. \ Восторженных похвал пройдет минутный шум; \ Услышишь суд глупца и смех толпы холодной. \ Но ты останься тверд, спокоен и угрюм».*)

Та непрерывная духовная работа, которая совершалась в нем, отстраняла Блока от привычных литературских сборищ, богемных кружков и артистических кафе. Он мало кого пускал в свой внутренний мир, ходил в строгом сюртуке, застегнутом на все пуговицы, (в таком же виде, размеренно-напевно, полузакрыв глаза, читал свои стихи с эстрады), и, по сути, был очень одинок. Любил, правда, театральные артистов, среди которых менялся, словно оттаивал душой.

Недруги и завистники (а их у Блока хватало!) обвиняли его в надменности. Он ответил им классическим стихом:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

Кардинальный поворот в блоковском творчестве пришелся на конец 900-х годов. Поэта захватила проблема взаимоотношения народа

С женой Любовью Менделеевой

и интеллигенции, связанная с кризисом индивидуализма и попыткой определить место художника в реальной действительности. При этом Родина у Блока ассоциировалась с образом любимой жены («О, Русь моя, жена моя!»), благодаря чему его патриотические стихи обрели сугубо личностный характер и исповедальность. Основным поэтическим приемом Блок избрал метафору. Метафорическое восприятие мира он признавал основным свойством истинного поэта, считал это не произвольной игрой смыслов, а прозрением таинственной сущности жизни.

До революции музыкальность стихов Блока буквально завораживала читателей и слушателей на его выступлениях, погружала их в сомнамбулическое состояние. А потом

ритм блоковской поэзии становится порывистым, нервным, в ней появляются хватающие за душу интонации, близкие цыганским песням, которые исполнялись в посещаемых им кафешантанах.

Тогда же Блок пришел к выводу, что символизм как литературная школа со строго обозначенными правилами лично для него исчерпал себя. На авансцену в тот период выходили молодые поэты, противопоставившие туманной зашифрованности слова его первоначальное значение и пытавшиеся расширить его смысловые рамки, — Гумилев, Ахматова, Мандельштам. Позднее они объединятся в группу творческих единомышленников и назовутся акмеистами. Свои напряженные попытки вырваться ввысь из словесного плена предпринял отдельно от всех

отстоявший Пастернак, а следом за ним и Марина Цветаева...

Внимательно присматриваясь к этой дерзкой молодой поросли, но не сближаясь с ней, Блок отныне стал испытывать потребность в самоуглублении и, по его собственным словам, в «духовной диете». Сосредоточившись на крупных поэмах и пьесах, Александр Александрович почти отказался от журнальной публицистики и публичных выступлений, имевших большой успех. В эпоху роковых потрясений меж двух

Очередная поездка за границу в 1911 году, на этот раз во Францию, Бельгию и Нидерланды, помогла поэту на время отвлечься от тягостных раздумий о судьбах Родины, однако не принесла новых отрадных впечатлений. «...невылазная грязь — прежде всего, физическая, а потом и душевная... говоря кратко, человек сколько-нибудь брезгливый не согласится поселиться во Франции» — такое вот неожиданное заключение дает Александр Александрович французским нравам.

О

ктябрьскую революцию Блок принял восторженно. Призывал интеллигенцию «слушать музыку революции», искренне верил, что она несет живительное обновление мира, но при этом относился к ней, как к стихийному явлению, которому нельзя воспрепятствовать. Все это и было причиной согласия поэта сотрудничать с властью большевиков

революций он пытался осмыслить «страшный мир», а на его фоне — трагедию современного человека. Начинает, но так и не успел закончить программную поэму «Возмездие» (1910–1921).

«Рожденные в года глухие \ Пути не помнят своего. \ Мы — дети страшных лет России — \ Забыть не в силах ничего» — это перекликающееся с темой «Возмездия» стихотворение 1914 года Блок посвятил Зинаиде Гиппиус.

Летом 1913 года он по совету врачей снова отправился во Францию и снова вынес из своего вояжа сугубо негативные впечатления. «... хочется вернуться в культурную страну — Россию, где меньше блох, почти нет француженок, есть... умывальники (здесь тазы, из которых никогда нельзя вылить всей воды, вся грязь остается на дне)».

Мощный творческий импульс приносили поэту упоминавшиеся уже бурные любовные связи, окрашивая

его произведения в иные, более светлые, жизнеутверждающие тона. В октябре 1915 года Блок закончил поэму «Соловьиный сад», навеянную отношениями с тридцатичетырехлетней Андреевой-Дельмас. («А в саду кто-то тихо смеется, / А потом — отойдет и поет».) Ее загадочный образ пронизывает весь строй поэмы.

Романтические пьесы Блока того периода также несут на себе отпечаток его менявшихся настроений. Это была драматургия поэта, более предназначенная для чтения, нежели для сцены. «Роза и крест» понравилась основателям МХТ Станиславскому и Немировичу-Данченко, но постановка ее так и не осуществилась. Аналогичная судьба постигла «Песню судьбы» и «Короля на площади», в героинях которых автор воплотил черты своей предыдущей пассии, красавицы Волоховой. Лишь первая блоковская пьеса «Балаганчик» была в 1906 году перенесена Мейерхольдом на сцену театра В.Комиссаржевской.

Биография всякого большого поэта — в его стихах. Блок в этом плане не исключение. Несмотря на отдельные заграничные путешествия и вспышки чувств, жизнь Александра Александровича не была богата внешними событиями и неожиданными поворотами судьбы. Он постоянно жил с женой по нескольким адресам съемных квартир в Петербурге, последние годы на Офицерской улице (с 1918 года — ул. Декабристов). До Октябрьской револю-

ции летние месяцы проводил в своей драгоценной Аркадии — Шахматове. Наверное, только там бывал по-настоящему счастлив. И шахматовские стихи позднего Блока тому свидетельство. В холодном городе-спруте их интонация делалась иной, отвечая общему, глубоко пессимистическому мировосприятию поэта.

*Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы
брошенном,
Красивая и молодая.*

.....

*Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.*

*Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами
блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...*

*Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...*

Маленький стихотворный шедевр «На железной дороге» (1910), пожалуй, лучше всего передает неизбывную боль и тоску Блока от вопиющей несправедливости и уродства современной ему действительности. Поэтического спасения он искал в прошлом России, в ее историческом пути и предназначении. «...До боли \

Нам ясен долгий путь! / Наш путь — стрелой татарской древней воли \ Пронзил нам грудь... \ И вечный бой! Покой нам только снится... \ Сквозь кровь и пыль... \ Летит, летит степная кобылица \ И мнет ковыль...» Цикл патриотических стихов «На поле Куликовом» (1908) обозначил особое, сокровенное направление в творчестве Александра Блока, которое он противопоставлял «свинцовым мерзостям» жизни.

Первая мировая война резко переломила всю прежнюю жизнь огромной страны и прежнюю жизнь Блока. 7 июля 1916 года поэта призвали в инженерную часть Всероссийского Земского Союза. Служил Александр Александрович в Белоруссии. По собственному признанию в письме матери, его основные интересы тогда были «кушательные и лошадиные». Ну а мысли постоянно возвращались к России: *«Идут века, шумит война, \ Встает мятеж, горят деревни, \ А ты все та ж, моя страна, \ В красе заплаканной и древней».*

Потом грянул Февраль. Блок встретил буржуазную революцию со смешанными чувствами. От эмиграции решительно отказался, полагая, что должен быть в трудный час с Отечеством. Пошел в начале мая 17-го работать редактором «Чрезвычайной следственной комиссии» Временного правительства, выявлявшей противозаконные действия бывших царских министров и высших должностных лиц рухнувшей империи, «как граждан-

ских, так и военных и морских ведомств». В августе начал трудиться над рукописью, которая должна была стать частью будущего отчета Чрезвычайной комиссии, и которую он опубликовал в журнале «Былое» отдельной брошюрой под названием «Последние дни императорской власти» (Петроград, 1921).

Октябрьскую революцию Блок принял восторженно. Призывал интеллигенцию «слушать музыку революции», верил в то, что она несет живительное обновление мира, но относился к ней как к стихийному явлению, которому нельзя воспрепятствовать. Это было причиной согласия поэта сотрудничать с властью большевиков, хотя те же Мережковский и Гиппиус, Ахматова и Пришвин эту власть отвергали. Некоторые, подобно чете Мережковских и Бунину, вскоре покинули Россию. Большинство, включая Ахматову, Белого, Брюсова, Пастернака, Мандельштама, остались на родине и по мере сил пытались приспособиться к социалистическому строю.

«Блок открыто присоединился к большевикам, — возмущался их самый ярый ненавистник Иван Бунин. — ...В Жмеринке идет еврейский погром, как и был погром в Знаменке... Это называется, по Блокам, "народ объят музыкой революции..."»

Руководству партии большевиков Блок был нужен, его имя почиталось, его слово пользовалось высоким моральным авторитетом. Поэта решили использовать в пропагандистских целях для придания боль-

шего веса и легитимности новому режиму, отметившемуся уже «красным» террором.

Революция лишила семью Блока всего. Особенно тяжела была утрата Шахматова. В последний раз Александр Александрович приезжал

в усадьбу незадолго до мобилизации, в июне 1916-го. В семнадцатом туда успела еще навеститься мать поэта. Бунтовавшие крестьяне жгли окрестные усадьбы. Транспорт почти не ходил. Оставаться в Шахматове делалось небезопасно, и хозяйева

бросили его на произвол судьбы. Вскоре был полностью разграблен главный дом. Некоторые вещи, которыми бунтовщики не смогли или не сумели воспользоваться, сожгли. Так они поступили с пианино и рабочим столом Блока, привезенным им после смерти отца из Варшавы. Сгорела обширная блоковская библиотека, собиравшаяся годами.

Усадебные постройки просто разнесли по бревнышку. А разграбленный, открытый всем ветрам господский дом простоял еще четыре года. В июле 21-го, незадолго до смерти поэта, и он, в конце концов, сгорел дотла. Ночным стоном в дневнике: «А-а-а!» Александр Александрович отреагировал на весть о гибели Шахматова. И больше — ни слова.

На протяжении 1918–1920 годов Блока, зачастую вопреки его воли, назначали и выбирали на разные должности в культурных организациях, комитетах, комиссиях. Постоянно возрастающий объем работы в условиях нищеты и голода Военного коммунизма подорвал силы поэта. Накапливалась смертельная усталость. Свое тогдашнее состояние он описал двумя словами: «меня выпили». Наступило творческое молчание. «Я разучился писать стихи и думать о стихах», — сообщал Александр Александрович в частном письме, датированном январем 1919 года.

Его здоровье стремительно ухудшалось. Возникла серьезная сердечно-сосудистая болезнь, появилась астма. Пайковая мерзлая конина и черный картофель способ-

ствовали тому, что зимой 20-го Блок заболел цингой, усугубленной психическим расстройством. При этом в январе того же года скончался отчим поэта генерал Франц Кублицкий-Пиотух, которого Александр Александрович ласково называл Францик. Блок забрал мать к себе, однако свекровь и невестка плохо ладили друг с другом...

Поэтическая немота тех первых революционных лет прорвалась у Блока лишь однажды, зато как! — пророческим стихотворением «Скифы» и невероятной поэмой «Двенадцать». «Мы на горе всем буржуйам \ Мировой пожар раздуем...» «В белом венчике из роз — \ Впереди — Исус Христос». Это он, Спаситель, возглавляет в поэме шествие сквозь петроградскую вьюгу двенадцати патрульных красноармейцев-апостолов... Такого поворота темы, такого неожиданного для автора «Незнакомки» приклатненно-частушечного языка улицы не ожидали прежние ревнители блоковской поэзии, дружно осудившие новаторское по смыслу и форме произведение. Мало кто из современников его понял, поскольку к Блоку, как к небожителю, привыкли относиться слишком всерьез.

После мощного всплеска 1918 года, когда буквально разом были написаны «Скифы» и «Двенадцать», у поэта наступил глубокий творческий кризис, его одолела депрессия, наложившаяся на прогрессирующую болезнь. Блок совсем перестал

писать стихи и на вопросы о своем молчании отвечал: «Все звуки прекратились... Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?» А замечательному художнику Ю. Анненкову, иллюстрировавшему в манере кубизма первое издание поэмы, он признавался: *«Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь!.. Мы задохнемся все. Мировая революция превращается в мировую грудную жабу!»*

В феврале 19-го Блок был арестован Петроградской ЧК по подозрению в антисоветском заговоре. Че-

Есенина. Три годами раньше тот по приезде из Москвы в Петербург прямо с вокзала ринулся на Офицерскую, к Блоку, со своими стихами.

Дверь отворил сам Александр Александрович, величественный, высокий, статный и замкнутый. Со сдержанным удивлением рассматривал молодого гостя, щеголявшего смазными сапогами, косовороткой и гармошкой через плечо (позднее сменил их на лаковый цилиндр и лайковые перчатки). Блок оценил стихи молодого деревенского поэта и отправил

П

осле получения отказа на заграничные визы Блок, полностью отдавая себе отчет в своих действиях, уничтожил все записи, перестал принимать пищу и лекарства. Это был бессильный протест большого человека против бездушия тех, кто, нещадно эксплуатируя его талант и имя, отказал ему затем в праве на лечение и на саму жизнь

рез день после двух многочасовых допросов его освободили, вступился нарком просвещения Луначарский. Но даже полтора дня, проведенные в тюрьме, надломили Блока. В дневнике 1920 года он запишет: *«...под игом насилия человеческая совесть умолкает, тогда человек замыкается в старом... Так случилось с Европой под игом войны, с Россией — ныне».*

Изредка он еще находил силы выходить на эстраду и встречаться с собратями по перу. Принял в 18-м набиравшего популярность Сергея

его с запиской к Городецкому, фактически открыв Есенину дорогу в литературу. Городецкий, к которому тот заявился с черного хода, спросив у кухарки, не надо ли чего покрасить, отнесся к блоковской рекомендации с должным вниманием, и поэтического самородка пошли передавать по редакциям. Десять лет спустя Есенин писал в «Автобиографии»: *«Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот».*

Во время второй встречи они проговорили долго на профессиональные темы, и Есенин отправился

на вечер Блока в Технологическом институте, шепнув в конце вечера своему спутнику: *«Хорош Блок! Надо его проводить до дома»*. И проводил, беседуя с ним по дороге о германском наступлении на столицу. Когда Блок умер, Есенин, вне себя, ворвался на вечер его памяти в московском клубе пролетар-

ских поэтов «Кузница» с криком: *«Это вы, пролетарские поэты, виновны в смерти Блока!»*

Последний раз Александр Александрович выступал в феврале 1921 года в петроградском Доме литераторов по случаю 84-й годовщины смерти Пушкина. Он произнес там свою совершенно по-

трясающую речь «О назначении поэта».

Это было прощание.

Тяжело больной, Блок вместе с Федором Сологубом обратился весной за разрешением на выездные визы в Финляндию для санаторного лечения. Причем «генсек» советской литературы Максим Горький лично ходатайствовал о разрешении. Вопрос рассматривало... Политбюро ЦК РКП(б). В разрешении было отказано.

Некоторые историки полагают, что Ленин и Менжинский сыграли в этом решающую роль. Выхлопотанное Каменевым и Луначарским на следующем заседании Политбюро разрешение на выезд было подписано 23 июля. Но так как состояние Блока к тому моменту резко ухудшилось, Горький просил разрешить также выезд в качестве сопровождающего лица жене поэта.

К 1 августа разрешение подписал Молотов. Горький узнал об этом только 6-го. А Александр Александрович не узнал вовсе, так как 7 августа умер в своей петроградской квартире от воспаления сердечных клапанов. Он умирал в страшных мучениях, кричал, не переставая. За несколько дней до его смерти по Петрограду поползли слухи, будто поэт сошел с ума. Действительно, накануне смерти он долго бредил, одержимо допытываясь у родных, все ли экземпляры «Двенадцати» уничтожены...

Умирал же Александр Блок в полном сознании, ни о каком помеша-

тельстве речь идти не могла. Не могла она о нем идти и раньше. После получения первого отказа на заграничные визы поэт, полностью отдавая себе отчет в своих действиях, уничтожил все записи, перестал принимать пищу и лекарства. Это был бессильный протест большого человека против бездушия тех, кто, нещадно эксплуатируя его талант и имя, отказал ему затем в праве на жизнь и лечение. А они, проводив в последний путь жестокого вождя, мало что смыслившего в литературе, охотно заседали в президиумах юбилейных чествований Блока, которого, вслед за доведенным ими до самоубийства Маяковским, возвели в «первые поэты» эпохи. (Ну, как тут не вспомнить пушкинское: «Они любить умеют только мертвых!»)

Блок был похоронен на православном Смоленском кладбище Петрограда. Анна Ахматова написала: «Принесли мы Смоленской заступнице... \Наше солнце, в муках погасшее, \Александра, лебедя чистого».

В 1944 году прах Блока перезахоронили на Литературных мостках Волковского кладбища в Ленинграде, среди близких ему по духу и судьбе людей. Паломничество к его могиле не иссякает. Многолетними усилиями энтузиастов возродилось заповедное блоковское Шахматово. Там теперь Дом-музей поэта. Главное же — поэзия Блока во всем ее великолепии по-прежнему живет с нами. □

Алла Зубкова

...НО НЕ ИМПЕРАТРИЦА

Император Александр II оставил глубокий след в русской истории. Его внутренние и внешние реформы сравнимы по своему масштабу разве что с преобразованиями Петра I. Он осуществил грандиозную крестьянскую реформу, в кор-

не изменившую жизнь страны, провел земскую, судебную и военные реформы. Однако в людской памяти он оставил и другой след — необычайный любовный роман, продолжавший последние 15 лет его царствования.

Нужно сказать, что необходимость ощущения постоянной влюбленности были, возможно, одной из отличительных черт почти всех Романовых. В качестве примеров можно сослаться на многочисленные любовные истории Петра Великого, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I.

Император Александр Николаевич не был исключением. Женщины всегда играли большую роль в его жизни. Уже в пятнадцатилетнем возрасте цесаревич, не скрывая своих чувств, флиртовал с фрейлиной матери, Натальей Бороздиной. Несмотря на то, что увлечение это носило вполне невинный характер, Бороздина была удалена из дворца, спешно выдана замуж за дипломата и отправилась с ним в Лондон.

В восемнадцать лет у Александра начался опять-таки платонический роман с Софьей Давыдовой, дальней родственницей поэта-гусара Дениса Давыдова. Позднее, уже в двадцатилетнем возрасте, наследник престола впервые испытал серьезное чувство, предметом которого стала опять-таки фрейлина императрицы — Ольга Калиновская.

Через этих увлечений начала раздражать Николая I. В беседе с одним из своих министров он, заговорив о сыне, заметил: *«Надо ему иметь больше силы характера, иначе погибнет ... Слишком он влюбчивый и слабовольный и легко попадает под влияние. Надо его удалить из Петербурга»*. Сказано — сделано.

Цесаревич был отправлен за границу «с образовательной целью», а заодно было решено приискать ему подходящую невесту.

В 1837 году Александр посетил Швецию, Австрию, Италию. В одном из небольших германских государств, Дармштадте, он познакомился с дочерью великого герцога Гессенского Людовика II, принцессой Марией, которой в то время было 15 лет. Некоторые источники утверждают, что цесаревич сразу и бесповоротно влюбился в принцессу. Другие полагают, что любовь к оставленной в Петербурге Калиновской еще не ушла из его сердца. Как бы то ни было, он отправил отцу письмо, в котором говорил о возможности своего брака с миловидной и грациозной Марией.

Несмотря на это, цесаревич по-прежнему оставался верен себе. Посетив далее Англию, он не на шутку увлекся молодой королевой Викторией, которая в то время была озабочена поисками достойного супруга. На Викторию русский цесаревич произвел в высшей степени благоприятное впечатление. Разумеется, этот брак совсем не входил в планы императора. Его наследник в роли принца-консорта английской королевы! Такое могло привидеться Николаю I только в кошмарном сне.

Вернувшись в Петербург, цесаревич дал свое согласие на брак с дармштадской принцессой. Что ж, ему не пришлось жалеть о сделанном выборе. Великая княгиня Ма-

рия Александровна, под этим именем она вошла в русскую императорскую семью, с самого начала прилагала все силы, чтобы быть достойной своего высокого положения. Она была чрезвычайно религиозна и отличалась широкой благотворительностью, тратя на эти цели не только государственные, но и личные средства. Она нежно любила мужа, который отвечал ей взаимностью, и детей. Их первый ребенок из восьми, девочка по имени Александра, умерла в семилетнем возрасте. В 1860 году, когда Мария Александровна родила последнего ребенка, ей исполнилось 36 лет. К этому времени она уже пять лет как носила титул императрицы. Здоровье ее, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Многочисленные беременности и суровый климат Санкт-Петербурга тяжело отразились на ее самочувствии. У нее были слабые легкие и расшатанные нервы. Вскоре врачи диагностировали туберкулез. Процесс развивался довольно быстро.

Александр II относился к супруге с заботой и нежным участием. Пережитые испытания до поры только сближали царственную чету. Своеобразным водоразделом в их отношениях стала внезапная смерть наследника престола, цесаревича Николая. Мария Александровна сильно сдала. Она ушла в религию, мирские радости больше не волновали ее, и когда врачи из-за ухудшения здоровья предписали ей воздержани-

ние от физической близости с супругом, она испытала невольное чувство облегчения. Однако император в свои сорок семь лет, еще полный сил и жизненной энергии мужчины, не был готов согласиться на абсолютное целомудрие. Будучи человеком глубоко порядочным, он боролся с искушениями, но природа брала свое. Измученный длительным воздержанием, он вскоре перешел, как говорится, к решительным действиям...

Первой серьезной победой Александра стала фрейлина его супруги, юная княжна Александра из рода Долгоруких. (Позднее она послужила для Тургенева прототипом героини его романа «Дым».) Впрочем, связь эта продолжалась не так уж долго. За этим увлечением последовали другие, быстро сменяя одно другое. Императрица стоически закрывала на все это глаза. Однако в конце 60-х годов при дворе все настойчивее стали распространяться слухи о том, что у императора появилась постоянная серьезная привязанность. Судьбе было угодно, чтобы новая избранница принадлежала к отдаленной ветви уже упоминавшегося рода Долгоруких. Звали ее Екатериной и она, как и ее родственница Александра, входила в число фрейлин императрицы.

Род Долгоруких вел свое начало от Рюриковичей. Первой реальной исторической личностью в этом роду являлся князь Михаил Черниговский, замученный в Золотой Орде

*Александр II
и Мария
Александровна*

в середине XIII века. Дочь одного из Долгоруких, Мария, в 1616 году должна была выйти замуж за царя Михаила Федоровича, основателя династии Романовых, но ее отравили. Князь Алексей Долгорукий считался одним из любимцев Петра I.

Екатерина Михайловна Долгорукая, которой было суждено сыграть исключительную роль в жизни Александра II, появилась на свет в Москве 2 ноября 1847 года. Ее отец, князь Михаил Михайлович, унасле-

довал огромное состояние, но любовь к роскоши и неудачные финансовые операции под конец жизни вконец разорили его. Мать Екатерины, Вера Гавриловна, урожденная Вишневская, богатейшая украинская помещица, также потеряла все свои поместья. Последнее пристанище семьи, имение Тепловка, неподалеку от Полтавы, оказалось заложным и перезаложным. Именно там, летом 1859 года император, надзиравший над военными

маневрами, проводившимися под Полтавой, и увидел одиннадцатилетнюю Катю, Катрин или Катиш, как называли ее близкие. Остановившемуся в Тепловке государю запомнилась очаровательная грациозная девочка с большими темными глазами «испуганной газели». Впрочем, робкой она отнюдь не была и покорила императора своим веселым жизнерадостным нравом. Александр сочувственно отнесся к сложному финансовому положе-

желал увидеть девушек, которым оказал в свое время покровительство. Екатерина превратилась в прелестную семнадцатилетнюю девушку с великолепной стройной фигурой, тонкими чертами лица, роскошными каштановыми волосами и выразительными миндалевидными глазами. Александр был очарован ее красотой и наивностью, и желание как можно чаще видеть ее превратилось в поистине навязчивую идею.

В жизни Александра II женщины всегда занимали особое место, но самую исключительную роль суждено было сыграть Екатерине Долгорукой, которую император увидел, посетив Смольный институт. Семнадцатилетняя девушка с тонкими чертами лица, великолепной фигурой и выразительными миндалевидными глазами с первого взгляда очаровала Александра своей красотой и наивностью

нию семьи. Четверо братьев Долгоруких за государственный счет были определены в различные петербургские военные учебные заведения, а Катя и ее младшая сестра были взяты в Смольный институт. Через несколько лет, после смерти главы семейства, Александр II распорядился взять Тепловку под государственную опеку.

В 1865 году император, посетив Смольный, вспомнил Тепловку и по-

Однажды весенним днем, прогуливаясь по Летнему саду со своей горничной, Катрин встретила императора, шагавшего по аллее в сопровождении адъютанта. Александр подошел к ней и, не обращая внимания на прохожих, наблюдавших за ними, увлек в одну из боковых аллей. Напуганная его комплиментами, Екатерина готова была провалиться сквозь землю. Император настаивал на дальнейших встречах,

и у девушки не хватило сил отказать ему.

Они стали встречаться во время прогулок либо в Летнем саду, либо в парке на Елагином острове, а с середины лета — в рощах Петергофа (там Екатерина жила на даче). В конце концов, Александр пылко объяснился ей в любви и пытался убедить Катю в искренности и чистоте своих чувств.

Полюбила она его не сразу. Однажды, во время очередной встречи, император показался ей таким несчастным и беспомощным, что в ней пробудились жалость и сострадание. Впервые со времени их знакомства она с нетерпением ждала следующей встречи.

Наступил июль 1866 года. Двор, по обыкновению, находился в Петергофе в великолепном дворце, выстроенном Петром I на берегу Финского залива. В конце парка, близ дороги, ведущей в Красное Село, возвышался павильон, украшенный колоннадой, который носил название «бельведер Бэбигон», и был выстроен Николаем I для его супруги. Там 1 июля взволнованная до потери сознания Екатерина Михайловна отдалась не менее взволнованному Александру II. (Этот день она помнила до самой смерти, о чем не раз рассказывала). При расставании император поклялся ей: «Сейчас я, увы, не свободен, но при первой же возможности я женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я считаю тебя своей женой перед Богом... До завтра! Благослови тебя Бог!»

Их близость стала для Екатерины ослепительным откровением. В объятиях императора она познала женское счастье. Своей близкой подруге девушка признавалась: *«Не понимаю, как я могла противиться ему в течение целого года, как не полюбила его раньше»*.

Что же касается Александра II, то он убедил себя в том, что их союз угоден Богу. Каждый вечер он посылал Екатерине письма, в которых слышался голос отнюдь не стареющего монарха, но пылкого юноши. Ему было сорок восемь, ей — девятнадцать. Но такая разница в возрасте его отнюдь не тревожила, скорее, возбуждала.

Осенью, когда двор вернулся в столицу, отношения между императором и Екатериной упорядочились. Примерно три раза в неделю она приезжала в Зимний дворец и через дверь, от которой у нее имелся ключ, проникала в комнату на первом этаже, откуда потайная лестница вела в императорские покои на втором этаже. Вскоре весь петербургский свет был в курсе происшедшего. Одни жалели невинную девушку, ставшую добычей похотливого властителя. Другие, и их было гораздо больше, утверждали, что княжна невероятно развратна, что она ведет себя нарочито вызывающе, желая разжечь страсть императора, танцует перед ним обнаженная на столе. Судачили и о том, что она в непристойном виде проводит целые дни и якобы принимает посетителей

«почти не одетой», а за бриллианты готова отдаться всякому.

Чтобы дать время пересудам уняться, Екатерина решила уехать в Италию, в Неаполь, к семье жены своего брата Михаила. Эта разлука повергла императора в отчаяние, и в письмах к любимой он умолял ее вернуться. Воссоединились они лишь полгода спустя в Париже, куда Александр II приехал, чтобы посетить Всемирную выставку. Истосковавшаяся по любимому, княжна спешно прибыла в столицу Франции. Она поселилась в гостинице поблизости от Елисейского дворца, и каждый вечер являлась туда на свидание к Александру. Император проводил с ней все время, свободное от официальных приемов. В дворцовом саду он признался ей: *«С тех пор, как я полюбил тебя, другие женщины перестали для меня существовать. В течение целого года, когда ты отталкивала меня, а также и в течение того времени, что ты провела в Неаполе, я не желал и не приближался ни к одной женщине».*

С тех пор их связь окончательно упрочилась. Княжна следовала за императором повсюду. Во время его пребывания в Царском Селе, в Петергофе и в Ливадии она жила в этих местах на даче. Александр II назначил ее фрейлиной императрицы, дабы она могла бывать при дворе и украшать своим присутствием торжественные приемы. По свидетельству дам, приближенных к трону, Александр признался жене в своей

любви к Долгорукой. Покинутая царица высокомерно, с холодной улыбкой принимала реверансы своей молодой соперницы. Дети, включая наследника престола, также всячески старались соблюсти внешние приличия. Фактически у императора появилась вторая семья, однако почитание самодержца в России было еще столь прочным, что никто не осмеливался хоть как-то осудить государя.

Бросая вызов условностям, Александр поселил свою возлюбленную в Зимнем дворце под одной крышей с императрицей Марией Александровной. Та стоически переносила свое унижение и не опускалась до обвинений. Она относилась к «любовным излишествам» императора с презрительным сожалением. Тем не менее, как-то сказала своей наперснице, графине Александре Толстой: *«Я прощаю оскорбления, нанесенные императрице, но не могу простить мучений, причиненных супруге».*

В конце апреля 1872 года Екатерина подарила Александру II сына. Это произошло в Зимнем дворце. Роженица испытывала такие сильные боли, что император, не в силах смотреть на мучения любимой женщины, обратился к врачу со словами: *«Если нужно, пожертвуйте ребенком, но ее спасите, во что бы то ни стало».* К счастью, все завершилось благополучно.

Заботу о ней Александр II доверил главе службы личной безопас-

ности генералу Рылееву. Ребенка, названного Георгием, отвезли в дом генерала в Мошной переулок, находившийся под надзором жандармов, где его опекали русская кормилица и французская бонна. Екатерина быстро оправилась после родов. Александр, опасавшийся, что беременность нанесет ущерб совершенной, как он считал, красоте его возлюбленной, успокоился. Отличный рисовальщик, он сделал набросок карандашом, изображавший ее обнаженной, лежащей на диване. Этот рисунок, как и другие подобные в стиле ню, был найден в личных бумагах императора после революции 1917 года.

Появление на свет внебрачного отпрыска императора шокировало петербургский высший свет, но открыто осуждать государя было небезопасно. Всесильный шеф жандармов П.А. Шувалов в одной из доверительных бесед позволил себе заметить собеседнику, что государь всецело находится под влиянием Долгорукой, а потому способен на необдуманные поступки. При этом он пообещал: «*Но я сокрушу эту девочку*». Эта история закончилась для шефа Третьего отделения печально. Он был удален от двора в почетную ссылку — послом в Лондоне.

Между тем, в словах Шувалова, безусловно, имелась изрядная доля здравого смысла. Истощенный любовными экзерсисами, которые были ему уже явно не по силам, Александр II все больше терял волевую

*Екатерина Михайловна
Долгорукая-Юрьевская*

хватку и ясность ума, необходимые для эффективного ведения государственных дел. Главная его забота состояла в том, чтобы не слишком разочаровывать в постели любовницу, чья молодость ему весьма льстила. Здоровье его стало сдавать — он похудел, ссутулился, все больше страдал одышкой. И все же его еще ожидали семейные радости — после сына Георгия Екатерина Михайловна в 1873 году родила дочь Ольгу, а осенью 1877 года еще одну девочку, названную в ее честь. (Кстати, эта дочь Александра II скончалась в 1959 году, всего два

года не дожив до первого полета человека в космос.)

Император был чрезвычайно озабочен судьбой своих незаконных детей. Будучи монархом самодержавным и неограниченным, он обладал и неограниченными возможностями в создании им законного гражданского положения. Некоторое время он колебался, размышляя над вопросом, какую фамилию им дать, и, в конце концов, нашел решение, удовлетворившее его. По мужской линии своего рода Екатерина Михайловна происходила от Рюрика и Владимира Мономаха. Одним из наиболее славных ее предков был князь Юрий Долгорукий, восьмой сын Владимира Мономаха, основавший в 1147 году Москву. Вдохновленный этими воспоминаниями, Александр II пожаловал своим незаконным детям фамилию «Юрьевские», присовокупив к нему титул светлейших князей. Соответствующий указ был послан Сенату. Сделано это было в 1874 году.

Между тем, время шло, и врачи делали неутешительные выводы относительно состояния императрицы. Она почти не вставала с постели. Сил хватало лишь на молитву и на краткие встречи с детьми. 22 мая (3 июня) 1880 года Мария Александровна тихо скончалась. Прервало ее жизнь легкое напряжение от кашля. Это произошло так быстро и незаметно, что не успели даже позвать детей. Император в это время находился в Царском Селе. Четыре

дня спустя бранные останки императрицы были перенесены из Зимнего дворца в собор Петропавловской крепости. Под звуки песнопений митрополит санкт-петербургский начал служить заупокойную литургию.

Несмотря на звание фрейлины, княжна Долгорукая, естественно, воздержалась от присутствия на похоронах императрицы и осталась в Царском Селе. Александр уже давно не возобновлял с нею разговор о браке, но княжна продолжала верить ему. Она не сомневалась, что рано или поздно, по истечении требуемого приличиями срока, император женится на ней. И не ошиблась. Через месяц после похорон императрицы Александр II, обняв Екатерину Михайловну, сказал: *«Петровский пост закончится 6 июля. Я решил в этот день обвенчаться с тобой перед Богом»*.

Так как после смерти Марии Александровны был объявлен годичный траур, император счел уместным провести обряд венчания тайно, без огласки. Первым о решении императора узнал министр двора, граф Адлерберг, личный друг и соратник Александра. Поначалу он пребывал в шоковом состоянии, но затем, собравшись с духом, попросил царя подумать о неблагоприятных последствиях этого шага, который, по его убеждению, мог привести к падению престижа династии и империи и, возможно, даже вызвать брожение в стране. Адлерберг попро-

сил царя хотя бы несколько отсрочить это событие. «Я жду уже четырнадцать лет. Четырнадцать лет назад я дал свое слово. Я не буду ждать более ни одного дня», — заявил в ответ Александр и настоятельно попросил графа стать его шафером. Министр пытался привести какие-то аргументы, Александр молча слушал его. Неожиданно он прервал графа, велел пригласить в кабинет Екатерину Михайловну, а сам вышел. Адлерберг разговаривал с княжной

спокоен, только когда он повенчается со мной».

Страсти накалялись. Александр отрыл дверь и спросил, можно ли ему войти. В ответ на это Долгорукая закричала: «Нет, пока нельзя!»

По свидетельству Адлерберга, это было сказано таким тоном, каким «приличные люди не разговаривают даже с лакеем». Поведение «этой дерзкой и вздорной женщины» потрясло царедворца. И все же, когда несколько минут спустя импера-

Александр II лелеял надежду возложить корону на голову Екатерины, однако его мучили дурные предчувствия. Он уже пережил несколько покушений и понимал, что рано или поздно все равно станет жертвой революционеров, поэтому торопился составить завещание, в котором постарался обеспечить материальное благополучие своей второй семьи

впервые в жизни. Он попытался и ей доказать опасность и пагубность этого решения, но натолкнулся на стену непонимания. Екатерина Михайловна вела себя весьма агрессивно. Она обвинила графа в том, что он препятствует императору в выполнении его долга, руководствуясь низкими политическими мотивами. На все доводы и аргументы княжна неизменно отвечала одной фразой: «Государь будет счастлив и

тор вернулся в кабинет и повторил ему свою просьбу стать его шафером, тот отрешенно, с убитым видом согласился.

Венчание состоялось 6 июля 1880 года в три часа дня в небольшом помещении нижнего этажа Большого Царскосельского дворца. Государь был в голубом гусарском мундире, невеста в простом светлом платье с непокрытой головой. Там уже их ждали протоирей Зимнего дворца

*Император
Александр II,
княжна
Екатерина
Михайловна
Долгорукая
и их дети —
Георгий
и Ольга*

священник Никольский, протодьякон и псаломщик. На столе, служившем аналоем, лежало распятие, Евангелие, две свечи, венчальные венцы и обручальные кольца. Адъютант царя, генерал Э.Т. Баранов и генерал А.М. Рылеев держали венцы над головами новобрачных. Стоявшие сзади них подруга Екатерины Вера Шебеко и граф Адлерберг опустили на колени. Протоирей трижды повторил

торжественные слова венчания, но по окончании службы не решился обратиться к обвенчанным с обычными словами: «Облобызайтесь». Они не поцеловались и безмолвно удалились. В тот же вечер император подписал тайный указ (он был обнародован лишь полгода спустя), согласно которому его супруге, сыну и двум дочерям присваивались титулы Их Светлости и фамилия «Юрьевские».

Цесаревич, его братья и сестры безропотно склонились перед волей венценосного отца, приняв его второй брак как данность. Впрочем, Александра II ничуть не заботило их мнение. Главным для него было счастье любимой женщины, которая ждала этого момента долгих пятнадцать лет. Княгине Юрьевской было тридцать три года. Она полагала, что имеет полное право на достойное вознаграждение за годы добровольного заточения, и ее стремление появляться на публике, блистать при дворе и принимать почести не знало границ.

Вскоре новость о тайном бракосочетании государя распространилась по всей стране, а в высшем свете Санкт-Петербурга стали циркулировать упорные слухи о подготовке коронации Юрьевской, причем некоторые придворные утверждали, что уже заказан даже вензель для новой императрицы «Е III» (Екатерина III).

Александр II в самом деле лелеял надежду возложить императорскую корону на голову супруги, однако его мучили дурные предчувствия. К концу семидесятых годов угроза гибели царя от рук террористов стала не просто велика, но все более превращалась в жестокую реальность. Александр уже пережил несколько покушений и понимал, что рано или поздно падет жертвой революционеров. Человек большого личного мужества, к тому же фаталист, он, тем не менее, страшился безвременного конца, особенно по-

сле того, как осуществил свою самую заветную мечту. Сразу после венчания, обняв княгиню, он печально произнес: *«Я боюсь своего счастья, боюсь, что меня Бог слишком скоро лишит его»*.

Осенью 1880 года Александр II составил завещание, в котором старался обеспечить материальное благополучие своей второй семье. В этом документе объявлялось, что государственные процентные бумаги на сумму более трех миллионов рублей, помещенные императором в Государственный банк, являются собственностью его семьи. Он также обратился к наследнику престола с письмом. Там в частности говорилось: *«Дорогой Саша! В случае моей гибели поручаю тебе мою жену и детей»*.

Трагические предчувствия не обманули императора. С самого утра 1 марта (13 марта по новому стилю) 1881 года княжна Юрьевская испытывала безотчетную тревогу. Император в этот день должен был совершить несколько поездок. Княгиня умоляла его не ездить обычным маршрутом по длинной набережной Екатерининского канала. Он обещал послушаться ее. Тем не менее, княгине не удавалось избавиться от мучившего ее волнения.

Выполнив все запланированные на тот день мероприятия, император в сопровождении конвоя из шести терских казаков и офицеров полиции направился в Зимний дворец. Во время следования вдоль решетки Михайловского дворца неожиданно

раздался оглушительный взрыв. Когда дым рассеялся, перед глазами редких прохожих предстала жуткая картина. На тротуаре лежали убитые наповал мальчик, случайно оказавшийся здесь, и два казака. Все вокруг было залито кровью людей и лошадей. Царская карета была полностью уничтожена, но сам император не пострадал и пожелал видеть террориста, бросившего бомбу. В это время другой заговорщик, стоявший, опершись на парашют, бросил еще одну бомбу прямо под ноги царя. Через мгновение все увидели Александра II, лежащего на земле, всего в крови. Подоспевшему брату, великому князю Михаилу Николаевичу, он прошептал: *«Скорее во дворец ... там умереть»*. Это были последние слова умирающего монарха. Его уложили в сани и быстро домчали до Зимнего дворца.

Княгиня Юрьевская, которой тут же сообщили о случившемся, огромным усилием воли взяла себя в руки, достала из своей аптечки лекарства и бросилась в кабинет императора. Она ворвалась туда в тот момент, когда казаки укладывали истекающего кровью Александра на кровать. Екатерина с ужасом увидела, что у него почти оторвана левая нога. Склонившись над ним, она помогла врачам перевязать кровоточившие ноги и одновременно шептала ему на ухо слова любви, которые он уже не мог слышать. В 15.35 врач объявил: *«Его Величество покинул нас»*.

*Светлейший князь
Георгий Александрович Юрьевский*

На следующий день тело императора было поставлено в часовне Зимнего дворца. После окончания службы и церемонии прощания из соседней комнаты появилась вдова. Она едва держалась на ногах, и ее поддерживали под руки адъютант Александра II и сестра. Екатерина опустилась на колени, покрывая его лицо поцелуями. Позднее она отрезала локон своих волос и вложила его в пальцы императора...

Александр III и его супруга первое время относились к княгине участливо. Однако вдова доставляла им немало хлопот. Она требовала к себе внимания, соответствующего вдове императора. Нередко ее требования, по мнению нового монарха, выходили за рамки прили-

*Светлейшая княжна
Ольга Александровна Юрьевская*

чий и здравого смысла. То она вдруг начала претендовать на одну из императорских резиденций, то потребовала себе орден Святой Екатерины, которым награждали почти исключительно представительниц династии.

Вскоре Юрьевская с детьми покинула Россию. Она обосновалась во Франции на Лазурном берегу и жила там, как говорится, на широкую ногу. Знающие люди в русском правительстве утверждали, что княгиня имела на своих счетах в банках Лондона и Парижа несколько миллионов. Часть этой суммы составляли капиталы Александра II, а другая часть — подношения ей от железнодорожных магнатов за содействия в получении концессий.

*Светлейшая княжна Екате-
рина Александровна Юрьевская*

Екатерина Михайловна свято хранила память о муже. Это, однако, не помешало ей с помощью одного французского журналиста издать книгу воспоминаний, где содержалось немало интимных подробностей о ее отношениях с Александром II.

Дожидала она свой век на роскошной «Вилле Жорж» в Ницце, окруженная реликвиями, связанными с годами счастья с любимым человеком. Женщина, которая чуть было не стала Екатериной III, скончалась в феврале 1922 года в возрасте 75 лет, всеми забытая. Лишь немногие французские газеты посвятили ее уходу несколько строк. Вот такая судьба была уготована этой удивительной женщине с глазами «испуганной газели»... □

Чайки кричали о верности

Познакомились они чудом, и вся их история есть чудо.

За полгода до этого адмирал схоронил жену, и свет для него угас.

Старший сын ловил на Камчатке краба, жил там же и был при деньгах, дочь вышла замуж за винодела Армена и уехала в горы Кавказа, адмирал остался один как перст на четырехкомнатных жилищных просторах. Когда-то на ядерной подлодке он шарил под водой под чутким носом НАТО и ходил под голубыми льдами Арктики, но был списан по возрасту, а как не стало жены, впал в неподвижность у телевизора и все чаще размышлял о неизбежном и всеобщем. Знакомые его жалели, развлекали, как могли, пытались другую приличную женщину к нему приживить — ничего не получалось, он сравнивал ее с Алей, находил недостатки, и добрая затея рассыпалась на зеркальные осколки.

Общения ему не хватало, голоса, кислорода, смысла, форточку захлопнули и больше не открывали. И с ветеранской организацией не сложилось, боевые ветераны в ней были либо древние и больные, либо отважные придурки, снова мечтавшие о военных походах, ночных перестрелках до крови и трупах врагов — а адмирал хоть и считал себя человеком конченным, но не до такого последнего значения.

Той осенью адмирал занимался любимым делом: кормил в парке синиц. Их было много, они слетались и разлетались шуршащим веером, в их синезелено-желтом оперении адмирал видел морскую волну и скучал по молодости. Увидел он волну и в этот раз, а еще услышал выкрики чаек, увидел Крым и Севастополь, где когда-то матросиком ступил на борт сторожевика.

Ему стало плохо.

Карабкаясь по лестнице подъезда к лифту, адмирал неожиданно для себя вдруг понял, что лекарства от одиночества для него не существует, что смерть уже бросает вокруг него петли, и встретить ее надо побоевому, на море.

Он влез в оставшийся без дела дочкин компьютер, заказал себе путевку в какой-то санаторий в пригороде Севастополя и принялся собирать дорожную сумку.

Через неделю адмирал уже сидел на Графской пристани города-героя и ласкал взглядом живое море.

Дул ветерок, море игриво швыряло в него прохладные зеленые струи, а ему это было в радость, он оживал под святой черноморской водой.

По причине здоровья и отсутствия жалоб он запросил для себя у главврача кислородные коктейли, валериановые ванны и длительные прогулки вдоль моря. А еще заказал себе общий массаж — и все, более ничего. Главврач был доволен таким отдыхающим.

В тот день, нагулявшись по берегу моря, адмирал, вернувшись в номер, принял душ и отправился в массажный кабинет. Там никого не было, и он улегся на жесткую, как судьба, медицинскую кушетку и, закрыв глаза, стал дожидаться прихода массажистки. Вдруг скрипнула дверь, кто-то вошел в кабинет и произнес:

— Извините, я немного опоздала.

Услышав голос, который он всегда обожал, адмирал мгновенно открыл глаза, обернулся и... остолбенел.

Перед ним стояла Аля.

Нет, никакой внешней схожести с женой Алей, конечно, не было, да и не нужна она была вошедшей девушке. Зато был Алин добрый свет и прозрачная чистота в глазах, а, главное, голос у нее действительно похож на Алин. И так непривычно, непонятно и необъяснимо было именно то, что вошедшая девушка, при внешней непохожести, была так похожа на его жену, которую сорок лет назад адмирал откопал в русской деревне на Чудском озере и вывез как драгоценность в Ленинград.

Теперь он, кажется, нашел ее снова.

Она коснулась пальцами его тела, и по нему словно пробежал электрический ток. Онемевший от счастья адмирал поначалу молчал, потом решил ее расспросить. Она отвечала мило, мягко, дружелюбно, и он по-прежнему видел перед собой Алю.

Девушку звали Галей. Она только что окончила школу, жила с папой и мамой в Севастополе, в санатории работала первый год. Работа ей нравилась, только к вечеру болели руки, и было немного скучно. А еще сказала, что у нее есть парень, Андрей.

О своем пациенте она ничего не спросила, но он сам рассказал ей про Москву, жену, детей, про морские походы и святое морское дело. Он готов был рассказать ей всю свою жизнь — и умолк только тогда, когда сообразил, что его монолог ей неинтересен...

— Продолжайте, — вдруг сказала Галя, прерывая массаж. — Почему вы замолчали? Я сделала вам больно?

Именно в этот момент адмирал почувствовал, что влюбился.

Сначала подводник испугался, что заметно поглупел. Потом обрадовался, что оказывается, еще может. Потом снова испугался. «Какая любовь? — думал адмирал. — В кого ты влюбился, старый осел. В эту девочку? У тебя хватит смелости позвать ее замуж? Конечно, нет. А тогда зачем? Стыдно, моряк!» — честил он себя, но остановиться уже не мог. Честил — и при этом чувствовал себя счастливым.

Он попросил ее показать ему Севастополь. Адмирал прекрасно знал город, но ему нужен был предлог, он понимал, что смешон, что путь этот ведет к гибели, но остановиться не мог, выходит, все-таки тронулся рассудком.

В Севастополе немало мест, где можно было затеряться.

Они были рядом, и более ничего. Они никогда не говорили о любви, тема была пошла, запретна и не для них. У них был свой путь.

Массажи переросли в прогулки, в общение, в разговоры ни о чем, которые были полны смысла.

— Полный штиль, — говорил адмирал, вглядываясь в крымское море. — Зато на воде полно чаек.

— Редкий день, — отвечала она. — Я люблю чаек.

— Счастливый день, — кивал он, встречаясь с ней глазами, и чувствовал, что ей так же хорошо, как и ему. «Почему? — спрашивал себя адмирал. — То, что мне с ней хорошо и счастливо, это понятно, но почему ей может быть хорошо со мной? Загадка. Она даже не знает, что я — адмирал, я для нее обычный крепкий старик, дед, в лучшем случае, отец — так почему? Наверное, я забавный, наверное, веселю ее этим, ничего другого быть не может. Ничего и нет, — твердо заканчивал он свои размышления, — тебе, старый дурак, все про нее только кажется».

На другой день он самовольно пропустил массаж. Остался в номере у телевизора, подспудно желая, чтобы она заметила его отсутствие и на другой день что-нибудь ему сказала. А если не заметит и не скажет, значит, он прав: все ему только кажется...

Но получилось совсем не так, как он задумал. Буквально через пятнадцать минут в номер постучали. На пороге стояла рассерженная Галя.

— Почему вы не явились на массаж? — спросила она.

...Адмирал был счастлив. Он покупал ей крохотные подарки, угощал ее кофе и жареным миндалем — сущая ерунда. Читал ей Пушкина. Других не знал, но «Евгения Онегина» помнил наизусть со школы. Галя приходила в восторг, и глаза ее блестели. А еще она любила его рассказы о море, о дальних походах, холодных глубинах, о трех месяцах без всплытия, а также о том, как однажды под водой у него в каюте розово зацвел столетник. Эту историю он повторял трижды.

Он рассказывал и чувствовал, что рядом с ней вся его предыдущая жизнь была совсем неинтересной. Он рассказывал, смотрел на нее, умирал от счастья, но и подумать не смел о том, чтобы прикоснуться к своей драгоценности, — ее глаз, голоса, ее протянутой на прощание горячей руки было ему достаточно. Что будет дальше, он не знал. Когда-нибудь придется позвать ее замуж, со страхом думал отважный адмирал, другого исхода он для себя не представлял. Но как с горбом своих лет он решится на такое, позволит ли себе, сможет ли? Мысли об этом были безрадостны, решения не имели, и адмирал гнал их от себя. Как будет, так и будет, говорил он себе. Рано или поздно несчастье все равно приходит к каждому, так что живи мгновением и будь, пока можешь, счастлив, успокаивал себя адмирал. Бурное крымское осеннее море освящало их чистый союз, чайки кричали о верности, и море требовало клятвы.

Еще через неделю она сказала, что готова поехать за ним куда угодно. Так и сказала: «Поеду за тобой в Москву».

— Это невозможно, — покачал головой адмирал.

— Почему? — Кажется, она обиделась.

— Потому что тебе семнадцать, а мне шестьдесят два, — ответил адмирал и возненавидел себя за свой возраст и эти слова...

— Это нормально, — возразила ему Галя. — Мы современники, мы живем в одно время. Ты со своим здоровьем проживешь еще лет тридцать, за это время я нарожаю тебе детей, и стану счастливой. Хотя счастлива я уже сейчас...

— Ты — не счастливая, — улыбнулся адмирал, — ты — сумасшедшая. Впрочем, такая же, как и я...

В ночных мечтах он привозил ее в Москву, вводил в свой дом и говорил: он твой. Мечты обрывались утренним прикосновением жизни. «Ребенок, — шептал себе адмирал, — отвянь от ребенка, моряк, не позорь свои седины!»

Клялся, что «отвянет», понимал, что выхода нет, каждый день обещал себе с ней расстаться и ничего не мог с собой поделать.

Любознательный санаторный народ почуял «жареное». Люди вообще любят «жареное», только вслух признаваться в этом не любят. Чужое счастье есть источник мучительной тихой зависти, что сродни сладострастию. Про

них с удовольствием сплетничали, над ними хихикали, их любили как сериал. «Старая посуда женихаться плывет, — смеялись над адмиралом, когда видели его в коридоре у массажного кабинета. — Вот-вот потонет...»

Даже главврач как-то пригласил его к себе, угостил крымским мускатом и в мягкой форме напомнил, что срок его пребывания в санатории заканчивается, что, как врач, он рад здоровью отдыхающего, и что неплохо бы сейчас товарищу адмиралу сосредоточиться на возвращении в Москву. Адмирал не сразу распознал скрытый смысл этих слов, а когда распознал, отодвинул бокал, поблагодарил за гостеприимство и вернулся в свой номер. Бог с ним, подумал он о главвраче, пусть живет.

Галина работа заканчивалась через три часа. Через три часа он увидит свое юное счастье. Услышит колокольчики ее смеха, распахнет перед ней тесные двери санатория и поведет свою принцессу вдоль мира и моря в старую кофейню, где обитает покой, и варят кофе по-турецки. Они будут пить кофе, говорить, смотреть друг на друга, и пусть весь мир идет к черту!

Но в тот день он не увидел ее и не услышал ее голоса.

Через час в его номер постучали.

«Она? — подумал адмирал. — Почему так рано, почему без звонка?» — и поспешил к двери.

На пороге стоял крепкий мужчина средних лет с жесткими складками на обветренном лице. Моряк, безошибочно установил адмирал. Свой.

— Я — отец Галины, — сказал он.

— Очень рад, — вздрогнув, ответил адмирал и протянул мужчине руку. Не встретив ответного приветствия, рука глуповато повисла в воздухе. — Проходите, — на автомате добавил он, но почувствовал, что разговор предстоит не простой.

— Проходить не буду, смысла нет, — проговорил мужчина. — Я пришел сказать, чтобы вы оставили Галю. Я пришел предупредить.

— Я скоро уеду, — тихо произнес адмирал. — Не волнуйтесь, я не сделаю Галине ничего плохого.

— Уже сделал. Ей учиться надо, думать о будущем, о замужестве — у нее парень есть! А она... И все из-за вас!

«Наверное, он прав», — мелькнуло в голове адмирала, но вслух он смог только повторить:

— Я скоро уеду.

— Этого мало, — твердо сказал мужчина. — Вы должны уничтожить все ее телефоны, скайпы, вотсапы и прочую дрянь, вы должны навсегда исчезнуть из ее жизни. Было и не стало, вы растворились, вы умерли, в конце концов, вам понятно?

— Не совсем, — ответил адмирал. Десятки мыслей носились в его голове, одна, самая сильная, оказалась главной: его никто и никогда не заставит отказаться от Гали...

— Как хотите, я вас предупредил.

— Я вас услышал. Что еще?

— С возрастом люди мудреют, в старости превращаются в идиотов. Хорошая японская поговорка. Сколько вам лет?

Адмирал на секунду буквально опешил, а затем решительно указал на дверь:

— До свидания, моряк!

— Вы не ответили на мой вопрос, — покачал головой мужчина. — Так сколько вам лет?

— Достаточно, чтоб не обращать на вас внимания.

— Ты — грязный, старый козел! — выкрикнул мужчина. — Проходимец! Аферист и мошенник! Оставь мою дочь в покое, подонок!

Драться с ним адмирал не стал.

После его ухода посидел немного, приходя в себя, и отправился к морю. Пенистые валы захлестывали пляж, лизали набережную. Ветер раздувал на нем пиджак, остужал голову и мысли. Он ненавидел Галиного отца, но при этом понимал, что тот во всем прав.

На другой день адмирал улетел в Москву. Ни звонить, ни прощаться с Галей он не стал, рубить надо было сразу. Вместо слов и прощания — полбутылки коньяка в самолете и недолгое забытие.

Вот и снова любимая квартира и фото Али на письменном столе.

Но и родные стены, и привычные звуки за окном — все казалось ему безжизненным и пустым. Аля на фотографии понимала его, Аля говорила: рискуй, адмирал, без нее тебе жизни не будет. Он благодарил ее, тянулся к телефону, набирал номер и бил себя по рукам: «Нет, моряк, терпи, сохни, подыхай, но звонить нельзя — береги Галю...»

Возможно, он бы действительно так и умер. Но на четвертый день сухой звонок позвал его в прихожую.

— Кто? — спросил адмирал и, не дождавшись ответа, посмотрел в «глазок». В свете яркой лампы на лестничной площадке стояла она. С рюкзаком на плече и легкой улыбкой на губах.

Чтобы не закричать, он впился зубами в ладонь. Но дверь не открыл.

Через пятнадцать, переехавших сердце, минут, он снова заглянул в «глазок». Она сидела на лестнице и гоняла смартфон — устроилась прочно, устроилась навсегда. Поняв, что спасения от болезни счастья не существует, адмирал немного понаблюдал за ней и сдался.

— Зачем ты, зачем?.. — только и спросил он.

— Вы не завершили курс массажа, — серьезно ответила Галя. — Так нельзя, терапевтический эффект будет утрачен...

Он задохнулся. Счастье нашло его само, как солнце земли, которое один раз в жизни находит каждого.

Старый дом, как потухший вулкан, проснулся вновь. Зазвучали голоса и музыка, задвигались фигуры, застучали фарфор и стекло, запахло кофе и едой, затеплилась жизнью стоянка человека. И были прогулки по бульварам, и поездки по Москва-реке, и любование столицей, которую она видела впервые, и любование друг другом, но при этом никаких разговоров о любви...

Адмирал поселил ее в комнате дочери. Сам жил за стенкой, в соседней комнате. Десять дней все было сказочно и в радость, если бы не наглый мужчина — зверь, который еще крепко жил в нем, и он не знал, надолго ли его хватит.

И все-таки однажды случилось то, чего он так опасался и чего, скрывая от самого себя, так жаждал. Она присела рядом с ним на краешек дивана, заглянула в глаза и негромко попросила: «Обними меня».

Ее рука потянулась к нему по воздуху, небыстро и витиевато, как вкрадчивая танцующая анаконда, и, встречая анаконду, наглый зверь вмиг взыграл в нем. Кровь бросилась к лицу, но он устоял и с натянутой усмешкой произнес:

— Предъявите паспорт, девушка. Тут нет педофилов.

— Дурак! — обиделась она. — Я не девушка, я — крымчанка.

Что это значит, адмирал не понял, хотел уточнить, но нужных слов не подобрал.

Она поднялась и отправилась варить кофе. День прошел невнятно, на полутонах, каждый думал о своем.

А на следующий день с раннего утра он помчался на рынок и по магазинам. Он все понял ночью. Он пошлет подальше близорукий закон, который никогда не бывает справедлив для всех. Он устроит в ее честь пир, встанет перед ней на колени и попросит прощения за вчерашнюю малодушную трусость, он скажет, что хочет все исправить, что готов на все, потому что самый суровый и самый справедливый для него закон — это закон чести и моря.

Да, думал он, поднимаясь, увешанный сумками, по лестнице к лифту. Да, так он ей и скажет. Подойдя к двери, позвонил, но никто не откликнулся. Тут он заметил, что дверь прикрыта не полностью, вошел в квартиру и замер как вкопанный. В прихожей валялся стул, на полу путаной змейкой — оборванная лямка ее рюкзака...

Он сразу все понял и, быстро собравшись, помчался в аэропорт.

К вечеру адмирал был уже в Севастополе.

В санатории его узнавали, радушно жали руки, расспрашивали о самочувствии, но когда он начинал расспрашивать про Галю, что-то мямлили в ответ и отводили глаза. Он поднялся к главврачу. Главврач обрадовался ему, даже выставил мускат, чтобы выпить за встречу, — но... он тоже ничего не знал о Гале.

— Вопрос следует задать вам, товарищ адмирал, — сказал главврач. — Это ведь вы похитили ее у нас и увезли в Москву. У нас Галя больше не работает.

Дом был мертв. Ставни на окнах задвинуты, пес, привычно лаявший на прохожих, исчез, осталась лишь цепь, стучавшая под ветром по деревянному краешку будки.

Неподалеку размахивал своей метлой дворник, поднимая пыль в воздух.

— Где хозяйева? — спросил у него адмирал и указал на дом.

— Моряк? — переспросил дворник, пристально взглянув на него. — Плыви отсюда, моряк! Все для тебя кончилось.

— Где она?!

Дворник отвернулся и молча махнул метлой в другую сторону...

Адмирал шел вдоль моря и думал о будущем.

Галю отняли навсегда. Отняли свет и звук, отняли смысл, и жить дальше стало скучно. Он вспомнил милую свою Алю и ее слова, услышанные им с фотографии. Она всегда была права.

Галя! Она сейчас бьется, кричит, рвется из клетки, в которую поместил ее отец. И только он, адмирал, знает, как освободить ее от тюрьмы и затвора.

Иди до конца, моряк, сказал он себе, иди до конца! Чайки кричали о верности, и море требовало клятвы.

Адмирал дошел до Графской пристани.

Весна только начиналась, но уже расцвело иудино дерево, и было жарко.

Как замечательно все устроено на свете, подумал он, как умно, как справедливо и как в высшей степени серьезно. Никто его не понимает и не поймет. Он сам себя не понимает.

Адмирал разделся и ступил в прохладное море. Он доплыл до середины бухты, лег на спину и долго смотрел в небо, будто искал в нем что-то. А потом приказал себе срочное погружение... □

Совсем недавно не стало актера, который, без преувеличения, являлся лицом советского кино, и которого по праву называли эталоном актерского мастерства, образцом профессиональной этики, совести и порядочности. Он прожил свою большую жизнь в искусстве исключительно достойно, по-рыцарски, без малейших компромиссов, целиком отдав себя любимому делу. И ушел во сне, на 89-м году жизни,

Георгий
Кривичевский

Б А лекс ей Б атал ов,

«он же Гога, он же Гоша»

почитаемый коллегами, любимый учениками и обожаемый зрителями, в особенности, представительницами прекрасного пола, для коих всегда воплощал идеал Мужчины.

Потомственный интеллигент, выросший в столичной артистической и литературной семье, буквально «на коленях у Ахматовой», Баталов одинаково убедительно играл на экране и шоферов, геологов, рабочих,

и рефлексирующих чеховских героев, врачей, физиков-ядерщиков. И в каждой большой и малой роли оставался неисправимым Романтиком, рыцарем Добра и Правды. За это его, вероятно, больше всего любили.

Ни разу за жизнь он не поступился совестью и честью, даже нуждаясь в старости, отказывался сниматься в весьма доходной рекламе, «торговать лицом» в проходных телесериалах, чтобы не уронить себя в глазах своих зрителей. Он никогда не участвовал в цеховых распрях и интригах, избегал киношных «тусовок», предпочитая до последних лет отдавать силы, знания, опыт студентам ВГИКа.

Настоящий русский патриот, Алексей Владимирович с иронией называл себя «человеком неандерсталинской эпохи»; «вождя народов», в период правления которого были репрессированы его ближайшие родственники, считал «бандитом» и «убийцей». В советское время отказывался вступать в партию, поскольку на дух не переносил тот государственный строй со «злодеями и убийцами» во главе. Наотрез отказался подписывать коллективное письмо деятелей культуры и искусства в поддержку ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Категорически не желал читать по радио книгу фронтовых воспоминаний Брежнева «Малая земля», играть Ленина... При этом горячо приветствовал присоединение Крыма к России. Говорил: «Это абсолютно разумно, потому что сроду так было... люди-то там всегда были нашими».

Незадолго до смерти Алексей Владимирович сказал: «Я не торгуюсь с судьбой, не знаю, сколько мне еще отмерено. Но хотел бы пожить по одной причине: беспокоюсь о дочери. Как она будет без меня?» Со своей женой, бывшей цирковой наездницей Гитаной Леонтенко, он прожил в любви и согласии более полувека...

Алексей Баталов появился на свет в актерской семье 20 ноября 1928 года. Его отец с матерью — Владимир Баталов и Нина Ольшевская — служили во МХАТе, так что основные детские воспоминания будущего артиста были связаны именно с теа-

тром. Развод родителей в 30-е годы болью отозвался в душе ребенка. Однако отчим, известный писатель-сатирик Виктор Ардов сумел заменить ему отца и заботился о пасынке, как о родном сыне, стремясь привить ему высокие нравствен-

ные понятия. Духовному воспитанию мальчика, становлению его личности во многом способствовало также окружение семьи. В доме у Ардовых часто бывали кинозвезды и выдающиеся поэты: Мандельштам, Пастернак, Ахматова. Алексей Владимирович без преувеличения писал впоследствии, что «вырос на коленях у Ахматовой».

Царившая в доме атмосфера подлинной культуры, любви к искусству и литературе с ранних лет предопределили жизненный путь Баталова. Он решил пойти по стопам родителей и стать артистом. Но Лешу одолевали сомнения, хватит ли у него таланта, без которого на сцене, как и в любой творческой профессии, делать нечего. Борис Леонидович Пастернак и Анна Андреевна Ахматова, особенно благоволившая смышленому, смешливому и обаятельному мальчику, уверяли, что хватит.

Счастливую, полную дерзких планов пору его отрочества резко оборвала война. Ольшевскую с сыном эвакуировали в Бугульму (Татарстан), где неугомонной актрисе удалось организовать небольшой театр. 14-летний Алексей, чем мог, помогал матери, исполнял у нее в театре небольшие роли... После окончания войны они возвратились в Москву. Возмужавший Алексей, окончив школу, с первого захода поступил в Школу-студию МХАТ (интуиция Ахматову не подвела). Выпустился в 1950 году и отправился проходить срочную воинскую службу прямоком в Театр Советской Армии, в ко-

тором прослужил три года. Затем три года выступал на сцене МХАТа. Увы, ни тот, ни другой театр его судьбой так не стали. Начинающего актера ждал большой экран.

Баталов не изображал, но «проживал» своих героев, идя от себя, от своих чувств, мыслей, от своей души. Каждая из сыгранных им ролей становилась частью его жизни, его духовного опыта. Каждая захватывала его целиком, и в каждую на протяжении съемок он вкладывал себя без остатка. Как он сам признавался, органически не мог влезать в шкуру отрицательных персонажей, а просто «играть» их не хотел, чтобы не разрушать свой «имидж», не изменять своей актерской природе.

Впервые на экране Леша Баталов появился еще в 1944 году, в фильме Л. Арнштама «Зоя» о героической партизанке Зое Космодемьянской. Следующая работа в кино нашла актера вскоре после ухода из Театра Советской Армии. В картине Ильи Хейфица «Большая семья» он сыграл простого рабочего парня. Сыграл предельно убедительно, с подкупающей теплотой. В следующем году на Каннском кинофестивале «Большая семья» получила приз «За лучший актерский состав фильма». С той поры Хейфиц становится одним из главных кинорежиссеров Баталова. Их творческое сотрудничество получилось весьма плодотворным.

В 1955 году на экраны страны вышел едва ли не первый отечественный кинодетектив в постановке Хейфица «Дело Румянцева». С него,

*К/ф
«Зоя»*

собственно, и началась всенародная баталовская слава. В этой картине он выступил в роли простодушного шофера-дальнобойщика Саши Румянцева, которого теневые дельцы посылают в рейс с краденым грузом и который из-за этого попадает под следствие.

В 1958-м Хейфиц пригласил Баталова на главную роль в фильме «Дорогой мой человек» (по мотивам романа Юрия Германа «Дело, которому ты служишь»). Его герой — врач Владимир Устименко, человек долга и чести, предан делу, которому служит, и единственной, пронесенной через всю жизнь любви к взбалмошной девчонке, мечтавшей стать актрисой.

Таким же однолюбом был в жизни и сам Алексей Владимирович.

*Любимая моя, бесценный дар
от Бога.*

*Ты вовсе не семья, а к счастью
Дорога,
Где каждый шаг с тобой...*

Вот с каким предсмертным, неоконченным стихотворным посланием обратился выдающийся артист к своей жене-цыганке, в прошлом виртуозной цирковой наезднице Гитане Леонтенко. Они прожили, не разлучаясь, что называется, душа в душу. Но путь их к друг другу был непростой. 25-летний Баталов познакомился со своей избранницей на съемках «Большой семьи» в Ленинграде в 1953 году. 18-летняя Гитана приехала тогда в город на Неве выступать с цирковым коллективом. В ресторане знаменитой гостиницы «Европейская», где оба поселились, произошла их первая судьбоносная встреча. Искра между ними пробежала мгновенно! Цыганская родня, однако, посчитала,

*К/ф
«Дорогой
мой человек»*

что он ей не пара, и даже пригрозила молодому актеру. Но тот был не из пугливых...

По правде говоря, девушки влюблялись в Алексея еще со студенческой скамьи. И он, пылкий, романтический, искренний, отвечал им взаимностью. Так, к моменту встречи с Гитаной Баталов был уже восемь лет как женат на своей ровеснице Ирине Ротовой, дочери известного художника, а достигнув совершеннолетия, успел стать отцом прелестной девочки Нади. Все это он честно открыл на втором свидании Гитане. Она убежала прочь в слезах, бросив на прощанье, что догонять ее не нужно, и в течение последующих пяти лет они ни разу не встретились.

У Гитаны на пике карьеры случился бурный роман с киноактером и режиссером Сергеем Гурзо-младшим. Она даже на время оста-

вила цирк, чтобы сопровождать его в съемочных экспедициях, переехала к нему в общежитие на Неглинке. Страсть их со временем угасла, и бывшие возлюбленные остались просто добрыми друзьями. Баталов же между тем увлекся балериной Ленинградского театра имени Кирова Ольгой Заботкиной, которая имела на него серьезные виды. Ведь он был уже после триумфального фильма «Летят журавли» настоящей звездой. Ольга в 55-м тоже успешно дебютировала в кино, сыграв Катю Татаринovu в культовом фильме «Два капитана».

«Оля очень хорошо относилась ко мне и, наверное, рассчитывала, что я на ней женюсь, — вспоминал впоследствии Алексей Владимирович. — Но... на тот момент я только-только развелся с первой женой Ириной и о втором браке не думал». Вернее будет сказать, думал, но

*К/ф
«Дама
с собачкой»*

Справа:
*К/ф
«Девять дней
одного года»*

имел в виду вовсе не ее. А тогда Баталов без объяснений просто уехал в Москву. И там, разыскав через какое-то время Гитану, твердо предложил ей все начать сначала. Она, не колеблясь, согласилась.

Многие друзья и близкие актера не одобряли его выбор. Негоже, мол, отпрыску именитой творческой семьи потомственных интеллигентов жениться на циркачке, да еще цыганке. Но Баталов следовал зову сердца. И был щедро вознагражден за это. Причем Ахматова полностью поддержала его, предсказав, что их брак будет долгим и счастливым.

Так и произошло. Алексей и Гитана поженились в 63-м, и были без ума друг от друга, хотя поначалу отношения молодых супругов складывались по всякому. Рядом с мегапопулярным мужем ревнивой Гитане порой приходилось не сладко. Бата-

лову до свадьбы приписывали разные любовные истории, в том числе — с юной Ларисой Голубкиной на их совместных съемках фильма «День счастья». «Как-то в гостях Алеша стал ухаживать за одной дамой, — признавалась Гитана. — Дома я устроила цыганский скандал. Алеша не спорил, не оправдывался. До семи часов утра он объяснял мне, что ревновать неприлично, недостойно, что умные женщины так себя не ведут. Уже через час я готова была просить прощения... На следующий день мы опять были в гостях. Увидев, что Алеша нежно разговаривает с Мордюковой, я, боком-боком, — в другую комнату. Только бы не подумал, что ревную. Вторую воспитательную ночь я бы не выдержала».

Их прочный и счастливый семейный союз омрачала лишь тяжелая

болезнь любимой дочери Маши в результате родовой травмы. Гитана вынуждена была оставить цирк и целиком посвятить себя уходу за ней. Алексей Владимирович тоже постепенно очень сузил свой круг общения, каждую свободную минуту уделяя заботам о семье. Несмотря на болезнь, Мария Алексеевна сумела при поддержке родителей многого добиться в жизни. Член Союза писателей, она к тому же автор ряда киносценариев (по одному снят удачный фильм «Дом на Английской набережной»), занимается благотворительной деятельностью.

В год ее рождения (1964) на экраны страны вышел фильм Хейфица «Дама с собачкой». Баталов в дуэте с Ией Савиной сыграл в этой чеховской экранизации главную роль, которая на долгие годы сделалась как

бы его фирменным знаком, визитной карточкой. А ведь еще в 1957 году он и Татьяна Самойлова разделили с режиссером Михаилом Калатозовым триумф картины «Летят журавли», удостоенной в 1958-м Гран-при («Золотой пальмовой ветви») Международного Каннского кинофестиваля.

Поставленная по мотивам пьесы Виктора Розова «Вечно живые», эта военная мелодрама проникновенно рассказывает о любви двух молодых москвичей — Бориса и Вероники — накануне и во время Великой Отечественной войны. В начале фильма героиня Самойловой провожает Бориса на фронт. А в финале в толпе встречающих на вокзале поезд с возвращающимися домой фронтовиками узнает, что ее любимый погиб в разведке, вынося на плечах раненого товарища. Не вытирая

слез, она идет сквозь толпу и раздает счастливым фронтовикам цветы из своего букета. А высоко над Москвой летит клин журавлей...

Беззвучная, снятая рапидом сцена смерти Бориса в лесу, когда перед его гаснущим взором, как во сне, начинают кружиться кроны деревьев, сыграна Баталовым удивительно правдиво, просто и вошла в учебники всех киношкол мира впечатляющим примером новаторского изобразительного решения кульминационных кадров фильма.

Врожденная интеллигентность и сила духа — отличительные признаки персонажей, воплощенных на экране Баталовым. Особняком стоит в этом ряду роль мягкого, благородного, но слабого и нерешительного Гурова в «Даме с собачкой». Эта несвойственная ему роль далась актеру нелегко, хотя картина завоевала немало фестивальных наград.

Иное дело — «Девять дней одного года» Михаила Рома (1960 г.). В этой поистине эпохальной, классической ленте советского кинематографа актер показал все, на что способен. И даже стремительно набиравший тогда высоту парадоксальный Иннокентий Смоктуновский в эпизодической роли слегка циничного, но очень талантливого коллеги Гусева не смог затмить экранного обаяния Баталова. Его Гусев — это, прежде всего, тонкий, честный, интеллигентный человек с большой душой, способный крепко любить и быть горячо любимым. И только потом уже — одержимый своим «термо-

ядом» ученый, стоящий во главе коллектива энтузиастов. Живая личность, а не схематичный герой на переднем крае науки, рискующий здоровьем, даже жизнью ради раскрытия тайн атомного ядра. Вот какого физика сыграл в ромовской картине Баталов.

После «Девяти дней одного года» актеру еще труднее стало выбирать роли, соответствующие достигнутому в этом фильме уровню, и вместе с тем — избегать типажных стереотипов.

Неудовлетворенный поступавшими предложениями, Алексей Владимирович предпринял вторую попытку собственной режиссуры. Первой была гоголевская «Шинель» (1959 г.), где он выступил в небольшом эпизоде, предоставив блистательно солировать в гротескном образе Акакия Акакиевича Башмачкина Ролану Быкову. Зато в снятой им в 1966 году сказке «Три толстяка» (по одноименному произведению Юрия Олеши) постановщик взял на себя одну из главных актерских партий — канатоходца Тибула. Причем не только подкупающе искренне сыграл его волнующую роль, но и без дублера выполнил смертельно опасный проход героя по канату над площадью.

Фильм получился замечательным и до сих пользуется любовью юных зрителей. Баталов же, неожиданно «найдя» себя в детском кино, в свою очередь, охотно снялся в популярнейшей картине Ролана Быкова «Внимание, черепаха!» (1969), комично сыграв там дедушку Тани Самохваловой.

До этого, правда, были роли Шергова в фильме «В городе С.» (по чеховскому «Ионычу»), комиссара в «Седьмом спутнике», Феди Протасова в «Живом трупe» режиссера В. Венгерова.

Тем не менее, дефицит интересных киноролей к началу 70-х ощущался им особенно остро, ведь он вступал в зрелую возрастную категорию, где диапазон применения актерских возможностей традиционно сужается... И тут на помощь вновь пришла собственная постановка.

На сей раз ею явилась повесть Достоевского «Игрок». Одноименную баталовскую экранизацию этого сложного, многопланового произведения и исполнение им заглавной роли в фильме следует отнести к числу наиболее значительных твор-

ческих удач режиссера и актера. Бережное отношение к тексту великого писателя, продуманное во всех подробностях воспроизведение на экране обстановки и атмосферы немецкого курорта, с его казино и отелем, выразительное музыкальное сопровождение и, конечно же, филигранная нюансировка эмоциональных перепадов поведения и душевных терзаний героя фильма, деталей его внешнего облика получили восторженную оценку публики и критиков.

Дальше вновь наступил вынужденный перерыв работы Баталова в кино. И тогда, начиная с 1974 года, он всерьез занялся озвучиванием мультфильмов. Его неподражаемый, мягкий и звучный голос можно услы-

*Алексей
Баталов
с женой
Гитаной
Леонтенко*

*К/ф
«Москва
слезам
не верит»*

шать в таких шедеврах отечественной анимации, как «Ежик в тумане», «Лягушка-путешественница», «Ключи от времени». А еще в его актерской карьере важное место заняли радиоспектакли. Благодаря этому новому увлечению Баталова родились всем знакомые радиопостановки «Героя нашего времени» Лермонтова, «Казак» Толстого, «Ромео и Джульетты» Шекспира, а также многие другие.

Поворотным в актерской судьбе Алексея Баталова стал 1979 год, когда Владимир Меньшов настойчиво позвал его на главную роль в свою двухсерийную комедийную ме-

лодраму «Москва слезам не верит». На первый взгляд, может показаться странным, почему столь серьезный драматический актер решил сыграть в «легком жанре» немолодого интеллигентного слесаря-изобретателя, влюбляющегося в успешную, но одинокую ровесницу.

Вообще-то режиссер очень долго и тщательно выбирал исполнителя роли Григория Ивановича. Перепробовал многих широко известных мастеров. Но все же наиболее убедительным оказался Баталов. Ему удалось почти невозможное — пройти в образе Гоши по тонкой грани, балансируя, подобно Тибуду на канате,

между грубой пошлостью и откровенным хамством, чего мог бы не избежать в заданных обстоятельствах другой актер.

В 1981 году «Москва слезам не верит» была удостоена премии американской Киноакадемии «Оскар» в номинации «Лучший иностранный фильм». Эта уникальная победа фактически завершила славную актерскую кинокарьеру Алексея Владимировича.

На смену работам в кино у не подававшегося старости ветерана пришла плодотворная преподавательская деятельность. С 1975 года

Алексей Владимирович набирал актерские курсы во ВГИКе, а в 1979 году ему присвоили профессорскую степень и назначили завкафедрой актерского мастерства. В последние годы перед смертью он передал эту должность, по состоянию здоровья, другому народному артисту, Игорю Ясуловичу, успев выпустить со «знаком качества» целых 7 курсов!

В часы досуга он писал книги. Хорошие, умные и полезные книги. «Судьба и ремесло», «Диалоги в антракте», мемуары. Ему было что вспомнить, что рассказать и чем поделиться с читателем.

Непререкаемый моральный авторитет Алексея Баталова и его неугасимый общественный темперамент перевесил давнее настороженно-неприязненное отношение к нему высокого начальства. Беспартийный актер и режиссер многие годы являлся секретарем правления Союза кинематографистов СССР, председателем комиссии ВЦСПС по премиям в области искусства, литературы и журналистики. Занимал ответственные посты в Советском комитете защиты мира, Фонде мира, Ассоциации «Родина». Принимал активное участие в работе Международного фонда «Мир искусства». Наверное, приятнее всего ему было избрание его президентом Российской академии кинематографических искусств «Ника» и академиком Национальной академии кинематографических искусств и наук «Золотой орел». А еще он не раз избирался почетным президентом парижского Киноклуба «Жар-птица» и председателем Оргкомитета премии российских деловых кругов «Кумир» за лучшие актерские работы года. (Сам Баталов тоже был лауреатом этой премии.) Позднее безотказно взвалил на себя хлопотные обязанности президента российского кинофестиваля «Московская премьера».

На старости лет, уже сильно прибалывая, Алексей Владимирович не считал себя вправе отказаться от деятельного участия в восстановлении Марфо-Мариинской обители, будучи членом Попечительского сове-

та Марфо-Мариинского благотворительного общества. И, разумеется, его кровным делом была работа в правлении региональной благотворительной организации «Московская ассоциация содействия и помощи инвалидам с детским церебральным параличом», тяжким недугом, которым от рождения страдала его дочь Маша.

Он ушел из жизни на рассвете 15 июня нынешнего года. Тихо, достойно, как и жил. Похоронили Алексея Баталова, согласно его завещанию, на Преображенском кладбище, рядом с матерью и единоутробным братом, актером и режиссером Борисом Ардовым. Проститься с любимым артистом пришло огромное количество людей. От цветов и венков не видно было могилы. Во время гражданской панихиды в Доме кино у гроба на бархатной подушке теснились ордена. И среди них — два ордена Ленина, два ордена «За заслуги перед Отечеством», орден Святой Анны (от зарубежного Российского императорского дома) и болгарский орден «Кирилл и Мефодий».

В 2008-м году имя Алексея Баталова было присвоено Бугульминскому государственному русскому драматическому театру (Татарстан). Редко кто при жизни удостоивался подобной чести. Но ведь этот незабываемый артист, истинный кумир экрана давно еще стал живой легендой.

И таким навсегда останется в нашей благодарной памяти. □

Ирина Опимах

«Виденье рая в сутолке вокзальной...»

Не так давно в России вновь издали «Дневник» Марии Башкирцевой, появились новые книги и статьи о ее творчестве, и в России вспомнили об этой талантливой художнице и писательнице, прожившей всего 26 лет, но сумевшей оставить свой след в искусстве, да и вообще в европейской культуре рубежа XIX–XX веков.

*Мария Башкирцева.
Автопортрет*

Мария Башкирцева родилась в 1858 году, в усадьбе Гайворонцы, под Полтавой, в богатой и весьма родовитой семье. Ее отец, Константин Башкирцев, был предводителем местного дворянства, а дед, старший Башкирцев, — генералом, героем Крымской войны. Мать, Мария Бабанина, происходила из старинной дворянской семьи. Девочку все обожали, только вот отношения между родителями не очень складывались, и спустя два года после свадьбы они разошлись.

Отца Марии заменил второй дед, с материнской стороны — англо-ман, страстный почитатель Байрона, человек блестяще образованный в разных областях. Ну и две гувернантки — русская и французка — внесли свой вклад в ее воспитание и образование.

В 1870 году мать, тетка, дедушка, брат и кузина Марии отправились в Европу — благо, денег у них было достаточно. Поначалу они поселились в Баден-Бадене, но у тетки Марии обнаружилась безумная страсть к игре, и Башкирцевы уехали в Ниццу — пока пылкая любительница казино не лишилась всех своих денег. Там, в Баден-Бадене, осталась первая любовь совсем еще юной Марии — молодой герцог Гамильтон. Этот блестящий английский аристократ казался ей совершенством, она даже находила его похожим на Аполлона Бельведерского и ужасно ревновала ко всем красавицам Баден-Бадена. То было чувство чистое и невинное, абсолютно платониче-

ское, какое бывает у восторженных девочек. Мария даже ни разу не перемолвилась с ним словом, а лишь молила Бога: «Господи, дай мне герцога Г., я буду любить его и сделаю счастливым, я буду помогать бедным».

В Ницце всему семейству Башкирцевых было хорошо и спокойно — красивая вилла, рядом море, по набережной фланирует разноцветная толпа отдыхающих. А Мария почти все время занималась учебой — и когда гувернантка опаздывала на занятия, Муся, как ее звали в семье, в ярости кричала, что та ворует у нее время. Она словно чувствовала, что жизнь ее будет недолгой, и дорожила каждой минутой.

Мария решила пройти лицейский курс. Ей тут же наняли учителей, и она, работая, как одержимая, занималась по девять часов в день. Тут и физика, и математика, а еще она учила языки — английский, французский, немецкий и итальянский, а также смогла овладеть древнегреческим и латинским. Ей все интересно, а потому она читала не только современных писателей, но и, к примеру, Платона. Занималась Муся и музыкой — играла на гитаре, мандолине, фортепьяно, пела. «Скорее, скорее!» — стучало в ее сознании. Тогда, в Ницце, она решила вести дневник, которому доверяла все свои мысли, мечты, с которым делилась всеми своими впечатлениями.

В это время она вдруг поняла, что красива: Муся внимательно разглядывала себя в зеркале и видела в нем очаровательную девушку —

«Мастерская Жулиана»

элегантную, с тонкой талией и пышными волосами. Такое сокровище должно достаться достойному человеку, думала она. Жертвами ее красоты, ума и обаяния становились самые разные люди, но история большой любви никак не складывалась. И тогда она решила: «Выйти замуж и иметь детей? Это может каждая прачка». Нет, ее, Марию Башкирцеву, ждет иное будущее!

У нее обнаружился музыкальный слух и довольно сильный голос. Решено — она станет певицей! Муся

начала брать уроки у настоящей певицы. Но, увы, — ларингит лишил ее голоса, более того — все сильнее слабел слух. Муся была в отчаянии, ведь слава, то, что влекло ее больше всего, уже была так близка! Она уже видела себя на лучших оперных сценах мира! Как-то она написала в своем дневнике: «Хочу быть богата, хочу иметь картины, дворцы, бриллианты, хочу быть центром блестящего круга... хочу... хочу... хочу. Я, которая хотела бы жить сразу семью жизнями, живу только

«Осень»

четвертью жизни... Судьба заставляет меня недостойно терять время».

После очередного неудачного романа и очередной вспышки отчаяния она упросила все свое семейство, которое уже давно жило по воле этого маленького тирана и деспота, отправиться в Париж — теперь она решила, что непременно станет знаменитой художницей. Муся всегда любила рисовать, и у нее это неплохо получалось. Она еще всем покажет, что она такое — Мария Башкирцева! Мать и тетка не смели ей перечить — Муся теперь полностью определяла их жизнь. Ведь еще в Ницце она однажды по-

жаловалась на боль в груди. После осмотра врача стало ясно, что у нее серьезные проблемы с легкими. Сколько этой девочке отпущено, никто не знал. Так пусть она будет счастлива хоть чуть-чуть...

В Париже, в 1877 году, Мария поступила в Академию Жулиана, известного парижского художника, — там разрешалось учиться живописи дамам. На первый урок мадемуазель Башкирцева явилась в красивом белом платье, в сопровождении служанки и любимой собачки Коко. «Ну вот, еще одна сумасбродная богачка на мою голову», — наверное, подумал мсье Жулиан. В какой-то

мере он был прав — Муся была и богата, и сумасбродна, но, к его большому удивлению, она оказалась весьма талантлива! И к тому же невероятно усидчива, она была готова работать без обедов, без перерывов на отдых. Уже через пару дней Жулиан сказал, что у нее определенный дар. Мария была счастлива. «Вот мой мир! Я готова была убить себя, что не начала раньше», — писала она в дневнике. Мария забыла о платьях и нарядах, об украшениях и званых вечерах — с утра до ночи она сидела перед мольбертом. Ей не давалось изображение обнаженного тела, и она стала брать уроки анатомии — хотела во всем добиться совершенства. И мечтала о больших выставках, о славе...

Вскоре она уже догнала других учениц Жулиана — ее картину («Мастерская Жулиана») отобрали для Салона, главной выставки Парижа! Это случилось в 1881 году. Она сама написала (конечно, под псевдонимом) рецензию на свою картину. «У этой молодой художницы большое будущее», — говорилось в ней, но Мария лукавила, она уже прекрасно знала: у нее туберкулез, и никакого будущего у нее нет...

Но иногда она об этом забывала, и в такие минуты ощущала себя частью всей мировой культуры. Мария много размышляла о смысле и целях живописи. По ее словам, ей нравилось все то, что всего правдивее, что ближе к природе. Да и не состоит ли в этом подражании природе сама цель живописи? А вскоре она

нашла себе учителей среди старых испанских мастеров. «Ничего нельзя сравнить с Веласкесом. А Рибера? Можно ли видеть более правдивое, более божественное? Нужно соединение духа и тела. Нужно, подобно Веласкесу, творить как поэт и думать как умный человек».

Удивительное дело — героями картин этой изнеженной русской богачки становились, в основном, дети парижских окраин, бедняки, уличные нищие. Ее полотна были полны любви к людям, какой-то особой теплоты, искренности, выразительности. Многие отказывались верить, что они — творения этой совсем молодой русской. Она возмущалась: «Шесть лет, лучших шесть лет моей жизни я работаю как каторжник, не вижу никого, ничем не пользуюсь в жизни. Через шесть лет я создаю хорошую вещь (имелась в виду картина «Митинг»), и еще смеют говорить, что мне помогли! Награда за такие труды обращается в ужасную клевету!»

Болезнь дочери на время соединила ее родителей — втроем они отправились в Киев, в Лавру, молить Господа об исцелении. В простом платье, в платке на голове и со свечей в руке, Мария просила Бога дать ей еще хоть чуть-чуть времени на то, чтобы стать настоящей художницей, чтобы обрести славу, дать ей то, о чем она мечтала с детства...

Однако Бог, видимо, ее не услышал. Когда Мария с матерью вернулись в Париж, ей становилось все хуже и хуже. И зеркало ее уже совсем не радовало — она видела

себя в нем похудевшей и подурневшей. А вскоре ей стало трудно даже ездить к Жулиану. Сидя дома, она тихо плакала над своей неудавшейся судьбой. И вот тогда ее познакомили с молодым художником Жюлем Бастьен-Лепажем.

Они были очень разные, эти двое, русская богачка голубых кровей Мария Башкирцева и француз Жюль Бастьен-Лепаж. Жюль был далеко не аристократ — он родился в семье скромных крестьян в маленькой лотарингской деревне. Участвовал в франко-германской войне 1870 года, был тяжело ранен, потом жил в родной деревне. В 1875 году картина «Благовестие пастухам» имела большой успех — он стал вторым в конкурсе на Римскую премию. Пришло признание и известность. Он любил путешествовать — три года ездил по Англии, потом побывал в Алжире. И вот этот мсье Бастьен-Лепаж искренне восхищался ее работами, а когда ему что-то казалось неправильным, осторожно указывал на недостатки и слегка подправлял. Он, этот «маленький человечек» (Бастьен-Лепаж не отличался атлетическим сложением), стал ее большим другом. Они прекрасно друг друга понимали — ведь он тоже был очень болен, у него рак, его мучили страшные боли. Они оба знали, что смерть их близка, но при этом были глубоко преданны искусству и страстно хотели работать.

Мария всегда мечтала получить золотую медаль Салона. Какое-то

время ей это не удавалось — ее картины не становились событием самой престижной выставки Парижа. Нет, критики и публика их всегда отмечали, но... И вот, наконец, заветная мечта сбылась — ей вручили медаль, и она была по-настоящему счастлива...

Летом 1884 года ее посетил известный критик, драматург и писатель Франсуа Коппе. В очерке, посвященном Марии Башкирцевой и опубликованном уже после ее смерти, в 1885 году, он писал: «Я видел ее только раз, видел только в течение одного часа — и никогда не забуду ее. Двадцатитрехлетняя, она казалась несравненно моложе. Почти маленького роста, пропорционально сложенная, с прекрасными чертами кругловатого лица, со светло-белокурыми волосами, будто сжигаемыми мыслью глазами, горевшими желанием все видеть и все знать, с дрожащими, как у дикого скакуна, ноздрями — Башкирцева с первого взгляда производила так редко испытываемое впечатление: сочетание твердой воли с мягкостью и энергии с обаятельной наружностью. Все в этом милом ребенке обнаруживало выдающийся ум. Под женским обаянием чувствовалась железная мощь, чисто мужская». Не меньшее впечатление произвели на Коппе и картины Башкирцевой: «Я увидел до двадцати начатых полотен, сотню проектов: рисунки, этюды, слепок статуи, портреты, заставлявшие вспоминать о Франце Хальсе, сцены, живо схва-

«Жан и Жак»

ченные и перенесенные с улицы на полотно, большой набросок пейзажа — октябрьский туман, нависший над водою, деревья наполовину обнажены, пожелтевшие листья устилают землю... И во всем этом сказывалось и все сильнее проявлялось понимание искусства, в высшей степени оригинальное и искреннее, талант, в высшей степени личный, своеобразный».

Но заниматься любимым делом Марии становилось все труднее, и в это сложное время она нашла новое развлечение — затеяла переписку с Мопассаном. Она придумывала себе разные образы, и писатель, такой опытный знаток человеческой природы, поддавался на ее обманы. Получив одно письмо, он был уверен, что ему пишет старый университетский преподаватель, получив дру-

«Митинг»

гое, — дама легкого поведения. Неудивительно, что Мопассан был заинтригован и в какой-то момент захотел встретиться с автором этих странных, порой очень тонких и умных, писем. И тогда Мария тут же прекратила переписку — встречаться с ним не входило в ее планы, да она, обреченная оставаться в своей комнате, просто уже не могла это

сделать. Зато могла еще работать, и родственники оборудовали ей небольшую мастерскую, рядом с ее спальней. Там за работой она на время забывала о своей болезни и писала, писала... Ее картина «Митинг» попала на Салон 1884 года. Но это был уже ее последний Салон.

Иногда ее вывозили подышать воздухом в Булонский лес. Там она

встречалась с Бастьен-Лепажем, которого не отпускали страшные боли. Укрытые пледами, они сидели в плетеных креслах и говорили об искусстве. Осень в Булонском лесу прекрасна, и ей хотелось запечатлеть эту красоту на холсте, этих детишек, которые играют рядом, элегантных парижан, прогуливающихся в парке. Ей хотелось запечатлеть на полотне жизнь...

О Башкирцевой теперь много писали, эта молодая русская художница становилась все более известной, наконец, к ней пришла слава, но это все Марии было уже не интересно, она думала только о новых картинах, о новых замыслах, которым так и не суждено было претвориться в жизнь.

31 октября ее не стало. Глядя на похоронную процессию из окон своего дома (они жили по соседству), Бастьен-Лепаж хотел написать картину «Похороны молодой художницы», но этот его последний замысел так и остался замыслом. У него уже ни на что не было сил. (Он ненадолго пережил свою подругу — умер через полтора месяца, 10 декабря.)

Марию Башкирцеву похоронили на кладбище Пасси. Рассказывали, что Мопассан догадался, кто был автором столь заинтриговавших его писем, и однажды пришел на ее могилу. Постояв несколько минут в глубокой задумчивости, он якобы проговорил: «Это была единственная женщина, чей путь я усыпал бы розами, зная, что он будет так ярок и короток». Наверное, это легенда, но очень красивая легенда.

После ее смерти состоялось несколько ее персональных выставок — во Франции, Англии и Голландии. Люди, глядя на ее картины, думали об их несомненных художественных достоинствах и о таланте, ушедшем из жизни так рано.

Как-то Мария заметила в своем дневнике: «Что бы ни случилось, всегда следует быть в хорошем обществе». И она, несомненно, в хорошем обществе: рядом с ней покоятся представители не только аристократических семейств — Романовы, князя Гримальди, потомки Талейрана — но и люди, сыгравшие огромную роль в развитии мирового искусства — художник Мане, композитор Дебюсси. Она попала поистине в высший свет!

Так сложилось, что сегодня картины Башкирцевой — большая редкость. После нее осталось около 150 полотен, множество рисунков, небольшие скульптуры. В 1908 году ее мать перевезла много картин в Россию: часть в их имение Гайворонцы, часть передала в музей Александра III. В 1930–1932 годах некоторые картины Башкирцевой из Русского музея отдали в украинские музеи, еще несколько работ передали в Красноярск. Таким образом, в Русском музее осталось всего 8 живописных полотен и 13 рисунков Марии Башкирцевой. А потом началась война, и во время эвакуации Харьковской картинной галереи бесследно пропали 66 полотен Башкирцевой. Часть картин, хранившихся в Гайворонцах, сгорела еще в 1917 го-

ду, во время пожара в имении, уцелевшие погибли во время войны, при бомбежке села.

Но часть ее полотен осталась в Европе, и сегодня они хранятся в лучших музеях мира, например, в Лувре. «Митинг», «Портрет натурщицы», «Жан-Жан» были куплены французским правительством на посмертной выставке художницы. Кстати, Мария Башкирцева — единственный русский художник, чьи картины украшают коллекцию Лувра. Есть ее работы и в собраниях Ниццы и Чикаго.

А вот у ее «Дневника» оказалась более счастливая судьба. В конце XIX века, когда он стал известен в России, в стране началась настоящая безумие — все просто сходили с ума по этой девушке. Ее трагическая судьба потрясла многих. Ей посвящали стихи и романы, выпускались открытки с ее картинами и цитатами из дневника. Брюсов признавался, что «ничто так не воскрешает меня, как дневник Башкирцевой. Она — это я сам со всеми своими мыслями, убеждениями и мечтами», а Хлебников писал: «Заклинаю художников будущего вести точные дневники своего духа: смотреть на себя как на небо и вести точные записи восхода и захода звезд своего духа. В этой области у человечества есть лишь один дневник Марии Башкирцевой — и больше ничего. Эта духовная нищета знаний о небе внутреннем — самая яркая черная Фраунгоферова черта современного человечества». Марина Цветаева зачи-

тывалась дневником художницы и даже посвятила «Светлой памяти Марии Башкирцевой» свой первый сборник «Вечерний альбом». «... Марию Башкирцеву я люблю безумно, безумной любовью, — писала она. — Я целые два года жила тоской о ней. Она для меня так же жива, как я сама». Цветаева даже отыскала адрес матери Башкирцевой и некоторое время переписывалась с ней. Художнице посвящено одно из самых известных стихотворений Цветаевой — «Встреча»:

*С той девушкой у темного окна
— Виденьем рая в сутолке
вокзальной —*

*Не раз встречалась я в долинах
сна.*

*Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может, ей — и в небе
счастья нет?..*

А вот Чехову и Толстому «Дневник» Башкирцевой не понравился, да и трудно было бы ждать от них другой реакции — уж слишком молода была эта девочка, уж слишком сконцентрирована на себе, уж слишком жаждала она славы. И все это верно, но, как однажды заметила Мария Башкирцева, «искусство возвышает душу даже самых скромных из своих служителей, так что всякий имеет в себе нечто особенное сравнительно с людьми, не принадлежащими к этому высокому братству». В Марии Башкирцевой, ставшей большой художницей и прожившей всего 26 лет, несомненно, было много особенного.

Автопортрет

В одном из залов парижского Люксембургского музея стоит чудесное творение известного французского скульптора Лонжелье, оно посвящено всем гениям, умершим рано, но сумевшим обрести бессмертие. Скульптура эта так и называется — «Бессмертие». У ног ангела смерти полулежит умирающий юно-

ша, символ безвременного ухода, символ жизни, отданной Прекрасному. Он с грустью смотрит на табличку — на ней высечены имена великих людей, которым не суждено было прожить долгую жизнь. На этой табличке, среди восьми французских имен, высечено одно русское — и это имя Марии Башкирцевой. □

Богдан Волков — молодой талантливый солист большого театра. В 2016 году Богдан завоевал вторую премию престижного мирового оперного конкурса «Опералия». Как говорит сам певец: «Когда публика резонирует с твоим состоянием, это лучшее, что может быть».

Богдан Волков:

*«Наслаждаюсь тем,
что исполняю»*

фото Дамир Юсупов

— В 2016 году вы участвовали в одном из самых престижных конкурсов оперных певцов «Опералии — 2016» — в Мексике. Расскажите немного об этом.

— «Опералия» проходит каждый год в разных городах мира, в 2016 году была выбрана мексиканская Гвадалахара. В жюри присутствовали директора известных оперных театров, менеджеры. Основная цель — поиск новых талантов и их поддержка в дальнейшем. Это хороший старт для молодых певцов. Президент и основатель «Опералии», начиная с 1993 года, — Пласидо Доминго.

Каждый год в штаб-квартиру конкурса в Париже приходит множество заявок от желающих принять участие в этом знаменитом соревновании, и жюри отбирает сорок лучших кандидатов в возрасте от 18 до 30 лет. Сам конкурс проходит в несколько этапов. В течение двух дней проходят четвертьфиналы, каждый участник готовит четыре арии, он должен исполнить одну — по своему выбору, и вторую — по выбору жюри.

Жюри выбирает двадцать полуфиналистов, которые должны исполнить арию на выбор жюри, а из этой двадцатки в финал выходят только десять певцов.

— Какую арию вы исполнили в финале?

— Арию Ленского из оперы «Евгений Онегин» Петра Ильича Чай-

ковского. Дирижировал Пласидо Доминго.

— А в этом сезоне у вас были премьерные спектакли в Большом театре?

— «Манон Леско» Джакомо Пуччини — партия Эдмона, «Билли Бад» Бенджамина Бриттена — партия Новиса, «Идиот» Мечислева Вайнберга — князь Мышкин, «Снегурочка» Н.А. Римского-Корсакова — царь Берендей.

Очень насыщенный был сезон! Прекрасная возможность поработать в разных амплуа, разные стили и жанры, встреча с интереснейшими режиссерами, артистами. Признаться, что было нелегко переключаться без перерыва из одной партии на другую, но я очень доволен и рад, что все это есть в моем творческом багаже!

— Кто-нибудь конкретно повлиял на ваш выбор посвятить себя искусству?

— Мои родители не творческие люди, но с детства поддерживали мои начинания, я любил петь, а когда в шесть лет захотел играть на пианино, то мне его купили. Тогда мне, маленькому мальчику, казалось, что сяду и сразу же начну играть. Так и не случилось мне научиться профессиональной игре на фортепиано...

— Как вы пришли в Большой театр?

— В Киеве я окончил институт музыки — класс Николая Горбатов и Тамары Коваль, в 2012–2013 году обучался в Национальной музыкальной академии имени Чайковского — класс профессора Александра Дьяченко.

В 2013 году поступил в Молодежную оперную программу Большого

театра России. С нее все и началось. Светлана Григорьевна Нестеренко — выдающийся педагог, заведующая кафедрой сольного пения Академии хорового искусства имени Попова, с ней я встретился во Львове на мастер-классах в музыкальной академии Юрия Башмента, и Светлана Григорьевна поре-

*Тенор.
«Настройся
на оперу»*

Справа:

*Иван Лыков.
«Царская
невеста»*

комендовала мне попробовать свои силы. Я решился! Очень переживал, пройду отбор или нет — ведь огромный конкурс — до ста человек на место. Поступил в Молодежную оперную программу, и именно с тех пор и началась моя творческая жизнь. Художественный руководитель Молодежной оперной программы и наш замечательный наставник — профессор Дмитрий Юрьевич Вдовин.

А с 2016 года я являюсь солистом оперной труппы Большого театра.

— Во время обучения вы дебютировали на сцене Большого театра?

— Да, исполнял Моцарта — «Моцарт и Сальери», Юродивого в опере «Борис Годунов», Владимира Игоревича — «Князь Игорь», Ленского в опере «Евгений Онегин», Кая — «История Кая и Герды», и другие партии.

В 2014 году я дебютировал в опере «Царская невеста», партия Лыкова, под музыкальным руководством Геннадия Николаевича Рождественского, и это событие было для меня очень ярким и значимым. С этой ролью я принимал участие в туре Большого театра в Австрии, на Гонконгском фестивале искусств, на фестивале искусств в Нью-Йорке в Линкольн-центре.

*Князь Мышкин.
«Идиот»*

— Какая партия у вас самая любимая на сегодняшний день?

— Ленский! Стараюсь находить для этой роли новые краски, развивать ее, чтобы она была лучше и лучше!

— О чем вы больше всего мечтаете?

— Много петь, причем в лучших театрах мира. Но, по-моему, об этом мечтают все певцы, без исключения.

Я — лирический тенор, Каллафа и Германна петь никогда не буду,

но очень хотелось бы исполнить Ромео и Фауста. Осенью приму участие в туре Глайнборнского фестиваля с партией Феррандо в опере Моцарта «Так поступают все женщины...» Очень люблю «Травиату» — ну а кто же ее не любит? В этом году впервые спел партию Альфредо.

Сейчас я наслаждаюсь тем, что исполняю, получаю удовольствие от своего репертуара и пробую что-то новое, стараюсь идти вперед, ведь я по натуре — человек целеустремленный.

— Богдан, а есть какие-нибудь ограничения для оперного певца?

— Следует исходить из своих собственных ощущений, все очень индивидуально. Нужно следить за здоровьем, соблюдать голосовой режим, следить за своим рационом. Правда, не всегда это получается, времени очень не хватает — утром уходишь в театр на репетицию и возвращаешься домой только поздно вечером.

— Во время выступления вы чувствуете зал?

— Когда публика резонирует с твоим состоянием — это лучшее, что может быть. Особенно люблю, когда зависает пауза, и...тишина... каждый зритель затаил дыхание!

Это потрясающе!

Счастье, когда зритель проживает вместе с тобой твою роль. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Светлана
Бестужева-Лада

Прекрасная Натали

Верные поклонники Пушкина уже приготовились читать о его жене — кого же еще можно так называть? Возможно, они будут разочарованы: речь пойдет о женщине, красота которой превосходила знаменитую и очень многими воспетую прелесть супруги Пушкина. Речь пойдет о ее матери — Наталье Ивановне Гончаровой, урожденной Загряжской, которой вообще мало кто интересовался и интересуется, и из которой сделали почти анекдотический персонаж: мегера, пьяница, не желавшая общаться со своими детьми и доведшая мужа до сумасшествия.

Характер у нее действительно был тяжелым, но не от рождения, а стал таким в результате многочисленных жизненных испытаний, по сравнению с которыми судьба ее младшей дочери — просто грустное стечение обстоятельств...

Жизнь Натальи Ивановны с самого ее начала очень непроста. Прежде всего, она была незаконнорожденной, а таким детям в России приходилось несладко. Она родилась от авантюрного, головокружительного романа русского дворянина, бригадира Ивана Александровича Загряжского и лифляндской баронессы Ульрики фон Поссе, урожденной фон Липхардт, женщины редчайшей красоты, сбежавшей от своего законного мужа и трехлетней дочери Жанны. Ко всему прочему, лихой ротмистр был женат и имел двоих дочерей.

Наталья Ивановна была младшей из детей Загряжского. Она родилась в Яропольце, под Москвой. Сюда, подальше от сплетен и пересудов, подальше от людских глаз Загряжский привез свою беременную любовницу. Почему в Ярополец? Да потому, что там была семейная усадьба, где мирно проживала его законная супруга с дочерьми Софьей и Екатериной.

Привез и оставил на попечение жены — Александры Степановны, надеясь, что все как-нибудь образуется, особенно если родится мальчик, а сам, будучи в то время командиром Каргопольского полка, отправился вместе со своим полком в действующую армию на Кавказ, выполнять предписание Военного ведомства.

Это было весной 1785 года. А 22 октября на свет появилась девочка, получившая при крещении имя Наталья. В это трудно поверить, но за-

конная жена приняла беременную любовницу своего супруга более чем тепло. Ухаживала за ней до родов, пригласила в крестные достаточно знатных соседей, которым объяснили, что роженица — троюродная сестра Александры Степановны из Германии, оставшаяся сиротой и вдовой.

Это еще не все. При содействии своего свекра госпожа Загряжская добилась выправления метрики для Натальи, в которой сама значилась матерью. Да и относилась к новорожденной по-матерински, не делая разницы между нею и своими родными дочерьми.

От своего отца Наталья Ивановна унаследовала гордый и независимый нрав, а от своей родной матери — неземную красоту и решительность. Иван Загряжский был до глубины души потрясен поведением жены. Узаконить внебрачного ребенка в то время могли только особы из императорской семьи.

Иван Александрович Загряжский после смерти дяди унаследовал имение Кариан в Тамбовской губернии. Претендовал на пост правителя Тамбовского наместничества. Известен тем, что конфликтовал с самим Державиным, занимавшим этот пост, и даже вызывал его на дуэль.

К концу жизни Загряжский окончательно разорился. Умер он в возрасте 58 лет. Особой близости со своими детьми у него никогда не было, но после смерти прекрасной Ульрики через пять лет после рождения дочери и смерти Александры

*Отец
Натальи
Ивановны —
Иван
Александрович
Загряжский*

Степановны в 1800 году принял на себя все заботы о будущем детей. Сын Александр делал блестящую военную карьеру, обе дочери — Софья и Екатерина — были приняты фрейлинами к императорскому двору.

Наталье шел пятнадцатый год, и благодаря протекции дяди Николая Александровича Загряжского и его супруги Натальи Кирилловны (урожденной графини Разумовской), в начале 1806 года она присоединилась к сводным сестрам, произведя при дворе Александра I подлинный фурор.

В семействе Гончаровых из поколения в поколение передавалось предание о том, что Наталья Ивановна, мать Натальи Николаевны Пушкиной, признанной красавицы середины XIX века, в молодости была прекраснее своей младшей дочери. И портреты молодой фрейлины Загряжской это подтверждают.

С первых же дней пребывания Натальи Загряжской при дворе начала разворачиваться полудетективная, полулюбовная история.

Она числилась фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, но в официальных списках ее имени нет. Возможно, потому, что ее слишком быстро выдали замуж, причем выдали так, как если бы она была членом императорской фамилии, а не просто дворянкой.

Император к ней явно благоволил, что не могло не вызвать беспокойства у императрицы. Одно время поговаривали, что мадемуазель Загряжская вот-вот займет место официальной любовницы Алексан-

дра — Марии Нарышкиной. Но неприятнее всего для императрицы было то, что за Натальей начал ухаживать кавалергард Алексей Охотников, которого почти открыто называли любовником императрицы. Нет, замуж — и с глаз долой, в какое-нибудь имение, подальше от двора и его соблазнов!

Единственным человеком при дворе, благоволившем к юной фрейлине, была вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая как-то обронила:

— Это дитя удивительно похоже на мою дорогую Элен...

(Великая княгиня Елена Павловна, в браке герцогиня Мекленбург-Шверинская, скончалась тремя годами ранее от чахотки, но вдовствующая императрица все еще оплакивала ее.)

Неизвестно, как сложилась бы судьба «самой прекрасной фрейлины», но на одном из придворных ба-

варя 1807 года, и оно, как показали дальнейшие события, осталось одним из самых счастливых моментов их совместной жизни.

В 1808 году, получив чин коллежского асессора, Николай Афанасьевич перевелся в Москву и поступил на должность секретаря к московскому губернатору. Вероятно, переезд молодых был вызван необходимостью быть поближе к По-

От своего отца Наталья Ивановна унаследовала гордый и независимый нрав, а от матери — неземную красоту и решительность. Когда в пятнадцать лет благодаря протекции дяди Николая Загряжского Наталья попала ко двору Александра I, она произвела настоящий фурор. В семействе Гончаровых из поколения в поколение передавалось предание, что она, мать Натальи Пушкиной, признанной красавицы середины XIX века, в молодости была прекраснее своей младшей дочери. И ее портреты это подтверждают — невозможно оторваться от этого светлого одухотворенного лица

лов Наталью Ивановну увидел Николай Афанасьевич Гончаров, единственный наследник богатейшего майоратного имения Полотняные Заводы под Калугой. Юноша страстно в нее влюбился. Красавица ответила взаимностью. Или просто здраво рассудила, что от добра добра не ищут, а Николай Гончаров, помимо всего прочего, был сыном миллионера и единственным наследником.

Венчание Н.И. Загряжской и Н.А. Гончарова состоялось 27 ян-

лотняному заводу, где «хозяйничал» Афанасий Николаевич.

Дом, построенный дедом в Полотняных Заводах и не отличавшийся изяществом архитектуры, стали надстраивать, богато отделывать внутри. В архиве Гончаровых сохранились описи обстановки, посуды и других вещей, в том числе упоминаются мебель, отделанная бронзой и инкрустациями, люстры фарфоровые из венецианского стекла, дорогие сервизы, фамильное серебро с инициалами Афанасия Николаевича

Афанасий Николаевич Гончаров

и так далее. (Небольшой гостиный гарнитур из Полотняных Заводов можно видеть и сегодня в Калужском музее.)

Парк расширили, построили оранжереи, где выращивали даже ананасы. При конном заводе появился огромный великолепный манеж, на стенах которого висели большие медальоны с изображениями лучших рысаков. Кстати, когда Александр I приезжал в Москву на коронацию, Гончаров подарил ему великолепного коня своего завода.

Пиршества и празднества, иногда продолжавшиеся по месяцу и более, следовали один за другим. В доме насчитывалось до трехсот слуг и дворовых. Молодожены мечтали о

большой семье и, по свидетельству современников, обожали друг друга.

Старший сын Дмитрий, наследник гончаровского майоратного владения «Полотняные заводы», родился 1 марта 1808 года. Наталья Ивановна была счастлива и полностью погрузилась в семейные заботы. Через год родилась старшая дочь Екатерина, еще через год — сын Иван, наследник «Яропольческой экономии», имени, доставшегося Наталье Ивановне по наследству от родителей. Дочь Александра родилась летом 1811 года, и самая младшая — Наталья — 27 августа 1812, в самый разгар войны с французами.

Война же стала косвенной причиной ухудшения семейной жизни Гончаровых. Почти сразу после свадьбы сына, уезжая в длительное путешествие за границу, Афанасий Николаевич Гончаров отдал на некоторое время бразды правления заводами Николаю Афанасьевичу. Тот успел многое поправить за время отъезда отца и даже заслужить от государя орден святого Владимира 4-й степени за вклад в стабилизацию огромного хозяйства заводов, имевших большое значение для государства. А это считалось высоким отличием.

Радость за успехи сына в управлении заводами не помешала, однако, Афанасию Николаевичу безапелляционно отстранить его от дел после возвращения в Россию. Он желал один бесконтрольно распоряжаться доходами от заводов.

Супруги часто обсуждали будущее: как они поведут дела, когда

станут полноправными хозяевами имения и получат легендарное миллионное наследство. Пока же свекор Натальи Ивановны ежегодно выплачивал немалую сумму на содержание семьи единственного сына, что позволяло держать в доме открытый стол и нанимать для детей лучших воспитателей.

Тем не менее, средств постоянно не хватало: столь успешный в бизнесе, Николай Афанасьевич не желал вмешиваться в домашние дела, а Наталья Ивановна просто не умела разумно вести хозяйство.

Благополучие семьи начало постепенно рушиться после 1812 года. Война заставила семейство Гончаровых покинуть родные места в Калужской губернии и искать убежища в Кариане. В то время Николай Афанасьевич Гончаров служил при гражданском губернаторе в Калуге, ему удалось «не итти на ратное поле», как он говорил, и уехать в Тамбовскую губернию.

В тридцати верстах от Тамбова, при впадении реки Кариан в Цну, некогда находилось богатое родовое поместье Загряжских, приходившихся близкими родственниками Наталье Ивановне. Это было «одно из лучших дворянских гнезд на Тамбовщине». Большой барский дом с колоннами стоял в прекрасном старинном парке. Здесь 27 августа 1812 года родилась и была крещена в местной Знаменской церкви Наташа Гончарова.

Афанасий Николаевич вернулся в Россию к своим заводам не один.

Николай Афанасьевич Гончаров

Он привез с собой любовницу — madam Babette, тем самым чрезвычайно осложнив семейные отношения.

Атмосфера в доме складывалась нетерпимая. Старик требовал оказывать все знаки внимания мадам Бабетт (которую домашние звали «парижской прачкой») как хозяйке дома. Несомненно, Николай Афанасьевич пытался удержать отца от бесхозяйственности и расточительства, но безуспешно. В начале 1815 года Афанасий Николаевич совсем отстранил сына от управления делами, стремясь бесконтрольно распоряжаться доходами.

В конце концов, молодые Гончаровы решили переехать в Москву,

оставив в Полотняных Заводах маленькую Ташу, любимицу Афанасия Николаевича. Дед в ней души не чаял и страшно баловал. Ее комната была завалена выписанными из-за границы игрушками, и образование ей дали по тем временам блестящее. Чего стоят только четыре языка и слава первой шахматистки Санкт-Петербурга. Плюс — красота.

По воспоминаниям современников, ее сестры также были достаточно привлекательны, умны, образованны, но у всех троих имелся огромный по тем временам недоста-

насий Николаевич, непутевый хозяин Полотняных заводов, думал лишь о своих собственных удовольствиях и промотал огромные средства. Получив от отца и деда многомиллионное состояние, он после своей смерти в 1832 году оставил наследникам полтора миллиона... долгов.

«Дедушка — свинья», — так называл деда своей жены в одном из своих писем А.С. Пушкин. Видимо, и в молодом семействе Пушкиных рассчитывали на часть баснословного гончаровского наследства, пусть не сразу, пусть

Неизвестно, как бы сложилась судьба «самой прекрасной фрейлины», но на одном из придворных балов ее увидел Николай Гончаров, единственный наследник богатейшего имения Полотняные Заводы под Калугой. Он страстно влюбился в нее, и она ответила ему взаимностью. А вскоре состоялось венчание молодых

ток — девушки были бесприданницами, так как их дед растранирил все семейное состояние вместе со своей любовницей-француженкой и оставил сыну только долги. Так что родниться с Гончаровыми никто не спешил.

Усилия Николая Афанасьевича спасти семью от разорения оказались тщетными. Все вернулось на круги своя. Именно это, возможно, и послужило толчком к его постепенной моральной и психической деградации. Всю свою жизнь Афа-

потом... Но это «потом» так никогда и не наступило.

Признаки неадекватного поведения у Николая Афанасьевича стали проявляться в гнетущей меланхолии, постепенно переродившейся в более острую форму, когда малейшее противоречие вызывало у него вспышку неудержимого гнева и агрессии. Ссылались на некое роковое падение с лошади, после которого и начались все эти странности. Возможно, это падение было не причиной, а катализа-

тором душевного заболевания Николая Афанасьевича.

Наталья Ивановна с детьми и больным мужем, которому требовалось врачебное наблюдение, была теперь вынуждена постоянно жить в Москве, в доме на Никитской, где главу семейства с прислугой поселили в отдельный флигель. Но медицина оказалась бессильной, точнее, к ее помощи прибегали, но — безуспешно.

В присутствии врачей и собираемых Натальей Ивановной конси-

лиумов Гончаров всегда оставался безупречно вменяемым и приятным в общении, толково отвечал на все самые замысловатые вопросы, а под конец намекал на затаенную вражду жены.

«Кончалось тем, что призванные с целью поместить его в лечебницу судьи проникались глубоким состраданием к его мнимым бедствиям. При прощании с Натальей Ивановной они решительно отказывали в ее ходатайстве, и за вежливыми фразами ей нетрудно

Ярополецкая усадьба Натальи Гончаровой

было разобрать предубежденное недоумение или даже немой укор».

Был ли Николай Афанасьевич действительно психически ненормальным, как это упорно приписывала ему семья? В свете недавно обнаруженных писем Натальи Ивановны создается совсем иное впечатление об его болезни. Он попросту... пил. Несомненно, толчком к тому послужил разрыв с отцом. После напряженной активной деятельности по управлению многочисленными гончаровскими предприятиями он вдруг оказался не у дел и сознавал, что гибнет все сделанное им, а семье предстоит полное разорение.

Наталья Ивановна, тем не менее, не теряла надежды на то, что все

еще наладится. В феврале 1815 года у супругов родился младший сын Сергей. Последней, через три года после Сергея, родилась девочка Софья, умершая в младенческом возрасте.

После этого семейная жизнь в московском доме окончательно разладилась и стала адом из-за регулярно повторявшихся буйных и агрессивных припадков мужа, державших в страхе все семейство, особенно младших детей. Буйные вспышки Николая Афанасьевича резко усиливались даже от незначительного количества спиртного. Он любил музыку и до конца своих дней играл на скрипке. В одном из писем Николай Афанасьевич жало-

*Дети Натальи Ивановны
и Николая Афанасьевича
Гончаровых*

Дмитрий Николаевич

Екатерина Николаевна

вался, что ему не дадут денег на струны для инструмента. Денег ему действительно не давали, опасаясь, что он тут же пошлет слугу за вином.

Тяжелое психическое состояние мужа и необходимость самой решать все бытовые проблемы многочисленного семейства сделали властную Наталью Ивановну неуравновешенной, обидчивой и несдержанной, суровой до жесткости, вспыльчивой и религиозной до фанатизма.

После смерти в 1821 году бездетного дяди Гончаровой действительного статского советника Н.А. Загряжского остались владения: Ярополецкая вотчина в Московской губернии, имение Знаменское-Кариан под Тамбовом и имение Осаново в Тульской губернии.

После раздела наследства единокровными сестрами Софьей и Екатериной Наталья Ивановна получила в свою собственность Ярополецкую вотчину. Она любила Ярополец, здесь она родилась, здесь прошло ее детство, здесь, видимо, умерла ее мать Ульрика, и при разделе наследства сестры постарались это учесть.

С 1823 года, вступив в права наследства и став полноправной подмосковной помещицей, Наталья Ивановна почти безвыездно жила в Яропольце, оставив больного мужа в Москве под присмотром прислуги, а позднее под опекой повзрослевших сыновей. Дочери требовали внимания, заботы, продолжения начатого образования, а для

Иван Николаевич

Александра Николаевна

все это нужны были деньги, которые Наталья Ивановна так и не научилась считать. Обычно к концу месяца господский стол мало чем отличался от трапез прислуги. Поэтому неудивительно, что характер «соломенной вдовы» нельзя было назвать мягким.

Будучи женщиной властной, Наталья Ивановна воспитала своих дочерей в строгости, иногда доходившей до жесткости. Лишь кроткая Наталья Николаевна всегда умела заставить себя быть беспрекословно послушной матери, чего нельзя сказать о ее старших сестрах. А.С.Пушкин в полной мере испытал на себе давление «матери Карса», как он иносказательно называл свою будущую тещу.

Из-за ее придирок и сцен объяснений, оскорбительных для поэта, свадьба едва не расстроилась. Пушкин даже вынужден был обратиться к Бенкендорфу, чтобы тот дал гарантию Наталье Ивановне в его благонадежности. Отношения между поэтом и Натальей Ивановной стали значительно теплее лишь после появления в его семье детей, желанных внуков.

Со временем он стал отменным дипломатом, научился своими доводами урезонивать вспыльчивую, обидчивую и раздражительную тещу, в сущности, незлую и умную женщину, хотя излишне резкую и колючую по отношению к своим близким.

Миллионный долг вместо ожидаемого огромного наследства, оставшийся после смерти Афанасия Ни-

Наталья Николаевна

Сергей Николаевич

колаевича, стал огромным разочарованием для всего семейства. Рухнули планы о блестящих партиях для дочерей, о поездках за границу, о возвращении к прежнему роскошному образу жизни. Характера Натальи Ивановны это, разумеется, не улучшило.

Тем временем шли годы, дети подрастали. Следует отдать должное Наталье Ивановне: она делала все, что могла, чтобы дать им хорошее образование. В доме Гончаровых жили гувернантки и гувернеры-иностранцы, приходили учителя по разным предметам. В архиве сохранились толстые подшивки ученических тетрадей детей, свидетельствующие о том, что они достаточно подробно изучали историю (русскую и всеобщую), географию, русский

язык и литературу, мифологию. Нечего и говорить об иностранных языках — немецкий, английский и особенно французский они знали очень хорошо. Когда старший сын Дмитрий оканчивал университет, к нему для подготовки к экзаменам приглашались профессора. Иван и Сергей окончили частные пансионы.

Что касается дочерей, принято было считать, что Наталья Николаевна и ее сестры получили очень скромное домашнее образование. Знание французского языка, танцы, музыка и регулярное посещение церковных служб — этим обычно тогда ограничивалось воспитание девушек в дворянских семьях. В свете новых материалов теперь можно сказать, что образование сестрам Гончаровым

было дано значительно выше среднего.

26 мая 1830 года в имение приехал Пушкин, уже женихом, — отпраздновать с новой семьей свой 32-й день рождения. Он был влюблен и счастлив. Ведь это юная невеста уговорила мать, которая год тянула с благословением, дать согласие на брак. С точки зрения будущей тещи, первый поэт России — незавидная партия. Не богат, репутация плохая — на замет-

ке у тайной полиции. Да и правильнее было бы сначала определиться со старшими дочками. Но что уж теперь?

В парадной гостиной накрыли обильный стол. После обеда Пушкин с Натальей гуляли по тенистым аллеям, крутым мостикам через протоки и пруды. Поэт был в восторге:

«Боже мой! Кабы заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином».

Три дня в гончаровском гнезде, быть может, стали самыми счастливыми днями в его жизни.

Наталья Николаевна вскоре вышла замуж и уехала, а сестры три года безвыездно провели в деревне. Пчелы жужжат, варенье варится, денег нет. Маменька женихов от дочек отвадила и уехала в поместье Ярополец, оставив их с безумным отцом, который больше не буйствовал, а в основном молчал.

Конечно, сестры стали проситься к Пушкиным, в город. Они не боятся в тягость, помогут с детьми, вы-

10 января 1837 года состоялось венчание Екатерины Гончаровой с Дантесом. Прибывшие братья на свадебный обед не остались. Пушкина в церкви не было. Тетушка Загряжская приличия соблюла, но потом все связи со старшей племянницей сразу же порвала.

Уже через 17 дней после этой свадьбы произошло страшное — Пушкин и Дантес стрелялись у Черной речки.

Поэт был смертельно ранен. Свет, до этого с удовольствием наблюдавший за семейной драмой, ужаснул-

Тяжелое психическое состояние мужа и необходимость самой решать все бытовые проблемы многочисленного семейства сделали властную Наталью Ивановну неуравновешенной, обидчивой и несдержанной, суровой до жестокости, вспыльчивой и религиозной до фанатизма. Именно в религии она нашла утешение после всех выпавших на ее долю несчастий

просят у брата Дмитрия денег — хоть сколько-нибудь. И тетенька поможет... Наташе было жалко сестер. Так ведь и жизнь пройдет, в глуши.

Осенью 1834 года 25-летняя Екатерина и 23-летняя Александра переехали в Петербург, к Пушкиным. Три сестры снова были вместе. Они гуляли по бульварам в коляске и верхом. И танцевали, танцевали на балах, наворачивая упущенное, так что туфли протирались до дыр.

Дантеса высочайшим повелением выдворили из страны. Екатерина, конечно, поехала с ним. Ей больше не суждено было побывать в России...

Александра вышла замуж только в 41 год за австрийского дипломата Густава фон Фризенгофа. Она покорила его сердце, ухаживая за его тяжело больной женой. И прожила с ним целую жизнь — 37 лет. Ее тепло принял пасынок, 10-летний Грегор, который впоследствии стал

видным ученым, геологом и почвоведом. В 43 года Александра родила дочь и назвала ее в честь сестры — Натальей. Дожила она до 80 лет, пережив всех родственников своего поколения, воспитала двоих внуков.

К 1842 году все три сына Натальи Ивановны подали в отставку по разным обстоятельствам. Дмитрий полностью был поглощен работой и всеми силами пытался поправить подорванное дедом семейное дело, у Ивана в это время тяжело болела жена.

Старшая дочь баронесса Екатерина Дантес де Гекерен уже пять лет жила с семьей вдали от родных в Сульце (Франция). Другая дочь, фрейлина двора Александра все еще была не замужем. А младшая, Наталья Пушкина пять лет как была вдовой с четырьмя малолетними детьми.

Несчастья продолжали сыпаться на Наталью Ивановну: в Сульце умерла ее дочь Екатерина, оставив сиротами трех дочерей и своего долгожданного сына-младенца, рождение которого стоило ей жизни. Наталья Ивановна была потрясена смертью дочери и писала зятю, что готова взять сирот на воспитание.

Дантес детей ей не отдал, пообещав почаще извещать о них бабушку, зато потребовал денег на их содержание от братьев Гончаровых. Наталья Ивановна в своих письмах успокаивала Дантеса, извиняясь за небрежность своих сыновей в финансовых вопросах и обещая в бу-

дущем выделить французским внукам часть своих владений.

Последней радостью в ее жизни было вторичное замужество младшей дочери Натальи Николаевны Пушкиной, которая в 1844 году с благословения матери вышла замуж за генерала П.П. Ланского.

После всех выпавших на ее долю несчастий утешение Наталья Ивановна нашла в религии. Она окружила себя монахинями и странницами, много часов проводила в своей молельне, регулярно бывала в Иосифо-Волоцком монастыре, где проводила дни в молитвах. Во время одного из таких паломничеств, а именно 1 августа 1848 года, ей стало плохо, с трудом довели ее из монастыря до Яропольца. На другой день здесь, в своем имении, она и умерла. Отпевали ее в усадебной церкви Рождества Иоанна Предтечи, а похоронили 4 августа в Иосифо-Волоцком монастыре.

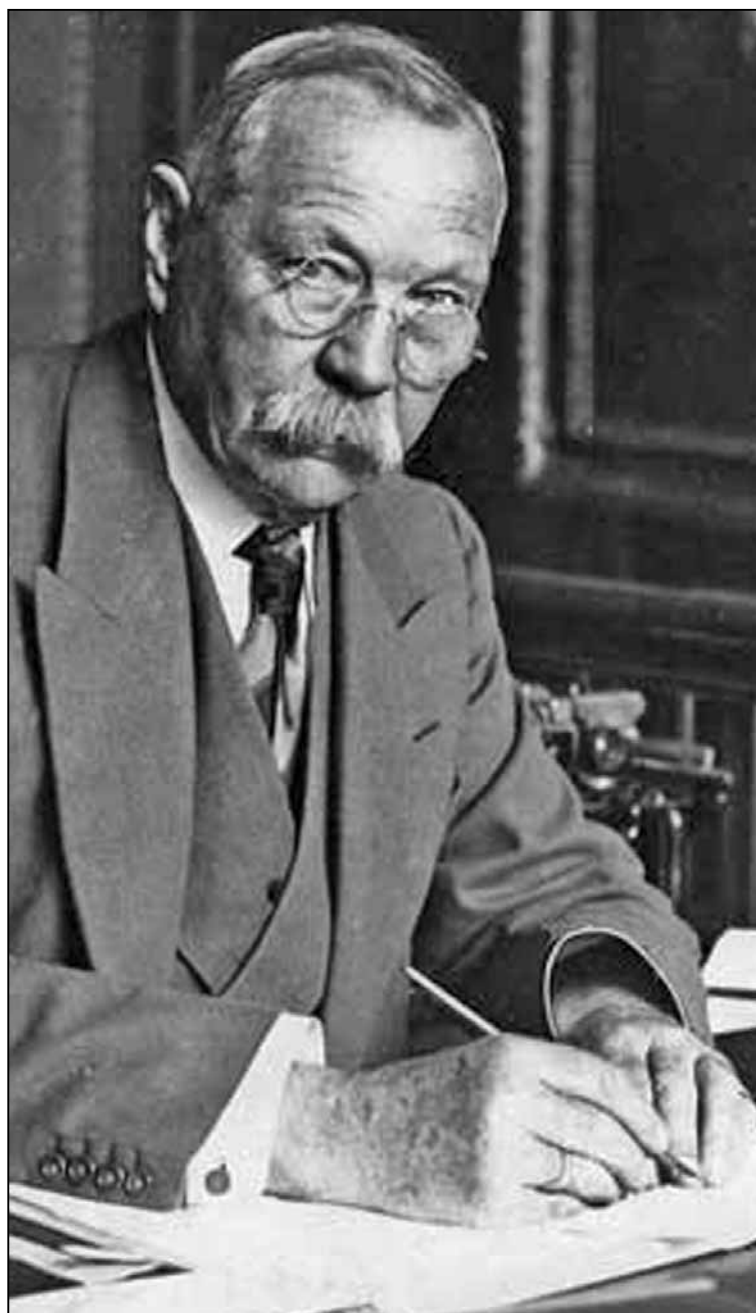
Незадолго до смерти Наталья Ивановна Гончарова написала в своем дневнике, обращаясь к своим взрослым детям:

«Я полагаю, никто из вас не может взять под сомнение мои материнские чувства. Я посвятила вам всю свою жизнь, неустанно следя за вашей нравственностью, прошлое, если оно свежо в вашей памяти, должно вас в этом убедить. Я всегда старалась быть хорошей матерью и с этим умру».

С этим и умерла, фактически всеми забытая, а после смерти — еще и оклеветанная. □

Человек, ненавидевший Шерлока Холмса

Легко ли быть творцом мифа? Наверное, никто лучше выдающегося британского писателя Артура Конан Дойля не мог бы ответить на этот вопрос. Ведь его Шерлок Холмс и сегодня, спустя более чем век после своего рождения, получает пачки писем, сравнимые разве что с почтой Санта-Клауса под Новый год. Книга рекордов Гиннесса называет его самым экранизируемым персонажем, а недавно 350 тысяч пользователей Интернета со всего мира включили его в список 20 самых «знакомых явлений, предметов и персонажей, олицетворяющих для них Англию».

Артур Конан Дойль приблизился к краю пропасти, на дно которой низвергался знаменитый Райшенбахский водопад. Величественное зрелище невольно завораживало, настраивало на философский лад и в то же время будоражило фантазию.

«Вот место, которое станет по истине достойной могилой бедного Шерлока, пусть даже мне придется вместе с ним похоронить свой собственный банковский счет», — промелькнуло в голове писателя. Здесь, в швейцарских Альпах, гений зла, профессор Мориарти, наконец, осуществит его, Дойля, мечту. Он лелеял ее пять долгих лет. Мориарти уничтожит Холмса, ведь тот безумно надоел им обоим. Да-да, обоим. И еще неизвестно, кому больше. Уже с полгода назад он в очередном письме матери сообщил, что собирается уничтожить Холмса. И что же? Мама, ярая поклонница Шерлока, решительно воспротивилась. «Но сейчас гению дедукции уже ничто не поможет», — довольно усмехнулся Артур.

Вскоре в популярном лондонском журнале «Стрэнд» появился рассказ «Последнее дело Холмса». Знаменитый сыщик спас мир от архипасного преступника профессора Мориарти, но и сам нашел смерть на дне Райшенбахского водопада.

Дойль вздохнул с облегчением. Зато публика была в шоке. Многие лондонцы надели черные траурные

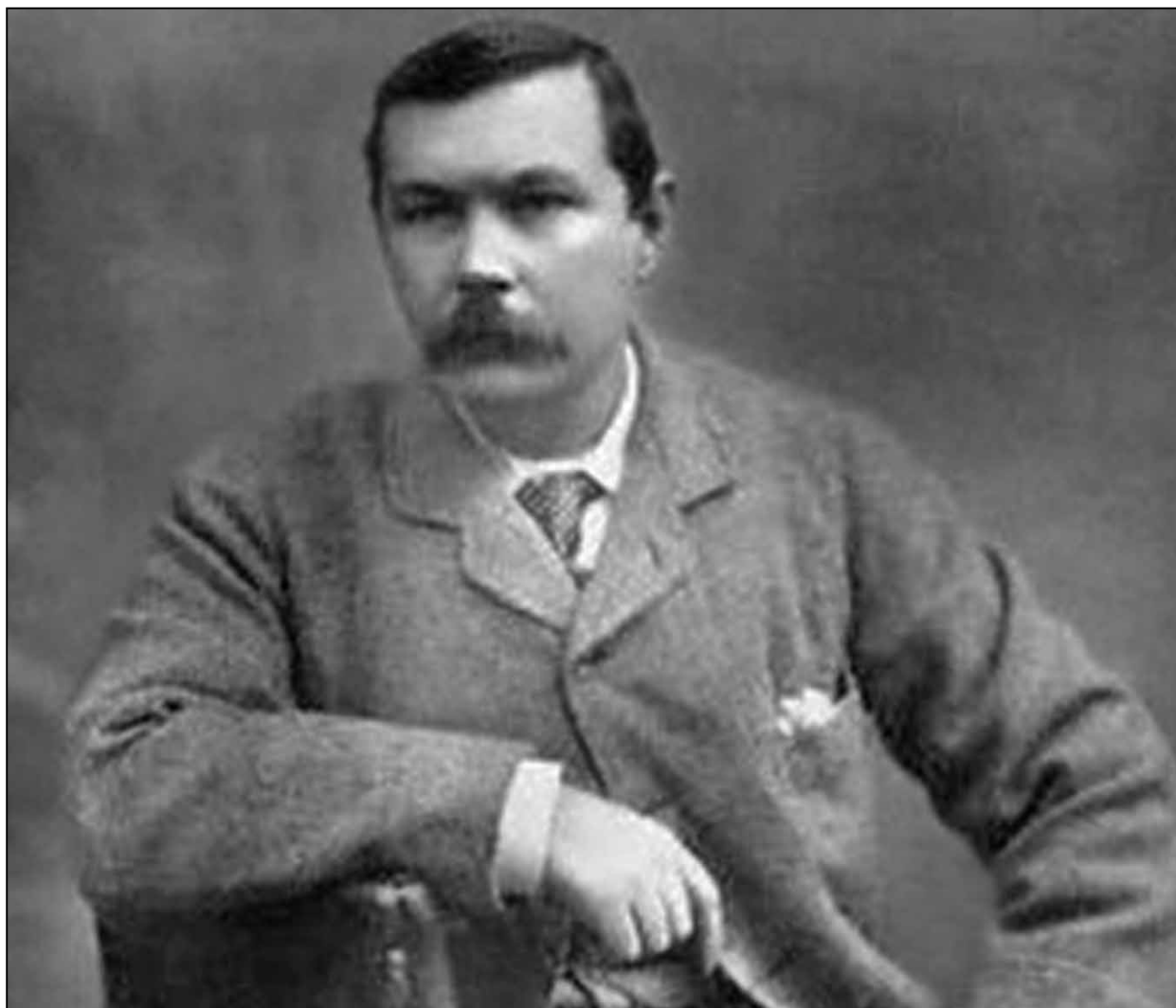
повязки. Писатель получал сотни писем. Читатели требовали, просили, умоляли вернуть Холмса к жизни. В Соединенных Штатах один за другим появлялись клубы под девизом: *«Сохраним жизнь Холмсу!»*

Реакция поклонников великого сыщика вполне понятна. Но откуда такая ненависть писателя к герою, который принес ему мировую славу?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется перенестись в Лондон 1891 года. Жарким летом того года газетные киоски города буквально осаждались толпами горожан, желавших приобрести журнал «Стрэнд», в котором начали печататься необыкновенно увлекательные рассказы о гениальном сыщике Шерлоке Холмсе. Автором их был молодой писатель Артур Конан Дойль.

Он появился на свет в Эдинбурге 22 мая 1859 года в ирландской семье с глубокими культурными корнями. Кстати, имя Конан было дано мальчику при рождении и лишь позднее, уже став писателем, Дойль превратил его в часть фамилии.

За плечами едва перешагнувшего тридцатилетний рубеж Дойля были годы учебы в Эдинбургском университете, семимесячное плавание по Арктике на китобойном судне в качестве судового врача, не очень успешная медицинская практика в Шеффилде и Портсмуте и две повести о Шерлоке Холмсе — «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех».

Эти книги имели успех. Тем более что появление «Этюда» совпало по времени с серией ужасных убийств, потрясших Лондон в 1888 году. Неизвестный убийца, вошедший в анналы мировой криминалистики как Джек-Потрошитель, совершал свои преступления в Уайтчепеле, выбирая жертвы среди местных проституток.

Фабула и атмосфера повести Конан Дойля, мрачная и загадочная, как нельзя лучше соответствовали реальным событиям. Появление же сыщика, способного распутать са-

мое сложное преступление (пусть всего лишь на страницах книги), утешало и вселяло надежду. Ведь знаменитый Скотланд-Ярд был бессилен остановить уайтчепельского убийцу.

Однако подлинную популярность Холмс обрел лишь летом 1891 года после появления в «Стрэнде» серии рассказов, открывающихся «Скандалом в Богемии» и «Союзом рыжих». Очень скоро новый герой из литературного персонажа превратился в реально существующего человека. Люди, попавшие в беду,

спешили на Бейкер-стрит и пытались отыскать дом за номером 221Б. Безуспешно. Такого дома не было. Многие винили Ватсона. Он зарекомендовал себя у читателей как человек, способный спутать все даты и адреса. Очевидно, этот недопеда что-то перепутал и на этот раз.

Ныне дом 221Б существует. Это дом постройки 1815 года, и с 1990 года в нем находится один из музеев Шерлока Холмса.

Популярности Холмса, особенно у представительниц прекрасного по-

шегося с достаточной долей изысканности. Что же касается Ватсона, то иллюстратор придал этому образу черты самого Конан Дойля. Для сотен тысяч англичанок (тираж «Стрэнда» быстро увеличился с трехсот тысяч экземпляров до полумиллиона) образ Шерлока Холмса вскоре стал символом мужской красоты и обаяния. Представители сильного пола старались подражать его безупречному вкусу в выборе одежды. Холмс стал не менее популярен, чем премьер-министр Глад-

еще с полгода назад Артур написал матери, что собирается уничтожить Холмса, и вскоре в журнале появился рассказ «Последнее дело Холмса». Читатели были в шоке, многие лондонцы даже надели черные траурные повязки. Все дружно требовали, просили и умоляли вернуть Холмса к жизни...

ла, способствовали иллюстрации в «Стрэнде» молодого талантливого художника Сиднея Пейджета. Сам Дойль представлял себе Холмса высоким, очень худым человеком с некрасивым мертвенно-бледным лицом. Пейджет получил тексты первых двух рассказов буквально за неделю до того, как июльский номер должен был пойти в набор. Не мудрствуя лукаво, он в качестве модели для Холмса выбрал своего брата Уолтера, тоже художника, весьма привлекательного мужчину, одевав-

стон или принц Уэльский. Когда брат художника Уолтер Пейджет появился как-то в театре Ковент-Гарден, где давали какую-то оперу, одна дама громко на весь зал выкрикнула: «Посмотрите, это же мистер Шерлок Холмс!» С этой минуты на сцену уже почти никто не смотрел. Благодаря легкомыслию брата Уолтер и впоследствии не раз попадал в подобные ситуации.

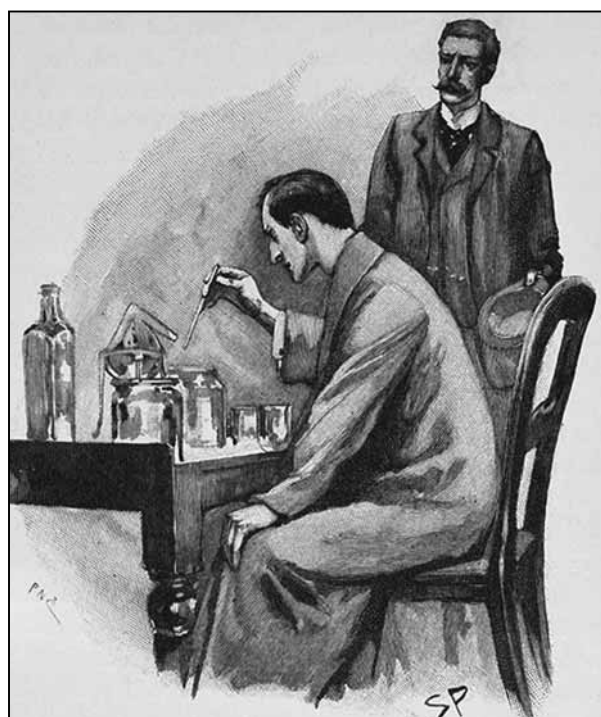
Кто же является прототипом Холмса? Прежде всего, это был один из профессоров Дойля в Эдинбург-

ском университете, доктор Джозеф Белл. В английском телесериале о приключениях молодого доктора Дойля экранный доктор Белл проводит вскрытия в полицейских участках и сам расследует преступления. В жизни никакого отношения к криминалистике он не имел. Однако «дедуктивный» метод Белл действительно применял на практике, причем, как непосредственно в деле — диагностике заболеваний, так и без видимой пользы для него. Очень наблюдательный человек, доктор Белл любил щегольнуть этим своим качеством перед студентами, указывая по наружности и манерам пациентов их профессию, материальное положение и прочее.

Артур ему чем-то приглянулся. Белл выделил его из толпы, назначив своим секретарем. Дойль вел в клинике картотеку амбулаторных больных, а главное, присутствовал при «сеансах дедукции» значительно чаще, чем какой-либо другой студент. Внешность Холмса он, скорее всего, тоже срисовал со своего бывшего учителя. Тот был высок ростом, очень худой, с огромным носом, квадратным подбородком и «пронизывающим взглядом серых глаз». Судя по всему, Белл пробудил воображение Дойля, которое потом намного превзошло оригинал. Недаром сам доктор позднее писал, что *«Дойль мне обязан намного меньше, чем он думает»*.

Образ сыщика-любителя Дюпена, созданный Эдгаром По, тоже в немалой степени стимулировал фантазию Конан Дойля.

Разумеется, если внимательно приглядеться, в характере Холмса, да и Ватсона тоже, можно найти черты самого Дойля. В то же время писатель хотел увести публику от сравнения Холмса с собой и, возможно, был прав, ибо его персонаж заим-

ствовал много красок у самых разных людей.

Кстати, великий сыщик не сразу получил известное нам всем имя. Сначала Дойль хотел назвать его Шеррингтоном Хоупом, затем Шеррингтоном Холмсом, и лишь потом окрестил Шерлоком Холмсом.

Каждый рассказ о Холмсе требовал такого же четкого и оригиналь-

ного сюжета, как полномасштабный роман. На поиск и разработку таких сюжетов уходило много времени и сил, а ведь Дойль не считал детективный жанр своим призванием. Он хотел писать произведения, которые пусть и хуже оплачивались, но зато с литературной точки зрения представляли «более высокий жанр», а именно исторические романы. Рассказы о Холмсе были для него лишь способом заработать деньги (прибавим, деньги очень хорошие) и получить возможность посвятить себя «настоящей литературе». Однако всякий раз, когда Дойль выполнял свои обязательства перед издателями «Стрэнда», те, ссылаясь на многочисленные требования читателей, упрашивали его «дать им еще Холмса». Дойлю этого делать не хотелось, поэтому за каждую новую серию он запрашивал все более высокие гонорары (таких в то время не получал ни один английский писатель). Он полагал, что его требования будут отвергнуты, и его, наконец, оставят в покое. Но всякий раз, к своему удивлению и смущению, он получал согласие редакторов и издателей.

Дойль начинал ненавидеть Холмса. «Безддушная счетная машина», как он называл сыщика, стала на пути чистого искусства. Он не понимал причин бешеного успеха Холмса, и это выводило его из себя. Ведь его исторические романы по-настоящему хороши, почему же читатели

и критика относятся к ним в лучшем случае с вежливой похвалой? Он, разумеется, преувеличивал. Его роман «Белый отряд» выдержал более пятисот переизданий только при жизни автора. Книгу называли лучшим историческим романом со времен «Айвенго» Вальтера Скотта. Но и ее заслонил собой этот проклятый Холмс! Да, он принес ему деньги и славу. Но, в конце концов, не хлебом же единым... Что же касается славы, то как бы вам понравилось такое вот письмо:

«Мистеру Шерлоку Холмсу.

Дорогой сэръ, не будучи уверен, что вы в настоящее время проживаете по своему адресу на Бейкер-стрит, я взял на себя смелость послать это письмо мистеру А. Конан Дойлю с тем, чтобы он переслал его вам».

И таких писем приходили десятки. Терзаясь, Дойль вынужден был продолжать сочинять на потребу публики все новые приключения постылого ему героя. Так все и шло до той роковой для Холмса поездки Дойля в Швейцарию, с которой и началось это повествование.

С 1895 года по 1903 год Холмс числился покойником. В этот период Дойль писал много, но, к сожалению, не создал особо значительных произведений. Он достиг материального благополучия и находился в превосходной физической форме. Атлетического сложения, ростом под 190 см и весом под 100 кило-

граммов, писатель великолепно играл в крикет, боулинг, бильярд, футбол, способен был выстоять в любительском бою с боксером-тяжеловесом. В 1903 году он приобрел свой первый автомобиль — «Уолсли» с откидывающимся верхом, и с тех пор проникся горячей любовью

к самодвижущимся экипажам. Правда, по его собственным словам, под автомобилем ему приходилось проводить не меньше времени, чем за рулем, но он относился к этому философски.

Во время англо-бурской войны он самоотверженно работал в при-

фронтовом госпитале, а немного позднее написал книгу «Великая бурская война» и ура-патриотический памфлет «Война в Южной Африке», за который в 1902 году был возведен в рыцарское достоинство. Разумеется, это было и косвенным признанием его заслуг в области литературы. Отдельно о приключениях Холмса речь, конечно, не шла. Хотя... Дотрагиваясь мечом до плеча новоиспеченного рыцаря,

король Эдуард VII, вероятно, испытывал к нему чувство искренней симпатии и восхищения. Ведь злые языки утверждали, что единственными художественными произведениями, которые Его Величество мог дочитать до конца, были как раз рассказы о Шерлоке Холмсе.

В 1903 году поклонники Холмса воспряли духом. Их обожаемый кумир вернулся. В «Стрэнде» совер-

шенно неожиданно начала печататься новая повесть Дойля. «Собака Баскервильей» имела оглушительный успех. Собственно говоря, Дойль сначала не собирался «прибегать к услугам» уже основательно забытого им героя. Однако, отдыхая в Дартмуре, он услышал местную легенду о призрачной собаке, бродящей по болотам, и загорелся идеей написать повесть. Затем мудро рассудил — чем придумывать новые персонажи, гораздо удобнее использовать уже апробированных героев — Холмса и Ватсона. Это еще не было возвращением знаменитого детектива. Конан Дойль предусмотрительно оговорил, что приключение в Дартмуре имело место до гибели Холмса в Райшенбахском водопаде.

Почему он так поступил? Возможно, хотел, так сказать, подстраховаться. В случае неудачи он мог навсегда оставить Холмса в его альпийской могиле. В случае же успеха...

Так, стало быть, писатель уже подумывал о том, чтобы воскресить своего самого популярного героя? Вероятно, да. Но как же это можно объяснить на фоне той безусловной антипатии, которую он испытывал к Холмсу прежде?

Легче всего сослаться на исключительно выгодные финансовые условия, которые предложили Дойлю английские и американские издатели. Но ведь он к тому времени

был уже достаточно богат и не нуждался в деньгах так, как в начале своей писательской карьеры. Правда, расходы его тоже неимоверно выросли. Он построил новый большой дом в графстве Серей, воспитывал двоих детей. На руках его была больная жена. Он много путешествовал и немало денег тратил на проекты, в которых более трезвые люди отказались бы участвовать: субсидировал поиски затерянных сокровищ, организовывал экспедиции по спасению пропав-

ским режиссером и актером Уильямом Джиллеттом, с триумфом шла в Соединенных Штатах, а в сентябре 1901 года заокеанская труппа с успехом гастролировала в лондонском Лицеуме, а затем и по всей Англии. В свое время, когда Джиллетт впервые прочитал эту пьесу, он телеграфировал Дойлю с просьбой разрешить ему ее поставить. Он просил также у писателя согласия на «женитьбу» Холмса в конце пьесы. Дойль ответил, что тот может делать с его героем все, что ему

О

браз Шерлока Холмса стал символом мужской красоты и обаяния. Представители сильного пола старались подражать ему во всем, и в первую очередь его безупречному вкусу в выборе одежды. Холмс был в Англии не менее популярен, чем премьер-министр Гладстон или принц Уэльский

ших путешественников. Лишние деньги ему, разумеется, не помешали бы. Но, думается, дело здесь не только в этом. С годами Дойль стал терпимее и, вероятно, понял, что Холмс, сделавший его знаменитым, не так уж и отвлекал его от создания исторических полотен, и впредь вполне возможно будет совмещать работу в столь различных жанрах.

Не исключено, что затронуты были также его гордость и самолюбие. Когда-то написанная им пьеса о Холмсе, поставленная американ-

заблагорассудится. Эпизодом женитьбы пьеса и заканчивалась. Кстати, Джиллетт играл роль Холмса до 1929 года, когда ему исполнилось уже семьдесят шесть лет.

В 1900 году Шерлок Холмс появился и на экране. Правда, «фильм» этот длился всего... сорок пять секунд, зато он положил начало бурной кинематографической карьере Холмса, которая продолжается и поныне.

Итак, после фантастического успеха «Собаки Баскервилей» Конан

Дойль внял, наконец, мольбам английских и американских издателей и согласился написать новую серию рассказов о великом сыщике, действие которых происходило уже после схватки с профессором Мориарти. Цикл «Возвращение Холмса» начинался с захватывающей истории «Приключение в пустом доме». Восторгу читателей не было предела. «Вестминстер Газет» выразила чувство всеобщего ликования, когда писала: *«Все произошло так, как мы*

дачена. В течение одной недели у меня пропали: клаксон от автомобиля, веник, полдюжины шаров для игры в гольф, словарь и щетка для обуви. Можете ли Вы объяснить, что происходит?»

«Нет ничего проще, моя дорогая леди, — отвечал Конан Дойль. — Совершенно ясно, что Ваш сосед завел козу. Шерлок Холмс». Он часто посылал своим читателям ответ на открытках без марки, и им приходилось оплачивать почтовые рас-

С

о временем Дойль стал достаточно богат и уже не нуждался в деньгах так, как в начале своей писательской карьеры. Правда, и расходы его неимоверно росли. Мало того, что на руках у него была большая жена, он, к тому же, много путешествовал и немало денег тратил на немислимые проекты: субсидировал поиски затерянных сокровищ, организовывал экспедиции по спасению пропавших путешественников — одним словом, на все то, в чем более трезвые люди отказались бы участвовать

и предполагали. Холмс остался жив после рокового падения со скалы».

Тиражи «Стрэнда» вновь возросли. Увеличились и гонорары Конан Дойля. Снова рекой хлынули письма читателей. Теперь они уже не так раздражали его, он стал относиться к ним гораздо спокойнее и даже с юмором.

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, — писала одна дама. — Не можете ли Вы помочь мне? Я не на шутку оза-

ходы по получении корреспонденции. На каждой открытке была стереотипная надпись: «Любопытно было получить Ваше письмо, адресованное мистеру Шерлоку Холмсу. По словам хозяйки квартиры миссис Гэмп, такого джентльмена здесь нет. Тем не менее, благодарен за проявленный Вами интерес. Доктор Джон Ватсон».

В компании друзей и знакомых Конан Дойль любил иногда расска-

зывать и анекдоты о своем герое. Эту историю он предпочитал рассказывать после обеда в мужском обществе за бренди и сигарами, когда дамы удалялись в соседнюю гостиную.

Шерлок Холмс попадает в рай. У ворот его очень любезно встречает Святой Петр и сообщает, что они столкнулись с серьезной проблемой, решить которую может только Холмс. Среди огромного количества мужчин в раю никак не могут отыскать Адама. Холмс отдает распоряжение всем обитателям рая мужского пола раздеться и без труда отыскивает Адама. Святой Петр поражен.

«Как вам удалось это сделать?» — спрашивает он.

«Элементарно, дорогой Святой Петр, — отвечает Холмс. — Адам — единственный из всех не рожден женщиной, и поэтому у него нет... пупка».

Это, разумеется, анекдот, но порой Дойль действительно оказывал серьезную помощь людям, обращавшимся к нему. В историю британской криминалистики вошли так называемые дела Идалджи и Слейтера, которыми занимался писатель. На первое он потратил восемь месяцев, на второе у него в общей сложности ушло почти 15 (!) лет.

Что же касается «странных» историй, с которыми к нему обращались знакомые и незнакомые люди, то их число не поддается исчислению.

Порой озадаченный чьей-то просьбой, он на два-три дня запирался с трубкой в своем кабинете, отвечал на вопросы невпопад и мог выйти на улицу в разных ботинках — все домашние понимали, что происходит, и старались не попадаться ему на пути.

Следует отметить, однако, что, несмотря на блестящие дедуктивные способности, Шерлок Холмс, а вернее его автор, порой допускал в ходе расследования досадные

промашки и ляпы. Они случались с Холмсом как в начале его карьеры, так и в ее зените.

Как явствует из объяснения Холмса Ватсону, злодей в «Этюде в багровых тонах» погибает от пилюль, содержащих яд, которым «южно-американские индейцы смазывали наконечники своих стрел». Судя по всему, Холмс имел в виду кураре. Однако, как известно, кураре, принимаемый внутрь, совершенно безвреден. В рассказе «Приключение в пустом доме», где Холмс впервые появляется после своего «воскрешения», ближайший помощник профессора Мориарти полковник Моран пытается убить его с помощью духового ружья, заряженного револьверной пулей. Конан Дойлю, который неплохо разбирался в огнестрельном оружии (он ведь участвовал в войне), следовало бы знать, что такие вещи невозможны.

Работая над очередным рассказом о Холмсе, Дойль порой забывал некоторые детали и подробности, упоминаемые им в более ранних произведениях.

Например, инспектор Лестрейд появляется в тринадцати рассказах о Холмсе, и если сначала его лицо напоминает крысиную мордочку, то потом и лицо, и фигура приобретают бульдожьи черты.

Но больше всего не повезло бедняге Ватсону. Так, в повести «Этюд в багровых тонах» Ватсон сообщает Холмсу, что во время военной

кампании в Афганистане он был ранен в левую руку, а в «Знаке четырех», написанном сразу после «Этюда», Ватсон уже упоминает о ранении в ногу.

В семейной жизни Ватсону, как видно, тоже не очень-то повезло. Собственная жена путает его имя. Порой она называет его Джеймсом, тогда как всем истинным знатокам рассказов о Холмсе известно, что его верного спутника звали Джоном.

Кстати, о чувствах сердечных и делах матримониальных. Кто из читателей не знает, что, в отличие от Ватсона, Холмс был убежденным холостяком. Как-то в разговоре с ним он заявил, что никогда не женится, поскольку любовь лишает человека способности рационально мыслить.

Самому же Конан Дойлю ничто человеческое не было чуждо. В 1897 году в его жизнь вошло большое чувство. Он встретил и полюбил очаровательную Джин Леки. Дойль часто навещал ее. Их платонический роман (так утверждал сам Дойль, и у нас нет оснований не верить ему) продолжался десять лет, вплоть до смерти его тяжелобольной жены Луизы в 1906 году. Луиза так никогда и не узнала о существовании другой женщины в жизни Дойля. После ее смерти сэр Артур и Джин поженились. (Стоит отметить, что об этом романе было известно и матери, и детям Дойля, и они не осуждали его.)

Глубоко личные чувства и переживания Дойля не могли не найти отражения даже в произведениях, по своей стилистике, казалось бы, мало подходящих для этой цели. Особенно похож на самого Дойля герой его рассказа «Пропавший полузащитник». Молодой регбист (Дойль в юные годы играл в регби и был неплохим боксером) тоже тайком посещает скрытый в лесу домик, в котором живет его любимая. Правда, в рассказе Дойля эта

Однако на закате жизни он неожиданно вновь обращается к, казалось бы, уже забытому образу. Зачем ему это понадобилось?

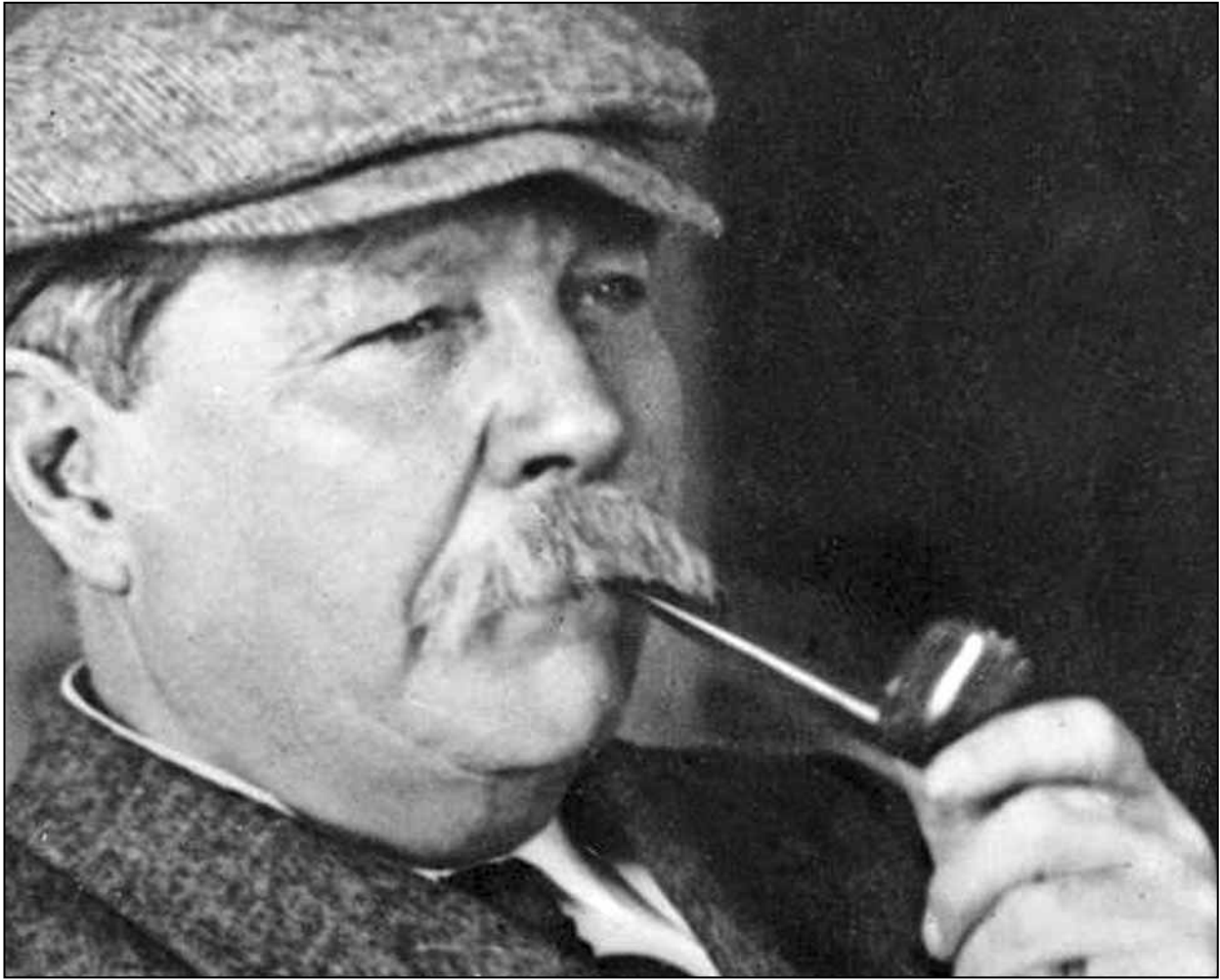
Оказывается, причины были, и достаточно веские. В 1916 году писатель опубликовал статью, в которой говорил о том, что твердо и бесповоротно уверовал в жизнь после смерти и в возможность общения с другим миром. Спиритизм, по его мнению, был единственной теорией, примиряющей религию и науку.

Ничто человеческое было Дойлю не чуждо. Он встретил и полюбил очаровательную Джин Леки. Их платонический роман продолжался десять лет, вплоть до смерти его тяжелобольной жены Луизы, которая так и не узнала о существовании другой женщины в жизни ее любимого мужа

женщина — тайная жена молодого спортсмена. В этом персонаже для писателя как бы слились образы двух женщин, которых он любил, — Луизы и Джин. Несомненно, смятение чувств, которое испытывал в тот период Дойль, наложило отпечаток и на тональность его рассказов о Холмсе.

Читатели и издатели по-прежнему требовали новых рассказов о сыщике, но появлялись они теперь в «Стрэнде» редко и нерегулярно. Временами казалось, что Дойль уже навсегда простился с этой темой.

Неуемное увлечение Дойля спиритизмом превратило его в мишень для насмешек и глумления в прессе. Для человека, который в свое время был удостоен рыцарского звания как всеми признанный патриот и гордость нации, такое унижение было нестерпимо. Он, естественно, стремился восстановить чувство самоуважения. А что могло вернее способствовать этому, чем успех у читателей? Холмс и Ватсон были обречены на успех. Даже великолепным фантастическим романам писателя было далеко до них.

За два последних года жизни Дойль написал все остальные холмсовские рассказы, составившие сборник «Архив Шерлока Холмса». Последний его рассказ — «Загадка поместья Шоскомб».

Он не прекращал работать и читать, несмотря на приступы стенокардии, которые, впрочем, чередовались с улучшением его состояния.

Очередной приступ начался в ночь на 7 июля 1930 года. Утром писателю стало лучше, и ему помогли сесть в кресле. Вся семья была рядом. Джин держала его за одну ру-

ку, сын Адриан за другую. Он смотрел в окно, слабо шевеля губами. «Тебе надо отчеканить медаль, — сказал он Джин, — с подписью "Лучшая из всех сиделок"». Через час он умер.

Его похоронили у садового домика, которым он часто пользовался как кабинетом. Присланные в его память цветы заполнили всю усадьбу, как будто на ней в человеческий рост вырос фантастический сад. На надгробии из английского дуба Джин велела вырезать только его имя, дату рождения и слова: «*Верен как сталь, прям как клинок*».

Дело необычной квартирантки

Шерлок Холмс активно занимался расследованием преступлений на протяжении двадцати трех лет. В течение семнадцати из них мне посчастливилось помогать ему и вести записи. Поэтому вполне понятно, что сейчас в моем распоряжении огромный материал, и самое сложное — не найти, а выбрать. Ежегодные хроники занимают целую полку. Имеются и объемистые папки с документами. Все это вместе взятое представляет ценнейший источник сведений не только для лиц, изучающих преступность, но и для тех, кого интересуют скандальные происшествия в общественной и политической сферах периода заката Викторианской эпохи. Но я могу заверить авторов полных отчаяния писем, умолявших сохранить репутацию семьи и честное имя предков: у них нет оснований для опасений. Осмотрительность и высокое понимание профессионального долга, всегда отличавшие моего друга, играют решающую роль при отборе дел для моих воспоминаний. Злоупотреблять доверием мы не станем. Я резко осуждаю недавние попытки добраться до этих документов и уничтожить их. Нам известно, от кого они исходили, и Холмс уполномочил меня сообщить: если подобные посягательства повторятся, то все обстоятельства дела, касающегося политического деятеля, маяка и дрессированного баклана, будут немедленно преданы огласке. Тот, кому адресовано данное предупреждение, поймет меня.

Было бы неверным полагать, что всякое дело давало Холмсу возможность продемонстрировать удивительный дар наблюдательности и интуиции, которые я пытался подчеркнуть в своих мемуарах. Порой ему требовались значительные усилия, чтобы добраться до истины, а иногда разгадка внезапно приходила к нему. По правде говоря, ужасающие людские трагедии чаще всего не давали особого простора для раскрытия талантов Холмса. К подобным делам следует отнести и то, о котором я собираюсь рассказать. Излагая его, я изменил лишь некоторые имена и названия, а в остальном все соответствует действительности.

Однажды незадолго до полудня — это было в конце 1896 года — я получил записку от Холмса: он срочно вызывал меня к себе. Когда я приехал

на Бейкер-стрит, в полном табачного дыма кабинете уже сидела, расположившись в кресле напротив него, пожилая дама, по виду располневшая хозяйка пансиона или гостиницы.

— Это миссис Меррилоу из Южного Брикстона, — сказал Холмс, указывая рукой в ее сторону. — Если и вы не в силах бороться со своими вредными привычками, Уотсон, можете курить, наша гостья не возражает. Она расскажет любопытную историю, которая в дальнейшем может привести к такому развитию событий, когда ваше присутствие станет необходимым.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Видите ли, миссис Меррилоу, если я соглашусь навестить миссис Рондер, мне хотелось бы иметь свидетеля. Надеюсь, вы разъясните ей это, прежде чем мы к ней придем.

— Благослови вас Господь, мистер Холмс! — воскликнула наша посетительница. — Она так жаждет встретиться с вами, что можете приводить с собой хоть толпу!

— В таком случае мы приедем сегодня сразу же после полудня. А теперь давайте разберемся, правильно ли я уяснил ситуацию. Вы сказали, что миссис Рондер является вашей квартиранткой вот уже семь лет, но за это время вы только раз видели ее лицо?

— Лучше бы мне вообще его не видеть! — ответила миссис Меррилоу.

— Итак, оно сильно изуродовано.

— Знаете, мистер Холмс, то, что я увидела, вообще едва ли можно назвать лицом. Однажды наш торговец молоком заметил его в окне и уронил свой бидон, разлив молоко по всему саду перед домом. Так оно выглядело. Когда я случайно застала миссис Рондер врасплох, она поспешила закрыться, а затем сказала: «Теперь, миссис Меррилоу, вы знаете, почему я никогда не снимаю вуаль».

— Вам известно хоть что-нибудь о ее прошлом?

— Ничего.

— Ее кто-то рекомендовал вам?

— Нет, сэр. У нее было много денег. Она, не торгуясь, выложила плату за три месяца вперед. В наше время такая бедная женщина, как я, не позволит себе упустить подобную клиентку.

— Она объяснила, почему выбрала именно ваш дом?

— Мой дом скромн и невелик, стоит он далеко от дороги и расположен в отдалении от других домов. Кроме того, она выяснила, что я беру всего одного квартиранта, а своей семьи у меня нет. Полагаю, она смотрела несколько домов, но мой подошел ей больше других. Миссис Рондер искала одиночества и покоя, и готова была платить за них.

— Так вы говорите, она не открывала своего лица все то время, что прожила у вас, исключая тот единственный случай? Да, это довольно за-

нимательно. И неудивительно, что вы, в конце концов, захотели во всем разобраться.

— Дело даже не в том, мистер Холмс. Для меня вполне было бы достаточно того, что она исправно платит за квартиру. Более спокойного жильца — а она не доставляла мне никаких неудобств — трудно найти.

— В чем же тогда дело?

— Меня волнует ее здоровье, мистер Холмс. Она просто тает на глазах. Видимо, ее мучает нечто ужасное. Она вскрикивает во сне. А однажды ночью я слышала, как она кричала: «Жестокий! Зверь! Чудовище!» Это было так жутко. Утром я зашла к ней и сказала: «Миссис Рондер, ведь с вами что-то происходит. Если на душе у вас беспокойно, обратитесь к полиции или священнику. Возможно, кто-то сумеет вам помочь». — «О, только не полицейские! — ответила она. — Да и от священнослужителей я проку не жду. Но, тем не менее, мне станет гораздо легче, если перед смертью я расскажу правду хоть кому-нибудь». — «Уж коли вы не хотите иметь дело со Скотленд-Ярдом, существует ведь знаменитый частный сыщик, о котором столько пишут». Прошу прощения, мистер Холмс. Миссис Рондер буквально ухватилась за мое предложение. «Именно он-то мне и нужен! — воскликнула она. — Как же мне раньше не пришло в голову! Умоляю, приведите его сюда, миссис Меррилоу! А если он станет отказываться, скажите ему, что я жена Рондера, циркового укротителя хищников. И еще скажите: «Аббас Парва». Вот она сама его написала: А-б-б-а-с П-а-р-в-а. «Это должно заставить мистера Холмса прийти, если только он таков, как я о нем думаю».

— Хорошо, миссис Меррилоу, — задумчиво произнес Холмс. — Я приду со своим другом мистером Уотсоном. Часам к трем ждите нас у себя на Брикстоне. А сейчас нам необходимо с ним побеседовать, а это как раз займет время до полудня.

Едва наша посетительница успела выкатиться из комнаты, — по-иному невозможно определить манеру миссис Меррилоу передвигаться, — как Шерлок Холмс с яростной энергией принялся перебирать кипу тетрадей, сваленных в углу, и листать страницы. Это продолжалось несколько минут, пока, наконец, он не провозгласил с удовлетворением: «Нашел, нашел то, что искал!» Холмс был так возбужден, что и не подумал вернуться в кресло, а уселся прямо тут же, на полу, словно Будда, скрестив ноги. Объемистые тетради для записей были разбросаны вокруг, а одна из них лежала открытой на коленях у моего друга.

— В свое время случай в Аббас Парва привлек мое внимание, дорогой мой Уотсон. Вот видите — здесь на полях заметки, которые свидетельствуют об этом. Должен признаться, мне так и не удалось найти тогда разгадку. Правда, я был убежден в ошибочности выводов судебного следователя. Неужели вы не помните трагедию, происшедшую в Аббас Парва?

— Нет, Холмс.

— А ведь в то время мы жили еще вместе. Конечно, мои собственные впечатления довольно поверхностны. Информации оказалось явно недостаточно, ни одна из сторон не пожелала воспользоваться моими услугами. Прочитайте записи сами, если хотите.

— Может, вы просто напомните основные моменты?

— Это совсем не сложно. Надеюсь, мой рассказ пробудит вашу память. Имя Рондера, естественно, вам известно. По популярности он соперничал с Уомбвеллом и Сэгнером — знаменитыми владельцами цирковых аттракционов. Однако Рондер начал много пить, и его дела покатились под уклон. Вот тогда-то и случилась та страшная трагедия. Караван фургонов его передвижного цирка заночевал в Аббас Парва — небольшой деревушке в Беркшире. Цирк направлялся в Уимблдон и остановился здесь на ночлег. Представления не давали. Деревушка была так мала, что располагаться в ней основательно не имело смысла. Кроме прочих зверей, в труппе имелся прекрасный североафриканский лев по кличке Король Сахары. Рондер и его жена работали с ним в его клетке. Вот, поглядите, снимок их выступления, позволяющий увидеть, каким чудищем был сам Рондер и какой необыкновенной красавицей — его жена. В ходе следствия удалось установить, что на каком-то этапе лев стал опасен. Но, видимо, привычность риска породила небрежность, и внимания на это не обратили. Льва кормили по ночам либо сам Рондер, либо его жена. Иногда — оба. Никому другому кормление не доверялось: хищник должен твердо знать своих благодетелей. Так вот, в ту ночь, семь лет назад, когда они вдвоем вошли в клетку, чтобы покормить питомца, разыгралась кровавая драма. Около полуночи весь цирковой лагерь оказался разбужен громким ревом хищника и пронзительными женскими криками. Все служители цирка выбежали из палаток с фонарями, в свете которых их глазам предстало ужасающее зрелище. Метрах в десяти от открытой клетки распростерлось тело Рондера с проломленным черепом и глубокими ссадинами на голове. Возле распахнутой двери навзничь лежала его жена. Разъяренный зверь рвал женщине лицо, и казалось, его не остановить. Несколько артистов цирка, в том числе силач Леонардо и клоун Григе, шестью кое-как оттеснили льва. Им удалось загнать его в клетку. Как все это могло произойти? В свидетельских показаниях не содержалось ничего интересного. Правда, кто-то сказал, что миссис Рондер, когда ее переносили в вагончик, кричала в бреду: «Предатель! Трус!» Прошло шесть месяцев, прежде чем она смогла дать показания. Но, тем не менее, дознание было проведено и завершилось вынесением вердикта: смерть в результате несчастного случая.

— Предполагать что-то иное было бы нелепо, — вмешался я.

— Возможно, вы были бы и правы, друг мой, только некоторые обстоятельства тогда насторожили молодого следователя Эдмундса из беркширской полиции. О, это был проворный малый! Потом он уехал работать в Индию. От него я и услышал подробности этого дела, когда он однажды зашел ко мне отдохнуть и выкурить трубку.

— Кажется, я его помню: худощавый мужчина с белыми волосами.

— Именно! Я полагаю, скоро вы все вспомните.

— Ну а что же его смущало?

— Восстановить ход событий оказалось дьявольски трудно. Представьте себе: лев вырывается на свободу, делает несколько прыжков и оказывается рядом с Рондером. Укротитель обращается в бегство — ведь следы когтей были на затылке. Но лев сбивает его с ног и, вместо того чтобы бежать дальше, возвращается к женщине, находившейся возле самой клетки, и раздирает ей лицо. Как вы считаете, может насторожить такое поведение зверя? Может! Да еще эти восклицания женщины в полубредовом состоянии, которые, видимо, должны были означать, что муж подвел миссис Рондер. Но есть и кое-что более любопытное. В деле имелись показания, утверждавшие, что именно в тот момент, когда зарычал лев и в ужасе закричала женщина, раздался испуганный крик мужчины.

— Без сомнения, это был Рондер.

— Ну, знаете, человек с проломленным черепом едва ли способен кричать. Однако, по крайней мере, двое свидетелей утверждали, что слышали мужской голос одновременно с женским.

— Вероятно, к тому времени крики уже неслись по всему лагерю. Что же касается остальных пунктов, вызывающих настороженность, то, думаю, смогу предложить разгадку.

— Буду рад услышать.

— Супруги находились шагах в десяти от клетки, когда лев вырвался на свободу. Муж обратился в бегство, но был сбит с ног. Жена решила укрыться в клетке и захлопнуть дверцу, — это было бы для нее единственным спасением. Она бросилась туда и уже почти достигла цели, когда зверь ринулся за ней, догнал и повалил на землю. Действия мужа, который своим бегством возбудил ярость хищника, вызвали справедливый гнев у женщины. Вдвоем они могли попытаться усмирить льва. Потому она и воскликнула: «Трус!»

— Блестяще, Уотсон! Правда, в вашей жемчужине имеется существенный изъян.

— Что за изъян, Холмс?

— Если они оба находились на расстоянии десяти шагов от клетки, каким же образом зверю удалось освободиться? И почему он так свирепо набросился на них? Ведь Король Сахары привык работать с хозяевами в клетке и выполнять различные трюки.

— Скорее всего, кто-то непонятным образом разъярил хищника.

Холмс задумался, потом сказал:

— Видите ли, Уотсон, некоторые факты говорят в поддержку вашей версии. Врагов у Рондера было предостаточно. Эдмундс рассказывал мне, каким страшным человеком он становился, когда напивался. Именно воспоминания о покойном, я полагаю, и являлись причиной ночных криков о чудовище, про которое упоминала наша посетительница. Однако пока любые предположения беспочвенны. Вон там, на буфете стоит бутылка хорошего вина и холодная куропатка. Нам следует немного подкрепиться, прежде чем отправиться в путь.

Когда экипаж доставил нас к дому, принадлежавшему миссис Меррилоу, дородная хозяйка скромного уединенного жилища ждала у распахнутых дверей. Не вызывало сомнений, что ее главным образом беспокоила перспектива потерять выгодную квартирантку. Поэтому, прежде чем провести нас наверх, миссис Меррилоу попросила не говорить и не делать ничего, способного привести к столь нежелательным последствиям. Успокоив хозяйку, мы проследовали за ней наверх по лестнице, застеленной недорогим ковром, и оказались в комнате, где жила таинственная незнакомка.

Прежде эта женщина держала в неволе диких зверей, а теперь судьба ее саму превратила в существо, загнанное в клетку. Миссис Рондер сидела в продавленном кресле, расположенном в темном углу. Долгие годы бездействия сделали ее фигуру тяжелой, а ведь наверняка в прежние времена она была очень хороша. Лицо квартирантки скрывалось за плотной вуалью, опускавшейся до верхней губы. Открытыми оставались только красивый рот и изящный подбородок. Да, это была незаурядной красоты женщина. И голос у нее оказался ровным и приятным.

— Мое имя вам, конечно, знакомо, мистер Холмс, — произнесла она. — Я знала, что, услышав его, вы непременно придете ко мне.

— Совершенно верно, мадам. Хотя, право, не понимаю, откуда вам известно о моем интересе...

— После выздоровления меня допрашивал мистер Эдмундс из местной полиции. Мне пришлось тогда обмануть его. Возможно, сказать всю правду было разумней?

— В любом случае скрывать истину нехорошо. Но почему же вы ее скрыли?

— Потому что от этого зависела судьба другого человека. Он оказался существом никчемным, я знаю, но мне не хотелось сознательно губить его. Мы были так близки с ним!

— А разве теперь этого препятствия не существует?

— Да, сэр. Мужчина, о котором я говорю, уже мертв.

— Тогда почему бы сейчас не сообщить полиции все, что вам известно?

— Я обязана думать еще об одном человеке — о себе. Публичного скандала и сплетен, которые неминуемо вызовет новое полицейское разбирательство, мне не вынести. Жить и так осталось совсем мало. Хочется умереть спокойно. Но в то же время просто необходимо найти справедливого, рассудительного человека и доверить ему мою печальную историю, чтобы он смог все разъяснить, когда меня не станет.

— Вы мне льстите, мадам. Но у меня свои принципы. Не стану заранее обещать, что после вашего рассказа не сочту своим долгом передать дело в руки полиции.

— Думаю, этого не потребуется, мистер Холмс. Я достаточно хорошо изучила ваши методы работы, поскольку на протяжении семи последних лет слежу за уголовной хроникой. Судьба оставила мне единственное удовольствие — чтение, и я интересуюсь практически всем... Итак, рискну рассказать о своей трагедии.

— Мы готовы внимательно выслушать вас.

Женщина подошла к комоду и достала из ящика фотографию. Человек, изображенный на ней, очевидно, был акробатом. Настоящий атлет, снятый со скрещенными на могучей груди огромными руками и улыбкой, пробивающейся сквозь густые усы, — самодовольной улыбкой мужчины, одержавшего множество побед.

— Это Леонардо, — сказала она. — А это... мой муж.

Второе лицо было ужасным, так явственно выделялись на нем звериные черты. Такой, как у него, отвратительный рот легко представить постоянно чавкающим, с пеной ярости на губах. Во взгляде узких злых глазок ощущалась неприкрытая враждебность, обращенная на весь мир. Обрюзгшая физиономия, на которой словно начертано: грубиян, негодяй, чудовище.

— Эти два фото помогут вам, джентльмены, понять историю бедной цирковой девочки, выросшей на арене. В десять лет я уже прыгала сквозь обруч, а когда подросла и повзрослела, Рондер влюбился в меня, если так можно сказать о его низменной страсти. В недобрый час мы заключили брачный союз, и с того дня я словно в ад попала. Он стал дьяволом, постоянно мучившим меня. В цирке все знали, как муж ко мне относился. Бросал меня ради других женщин. А если я начинала протестовать, связывал мне руки и ноги и истязал хлыстом. Меня тайком жалели, его осуждали, но сделать ничего не могли — боялись. Рондер вызывал у окружающих страх, а когда напивался — в нем просыпалась кровожадность. Время от времени его судили за оскорбление действием, угрозы или жестокое обращение с животными, но штрафы ровно ничего для него не значили: денег у него было много. От нас ушли лучшие артисты, и авторитет цирка заметно пошатнулся. Былую славу немного поддерживали только Леонардо, я да наш клоун, малыш Джимми Григс, который старался, как

мог, сохранить программу, хотя у него тоже не имелось особых поводов для веселья.

Со временем Леонардо стал все больше и больше входить в мою жизнь. Вы видели, каким он был. Потом-то я узнала, какая мелкая душонка скрывалась за великолепной внешностью. Однако по сравнению с мужем силач казался мне сущим ангелом. Он жалел меня и помогал, чем мог. В конце концов наши отношения переросли в любовь — глубокую и страстную, такую, о какой я лишь мечтала. Муж подозревал нас, но Леонардо был единственным в цирке человеком, которого он побаивался. И Рондер мстил, мучая меня больше обычного. Однажды вечером мои крики услышал Леонардо и прибежал к дверям нашего вагончика. Трагедии тогда едва удалось избежать, но скоро я и Леонардо, мой любимый Леонардо, поняли, что иного выхода нет: мой муж должен умереть.

Леонардо обладал ясным умом, он-то и придумал все. Говорю это не для того, чтобы обвинить сейчас только его. Я готова была идти с ним на что угодно. Просто на такой план у меня не хватило бы воображения. Мы... Леонардо изготовил тяжелую дубинку и на ее свинцовой головке укрепил пять длинных стальных гвоздей с остриями, торчащими наподобие выпущенных когтей на львиной лапе. Ею и собирались нанести Рондеру смертельный удар, а оставленный след свидетельствовал бы о том, что все совершил лев, которого мы собирались потом выпустить из клетки.

Когда муж и я, по обыкновению, отправились кормить своего Короля, стояла кромешная тьма. В ведре мы несли сырое мясо. Леонардо прятался за углом большого фургона, мимо которого лежал наш путь к клетке. Леонардо замешкался и не успел нанести удар, когда Рондер проходил рядом с ним. Тогда он на цыпочках последовал за нами, и я услышала, как его дубинка проломила мужу череп. Подбежав к клетке, я открыла защелку.

А затем случилось непредвиденное. Вы, вероятно, знаете, как хорошо чувствуют хищники человеческую кровь. Некий неведомый нам инстинкт мгновенно сработал. И едва решетчатая дверь оказалась приоткрытой, зверь выскочил на свободу и в тот же миг ринулся на меня. Леонардо мог прийти на помощь, но растерялся и с воплем ужаса бросился прочь. Я видела все своими глазами. Тут страшные клыки сомкнулись на моем лице. Попыталась руками оттолкнуть огромную окровавленную пасть и позвать на помощь, затем услышала, что наш лагерь пришел в движение. От горячего зловонного дыхания я почти лишилась чувств и уже не ощущала боли. Смутно помню нескольких подбежавших мужчин. Среди других там были Леонардо и Григс. Больше в моем сознании не сохранилось ничего, мистер Холмс. Долгие месяцы прошли в беспомысленности. Когда же наконец я пришла в себя и увидела в зеркале свое лицо... о ужас! Что со мной было! Я проклинала своего Короля за то, что он оставил мне жизнь. Хорошо, что я имела деньги

и могла позволить себе уединенную жизнь. словно раненое жалкое животное, я забила в нору, чтобы ждать своей смерти. Таков конец Эжени Рондер.

Несчастливая женщина завершила свой рассказ, и мы долго сидели молча. Потом Холмс протянул руку и ободряюще похлопал ее по плечу с выражением такого участия, которое я редко наблюдал у него.

— Сочувствую вам, — произнес он. — Судьба обошлась с вами жестоко. Что же стало потом с Леонардо?

— С тех пор я не видела с ним, но не осуждала его, потому что видела, во что превратил меня зверь. Я продолжала любить, хотя Леонардо, бросив меня в когтях зверя, затем покинул вообще. И все-таки я не могла отправить его на каторгу. Поверьте мне, мистер Холмс, вовсе не из страха наказания, грозившего мне самой. Разве есть что-нибудь более ужасное, чем существование, подобное моему?

— А теперь он мертв?

— Да, месяц назад утонул во время купания где-то возле Маргейта. Сообщение о его гибели я прочитала в газете.

— Куда делась его дубинка с пятью когтями? Именно она является самым необычным и неповторимым моментом во всей этой истории.

— Не могу сказать, мистер Холмс.

— Хорошо. Сейчас это не имеет особого значения. Дело уже закрыто.

— Да, — ответила женщина, — теперь дело закрыто наверняка.

Мы поднялись, чтобы уйти, но что-то в голосе женщины насторожило Холмса. Он поспешно повернулся к ней.

— Помните, миссис Рондер: жизнь, какой бы она ни была, прекрасна. Жизнь — это судьба, и от судьбы своей нельзя отречься.

— А кому она нужна, такая жизнь? Или судьба, как вы говорите.

— Образец терпения, с которым переносят страдания, — сам по себе полезный урок для нашего беспокойного мира, дорогая Эжени Рондер.

Ее реакция на эти слова оказалась просто страшной. Она подняла вуаль и кинулась к свету.

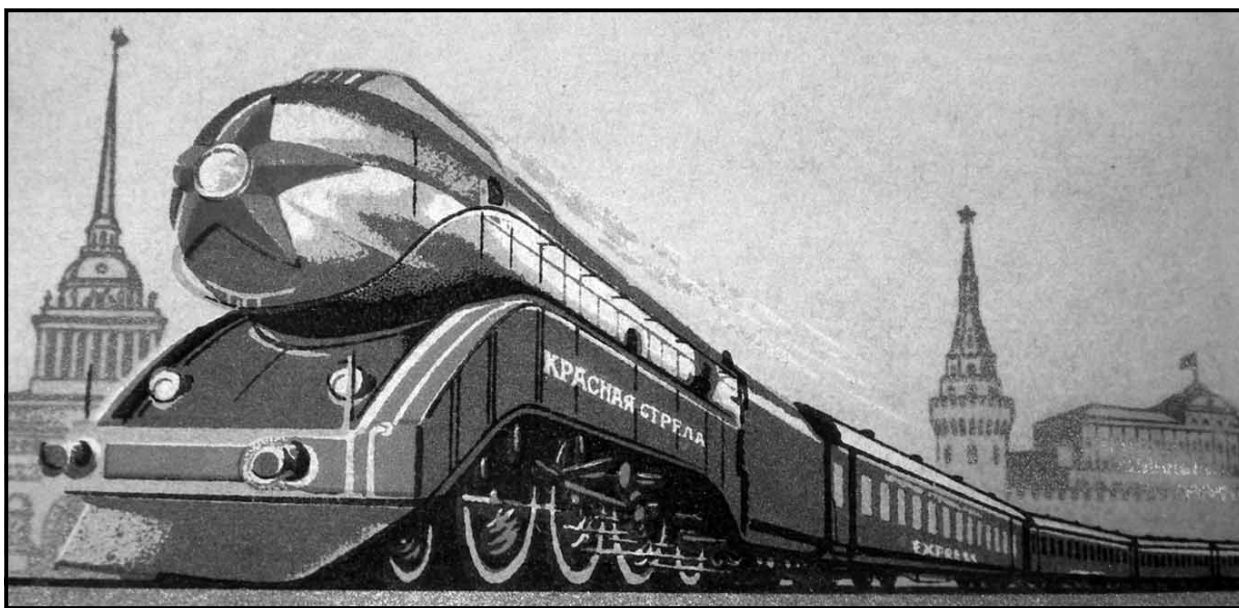
О, это было ужасно! Никакие слова не способны выразить то, что мы увидели. Прекрасные живые глаза загнанно глядели на нас, а мы видели лишь безобразные руины на ее некогда прекрасном лице.

Когда два дня спустя я зашел к своему другу, он с гордостью указал на небольшой пузырек на каминной полке. Я взял его в руки. Красивая этикетка, какие бывают на ядах. Открыв флакон, я почувствовал приятный миндальный запах.

— Синильная кислота, — определил я.

— Именно. Пришла по почте. Записка гласила: «*Посылаю Вам свое искушение. Последую Вашему совету*». Думаю, нам не составит труда угадать имя отправителя, Уотсон. □

ПОД СТУК КОЛЕС, СОЕДИНЯЯ СТОЛИЦЫ...

В наши дни, в век безумных скоростей всевозможных «Сапсанов», «Ласточек» и «Стрижей», поезд «Красная стрела», преодолевающий 650 км рельсового пути между златоглавой Первопрестольной и Северной Венецией за 8 часов, кому-то может показаться пережитком прошлого, этаким старомодным «тихоходом». Но это только на первый взгляд. Рожденный в СССР, первый фирменный поезд Страны Советов до сих пор востребован пассажирами: его путешественниками охотно становятся как соотечественники, так и иностранные туристы.

Почти девять десятилетий назад, в белую ночь с 9 на 10 июня 1931 года между Ленинградом и Москвой началось регулярное движение поезда

с поэтичным названием «Красная стрела». Обратимся к прессе тех лет. Как анонсировала главная газета железнодорожников «Гудок»:

«В 1 час 30 мин. ночи из Ленинграда на Москву отправится в первый рейс экспресс «Красная стрела». Расстояние между Ленинградом и Москвой экспресс покроеет в 9 ч. 45 мин. Средняя скорость экспресса — 70 км в час. На отдельных перегонах скорость дойдет до 100 км в час».

«Гудку» вторила и официальная «Правда»: «Страна охвачена энтузиазмом стройки, прекрасной и радостной жизни. Контурь завершеного здания социализма уже видны каждому. На трибуне товарищ Сталин и нарком путей сообщения Лазарь Каганович. Задание Сталина звучит так: между двумя столицами — старой и новой — должен курсировать экспресс, соответствующий высочайшим мировым стандартам».

Ожидания оправдались: для того времени почти 10 часов, затрачиваемые пассажирами на поездку из города трех революций в столицу первого в мире пролетарского государства, были очень хорошим показателем. К тому же поезд отличался пунктуальностью, в то время как большинство других составов похвастаться таким качеством не могли. Следует особо отметить, что в первом советском экспрессе был просто-таки невероятный для тех лет уровень сервиса: возможность выбора и заказа питания с доставкой в купе, интеллектуальных игр на любой вкус (шахматы, шашки) и даже ... телефонной связью на остановках. Пассажиры могли позвонить не только во многие города Советского Союза, но и связаться с евро-

пейскими столицами! А также отправить гораздо более популярную в те годы радиограмму практически в любую точку мира.

Выводя на рельсы столь роскошный поезд, его создатели рассчитывали произвести эффект и в известной мере пустить пыль в глаза не только и не столько обычным советским гражданам, сколь заезжим буржуям, приезжавшим в СССР поглазеть на достижения Страны Советов. «Красная стрела» был продуман таким образом, чтобы даже в мелочах сделать часы пребывания в нем для иностранцев (среди которых было немало дипломатов и предпринимателей, привыкших к европейскому уровню сервиса), максимально комфортным. Так, например, на вагонах название поезда, состоявшее из немислимых для европейцев букв кириллицы, бывших для них сродни китайской грамоте, первое время дублировала надпись на английском — «Red arrow».

В конце 30-х для «Красной стрелы» в подмосковной Коломне построили даже два опытных паровоза, внешний вид которых, с огромной красной звездой на серебристом сигарообразном обтекателе, даже в наши дни выглядит более чем футуристично, а в те далекие годы так и подавно делал их надолго врезающимися в память. Но главное, эти локомотивы развивали просто немислимую для тех лет скорость в 150–180 км/ч.

Свой знаменитый темно-красный цвет состав приобрел значительно

позже. Первоначально же вагоны первого в СССР фирменного поезда были выкрашены в темно-синий цвет (таким до начала Первой мировой войны по стандарту были в Европе вагоны первого класса), а свое название он получил за особую красоту внешнего вида и внутренней отделки. Никаких тебе плацкартных вагонов, только элегантные купе и роскошные «люксы». Идея покрасить состав в красный цвет уже после Великой Отечественной войны осенила Александра Иванова, руководившего одной из поездных бригад «Красной стрелы». В Наркомпути задумка была одобрена, и с начала 1960-х гг. раскраска вагонов цвета советского знамени стала отличительной, легко узнаваемой особенностью поезда-экспресса.

Выбор маршрута следования «Красной стрелы», конечно же, был неслучаен. Москва и Ленинград были и остаются двумя самыми большими, известными и знаковыми городами отечества. В СССР «Красная стрела» стала поездом-символом государства, его поступательного развития. А также знаком особого комфорта и даже шика, ведь советские граждане впервые могли прокатиться в двухместных вагонах СВ. Для этого в самой первой «Красной стреле» пришлось переделывать обычные четырехместные купе: верхние полки из них были убраны, а в освободившееся пространство добавили красивые светильники-бра и зеркала.

Бедной проводнице по ночам не спится

Довольно скоро «Красная стрела» стала ассоциироваться в обыденном сознании с советской партийной и государственной элитой, а также людьми творческих профессий, которым, по долгу службы или для вдохновения, необходимо было посетить одну из российских столиц. Естественно, что обслуживание в пути пассажиров подобных рейсов должно было проходить без сучка без задоринки, по самому что ни на есть высшему классу. А потому проводниками и проводницами на рейсы «Красной стрелы» в СССР отбирали только действительно лучших из лучших. Не только политически и морально устойчивых, но и умеющих крепко держать язык за зубами, ведь обслуживающий персонал этого поезда видел сильных мира сего лицом к лицу и поневоле становился свидетелем их маленьких житейских слабостей и привычек.

Впрочем, у поднакопивших денег отпускников, желавших посмотреть достопримечательности Москвы или Ленинграда, а то и обоих городов кряду, «Красная стрела», оптимально сочетавшая скорость, комфорт и стоимость, всегда пользовалась стабильным спросом. Благо в эпоху развитого социализма цены на билеты были фиксированы и доступны для многих. Как и в любом скором поезде, курсировавшем между двумя столицами, билет в купе состав-

лял 12 рублей, а в «люкс» — на три целковых больше. Увы, те времена безвозвратно канули в Лету.

Единственный перерыв в движении «Красной стрелы» был связан с Великой Отечественной: последний рейс прибыл в Ленинград утром 22 июня 1941 года. Чтобы сохранить до лучших времен раритетные составы, работники железной дороги надежно укрыли их от врага: один в здании бывшего «царского павильона» близ Обводного канала, а другой успели эвакуировать на железнодорожную станцию в Цирульск.

И эти лучшие времена вскоре настали. Не прошло и пары месяцев после полного снятия блокады города на Неве, как 20 марта 1944 года «Красная стрела» вновь отправилась в свой привычный рейс из Ленинграда в Москву.

В 1976 году у «Красной стрелы» появился двойник под незатейливым названием «Экспресс»: он от-

правлялся с той же платформы за минуту до полуночи, что дало записным острякам повод тут же окрестить перрон Московского вокзала «Проспектом Красных стрел». Однако вот уж как десять лет «Экспресс» поменял свою окраску, темно-вишневую, с кремоватым оконным поясом, в которой без труда угадывалась стилизация под «ту самую» «Красную стрелу», на темно-синюю.

Не лишним будет упомянуть, что к своему сегодняшнему временному «рекорду» в 8 часов «Красная стрела» пришла относительно недавно, в начале нынешнего столетия. Уменьшение времени в пути между российскими столицами происходило постепенно: модернизировались и электрифицировались пути, на смену паровозам на линию к концу 1962 года пришли более совершенные тепловозы и электровозы. Но главным фактором стала отмена промежуточных остановок: в Малой

Вишере, Окуловке и Калинин (нынешней Твери), что сразу позволило сократить время в пути до 8 с половиной часов. А с отменой последней промежуточной остановки в Бологом «Красная стрела» стала преодолевать 650 км стальных рельсовых дорог между Москвой и Санкт-Петербургом без остановок за стандартный рабочий день или, если быть уж совсем точным, за 8 часов и 1 минуту.

Живая легенда

В СССР поезд «Красная стрела» стал своего рода аналогом знаменитого в Европе «Восточного экспресса»: имя легенды железных дорог советской страны вышло за границы стальных рельс, превратившись в символ-бренд. Так называлась и посвященная поезду песня популярной певицы Софии Ротару и группы «Браво», и телевизионная передача, и художественный фильм, и кинокомпания, а также названные в честь первого советского фирменного состава многочисленные кафе, бары, гостиницы, имитирующие ради привлечения посетителей в своем

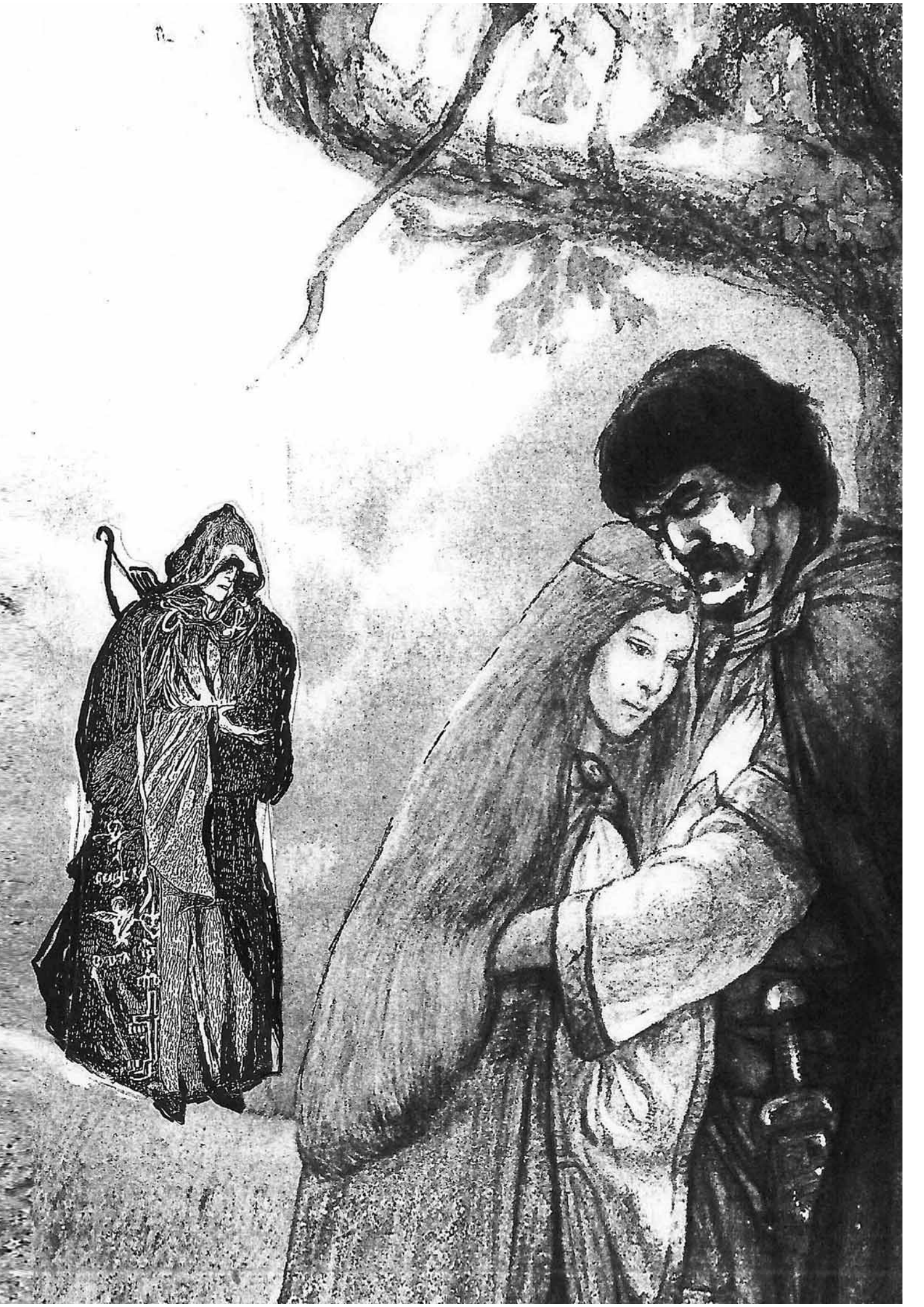
интерьере образ ставшей легендарной «Красной стрелы». В 1980-м, в год проведения в Советском Союзе Олимпиады, именно в составе «Красной стрелы» из Москвы в Ленинград был доставлен олимпийский огонь.

Многочисленные известные и не очень поэты посвящали поезду-легенде и связанным с ним неизбежным встречам-расставаниям свои стихотворные вирши. Вспомним хотя бы классика советской поэзии Михаила Дудина с его «Письмом из «Красной стрелы»», или сонет Павла Антокольского, в котором поезд становится местом лирических раздумий-переживаний главного героя:

*Легко скользнула «Красная стрела»
С перрона Ленинградского вокзала.
И снова нас обоих ночь связала,
И развернула смутных два крыла.*

Вторит им и современный поэт Николай Волков:

*Исчезла «Красная стрела»
Средь звездной пыли,
Оставив в памяти лишь мне,
Как мы любили...*

Время Лучника

Выйдя на крыльцо терема, княжна Юнислава вдохнула сырой, сладковатый послерассветный воздух. Подняла голову и посмотрела на серые лохматые тучи.

— Простудишься, княжна, — пробасил за ее спиной начальник стражи — Стоян Черноус.

— Ой, да брось ты ворчать! Погляди вокруг — как хорошо!..

Стоян — хотя и в возрасте, но рослый и крепкий, словно дуб, с длинными усами — последовал совету княжны и углядел то, чего человек простой и не заметил бы — в кустах напротив крыльца кто-то копошился...

— Назад! — крикнул он, хватая Юниславу своими лапищами и втягивая в терем. А миг спустя в воздухе пронеслось что-то, гудя, будто шмель, и вонзилось в оконный наличник — почти в то место, где только что была голова княжны.

— Что... Что это значит, Стоян?.. — в испуге спросила хозяйка терема.

— Это значит, госпожа, что кто-то пытался тебя убить...

— Серьезное дело... — пробормотал Зенон, вертя в руках толстую стрелу с иссиня-черным оперением. — Надо бы гонца послать в городище, а, дядька Стоян? Велемудра оповестить, да людей попросить на подмогу.

Зенон был помощником и учеником Черноуса, его правой рукой. Более искусного молодого воина в рядах княжеской стражи было не сыскать.

— Гонца я, конечно, пошлю, — согласился Стоян, поглаживая свои черные как смоль усы. — Да, и вот еще что... К ведьме сходить надо, к Лесохранительнице.

— А это еще зачем? — не понял Зенон.

— Она лес хорошо знает. Может, видела чего, а может... картинки ее что подскажут заморские. Вот вместе княжну и отведем.

— Опасно это.

— Знаю, Зенон, — вздохнул главный страж. — Однако врага выявить надо. А иначе... Иначе впотьмах так и будем бродить...

Старуха-Лесохранительница жила неподалеку от терема княжны, за Большими Оврагами, в покосившейся бревенчатой избе, под сенью вековых деревьев.

Княжна, осторожно приподняв подол платья, переступила порог ведьминога жилища и сразу же сморщила нос от неприятного запаха — старуха, как всегда, варила какое-то зелье в своем издавшем виды котле.

Повсюду с потолка свисали пучки пожухлой травы, на грубо сколоченном столе теснились какие-то горшки, миски, обглоданные кости...

— Привет тебе, Лесохранительница! — громко поздоровался Стоян Черноус. Он вошел первым и теперь рыскал глазами по избе, пытаясь отыскать ее хозяйку.

В углу зашевелилась куча старого тряпья.

— Да тише ты! — змеею прошипела старуха. — Всех моих дорогих... распугаешь. Лес тишину любит. С чем пожаловали, гости незваные?

Только теперь, в полутьме, Юнислава разглядела и саму Лесохранительницу — седую, сгорбленную, непонятно во что одетую.

— С просьбой мы, — сказал Стоян. — Раскинь-ка картинки свои заморские, да посмотри, кто и что угрожает княжне нашей. Есть ли враг у нее, и если есть — кто он?

— Хм! Экий ты быстрый! — проскрипела ведьма, подходя к столу и беря что-то в свои трясущиеся руки со скрюченными пальцами. «Что-то» оказалось жабой — противной на вид, как жабам и положено, с выпученными глазами. — Картинки ему раскинь! А поговорить, а посудачить, а про лесное житье-бытье мое тяжкое расспросить?.. А?

Понятливо усмехнувшись, Черноус выложил на стол тощий холщовый мешочек. Тут же потеряв к жабе всякий интерес, старуха с жадностью схватила подношение и принялась развязывать узелки.

— Хм! Серебро... — недовольно буркнула она. — Неужто же казна княжеская так отощала, что...

— Укороти язык, ведьма! — сверкнул очами начальник стражи. — Ежели толковое что скажешь — будет тебе и золото. А пока не мешкай — времени у нас мало!

В этот момент скрипнула дверь за спиной у гостей, и Стоян с Зеноном одновременно повернулись, хватаясь за мечи. В избу просунулся рыжий, патлатый парень с узким, вытянутым лицом, напоминающим лису.

— Да эт Карнаух! — махнула рукою старуха. — Тутошний он. По хозяйству мне помогает. Дров наколоть, воды из ручья натаскать... на голову малость хворый, а так — ничего...

Парень странновато ухмыльнулся и, просочившись мимо ведьминых гостей, стал рыться в куче тряпья, сваленной в углу избы.

— Ты давай, ступай отседова! — беззлобно прикрикнула на него Лесохранительница. — Не мешай нам!

Парня словно ветром сдуло. Старуха же достала откуда-то колоду «картинок», о которых говорил Стоян, и смела со стола мусор, освобождая место. Затем разложила их в круг, тыльной стороною вверх.

— Давай княжна, тyani карту, да мне подай. Судьба твоя, тебе и выбирать.

Юнислава протянула руку и достала одну из карт. Подала ее ведьме.

— О-о, вон оно што! Ох, чуюло мое сердце, чуюло!.. — Карта исчезла в складках ведьминой одежды. — А ну-ка, княжна, тyani еще! Вторую карту!

Юнислава послушно выбрала следующую «картинку», и старуха, тут же выхватив ее из руки гостыи, снова принялась причитать:

— Время Лучника пришло! Лучник вернулся!!

— Что еще за Лучник? — грозно спросил Стоян, хмуря густые брови.

— Лучник... — Старуха устало опустила на некое подобие стула. — Лучник... Тот, кто убивает. Дух отмщения! И не уймется он, пока не получит свое! А еще звезда восходит. Опасная звезда...

Юнислава почувствовала, как у нее закружилась голова. Стоян и Зенон едва успели подхватить ее под руки и усадить на скамью.

— Чего ты болтаешь, старуха! — зарычал на ведьму Стоян. — Пошто пугаешь княжну?!

— Это карты. А карты волшебные — не врут! Вот и весь мой сказ...

— Ну, хорошо. А как справиться с Лучником этим? Как одолеть его? — решил спросить Зенон.

— А никак! — каркнула старуха. — Дух — он и есть дух! Вот насытится кровью — тогда и сам сгинет...

— Помню, батюшка мне про того Лучника-то рассказывал. Старая это легенда. А может, и не легенда вовсе...

Юнислава лежала в постели, слушая тягучую речь своей подружки Валерии, которая сидела у изголовья с рукоделием.

— Лучник всегда в плаще ходил и капюшоном-то лицо закрывал. Да-а... Мно-ого с той поры воды утекло... Прибыл-то из-за моря дальнего и по-нашему-то не говорил почти... Прапрадед твой, княжна, нанял этого Лучника — ну, для войны с соседями. А уж после войны решил его... того... Ну, не платить ему вовсе. Лучник осерчал, да и бросился на свово господина.

А прапрадед твой повелел его казнить. Да-а... С того дня-то и бродит дух неупокоенный по лесам...

— Почему... Почему я ничего про ту легенду не знала? — слабым голосом прошептала княжна.

— Так это... Скрывали от тебя. Пугать не хотели... — ответила Валерия.

— А теперь я что — умереть должна за грехи своего... прапрадеда? Глупость какая!..

— Ну, глупость не глупость, княжна, а дело тут такое... Непростое. Семейное. Да-а...

В лесной терем княжна Юнислава навевывалась нечасто, раз или два в году. Тут, в тишине и покое, наслаждалась она дивной природой, размышляла о том, что ждет ее в будущем. После смерти ее отца, князя Северина, власть над его наделами перешла к родному дяде княжны, воеводе Велимудру. Он должен был править до совершеннолетия Юниславы и затем передать ей княжеский скипетр...

Рано поутру она, как всегда, вышла на крыльцо. Конечно, после вчерашней стрелы, пущенной в княжну, Стоян запретил ей это делать, но... воздух! Он так и звенел, и кололся холодом, и не вдохнуть его полной грудью перед началом долгого дня было невозможно...

Во дворе Юнислава увидела Зенона: раздетый по пояс, он упражнялся в стрельбе из лука. Повертев в пальцах очередную стрелу, он натянул тетиву, прицелился и послал смертоносного гонца точно в цель — в центр деревянного круга, который был укреплен шагах в двадцати от стрелка.

Княжна невольно залюбовалась Зеноном — его золотистыми распущенными волосами, покрывавшими плечи, мощным телом, длинными, сильными руками...

Гоня от себя непрощенные мысли, нырнула она обратно в дом. В тереме с нею жили всего шестеро — Стоян Черноус с Зеноном, еще один стражник Шитик, гонец на посылках Ермил, да две подружки — Валерия и Марьяна. Шитик, к тому же, был еще и поваром, и лекарем. В сравнении со Стояном или Зеноном боец он, конечно, никудышный, зато всегда мог рассмешить, да и хозяйство терема было почти полностью на нем.

Вот и сейчас он попался княжне у лестницы, когда она шла к себе в комнату.

— Утро доброе, госпожа, — улыбнулся Шитик.

— И тебе — доброе утро, — рассеянно ответила Юнислава.

— Как спалось, госпожа?

— Спасибо, Шитик. Вроде нормально.

— Дожди скоро начнутся. А Лучник-то в дожди аккурат и приходит... Юнислава вздрогнула. Опять этот Лучник!..

— Кто тебе наболтал про это? Валерия, небось?.. — Она почувствовала, как в груди ее подымается гнев, и прикрикнула на Шитика: — Иди, займись чем-нибудь! Слоняется тут спозаранку, несет невесть что!..

Шитик поспешно убрался. А Юнислава пошла дальше вверх по скрипучим ступеням. Войдя к себе, сразу же распахнула окно... и замерла от удивления. Марьяна на заднем дворе стреляла из лука по мишени — так же, как перед домом делал это Зенон. На девушке была надета кожаная куртка и такие же штаны, а вот лук был, конечно же, поменьше и легче, чем у Зенона. Но стрелы аккуратно раз за разом ложились в цель.

Подняв голову и завидев княжну, Марьяна приветливо помахала ей рукой.

«Это кто ж ее приохотил-то?» — подумала княжна. И сразу же вспомнилось, что Шитик на Марьяну заглядывается, — может, он?..

Осторожный стук в дверь вывел Юниславу из раздумий. Она открыла, уверенная, что это заботливая Валерия принесла ей завтрак. Но на пороге стоял Зенон.

— Прости, княжна... Разреши мне еще разок до ведьмы сходить.

— До ведьмы? Зачем? — удивилась Юнислава.

— Да, понимаешь... Показалось мне — скрывает она что-то. Недоговаривает... Да и потом... Карту с Лучником ты дважды вытянула — не подозрительно разве? А скажи — сама ты картинку видала? Нет! Старуха-то сразу ее у тебя выхватила. И про звезду какую-то речь вела... Не нравится мне все это.

— Ну, сходи. Шитика вон с собой возьми — опасно в лесу...

— Да нет, я как-нибудь... Один.

— Как знаешь.

Спустившись с крыльца, княжна увидела Стояна Черноуса, который, сидя на лавке, чистил свой меч. Начальник стражи вскочил и поклоном приветствовал хозяйку.

— Скажи, Стоян... А ты ведь из лука стрелять умеешь?

— Конечно, госпожа. Как же без этого...

— Я погляжу, у нас тут все... мастера. И Зенон, и ты, и Шитик. Да и Марьяна... Не знаешь, кто ее луком владеть обучил?

— Шитик? М-м-м... Ну, он-то как раз лучник так себе... А вот Зенон... Он — да, он многому у меня научился, — не без гордости произнес Стоян. — Кто Марьянин наставник — сказать не берусь. Не я — это точно. И вообще, не женское это дело — с луком-то...

Зенон вернулся к обеду. Он был мрачен и как-то по-особенному задумчив. Юнислава повела его наверх, в свою комнату.

— Ну, рассказывай. Что там с ведьмой?

— Убили Лесохранительницу, — выдал Зенон, отводя взгляд.

— Убили?! Кто ж ее убил? — воскликнула Юнислава.

— Да если б знать, госпожа... Лучник, наверное, кто ж еще?..

— Лучник... Ты его видел? — закрыв лицо руками, прошептала княжна.

— Нет, госпожа. Но ведьму-то стрелой убили. В спину. Я ее на тропинке нашел. Мыслю, сюда шла, к терему.

— Сюда? Зачем?

— Не ведаю, госпожа. Да только вот... — Зенон полез за пазуху и достал две «картинки», из тех, что им показывала Лесохранительница.

— Гляди, княжна! Вот он — Лучник. А это вот — другая карта.

Юнислава принялась внимательно рассматривать их. На одной был изображен человек в черном одеянии — капюшон и плащ до пят, он натягивал огромный лук. Лица нельзя было увидеть из-за капюшона. А на второй картинке...

— Что это такое, Зенон? Змей в короне? Звезда?

Огромный гад с зеленой чешуей и красной разверстой пастью нес на голове золотистый венец. А над ним сияла-переливалась пятиконечная звезда. Картинка пугала...

— Знакомое что-то... — Княжна прикрыла глаза, силясь вспомнить. — Где ты взял их?

— У ведьмы нашел, в одежде ее...

— И что ты с нею сделал? С мертвой-то?

— Ничего, там лежать оставил. Скажу потом Шитику, чтобы похоронил...

Юнислава рассеянно кивнула, не выпуская из рук карты, отошла к окну и вдруг воскликнула:

— Вспомнила! Я вспомнила... Змей под звездой — это родовой знак боярина Братибора! Того самого, что ко мне прошлой зимою сватался.

— Как же — помню, — сказал Стоян Черноус, поглаживая свою растительность на лице. — Славный воин этот наш сосед. В четыре сабли мы с ним бились — ну, понарошку, конечно, — так он меня два раза одолел. Помню...

Юнислава тоже припомнила тот приезд боярина Братибора, который, мечтая объединить владения — свои и отца Юниславы, — попросил у Велимудра руки его племянницы. Но княжна тогда уперлась — нет, и все! Не люб оказалась ей заезжий жених, хотя он и вправду явил свое мастерство, когда они со Стояном, раздетые по пояс, сражались на площади у крепостной стены — без щитов, имея в каждой руке по кривой затупленной сабле.

— Шрам у него через все лицо... — с отвращением припомнила Юнислава.

— Шрам? Ну да, шрам... — подтвердил Стоян. — Так это ж знак доблести воинской. Боярин-то вон сколько битв-то прошел. Не каждому дано.

— А из лука стрелять он умеет? — спросила вдруг княжна.

— Ну а как же? И конным, и пешим воюет. Равных ему мало...

— Может, он Лучника подослал?

— Лучника? Да нет, княжна. Боярин таким делом заниматься не станет. Лучник — это дух смерти и мщения. Отродье темное...

— Отродье, говоришь? А ну-ка, покажи стрелу, которую давеча в меня выпустили.

Стоян вздохнул и, поднявшись, направился к себе в покои. Вскоре он вернулся, неся в руках ту самую стрелу.

— Изволь, госпожа, — вот она.

Юнислава с некоторой опаской взяла в руки длинную, тяжелую стрелу с большим черным наконечником и черным же оперением.

— Дух мщения, значит... А стрела-то — вот она. Потрогать ее можно. Где такие стрелы делают, не знаешь?

— Оружейников хороших сейчас много, — пожал плечами Стоян.

— Ладно... Стрелу я пока у себя оставлю.

— Как пожелаешь, княжна, — склонил голову Черноус.

Разговор их прервался появлением гонца, который был отправлен в городище, к правителю Велимудру. Парень стоял в дверях, запыхавшись, не в силах произнести ни слова.

— Говори, чего молчишь? — подстегнул его Стоян.

— Там... Это... Помер воевода Велимудр...

— Что-о?! — Начальник стражи вскочил со скамьи, хватаясь за рукоять своего меча.

— Отравился на пиру. А может, отравил кто... — переводя дух, вымолвил Ермил.

— Мне нужно возвращаться в городище, — решительно поднялась из-за стола княжна.

— Нельзя, госпожа. А вдруг заговор это? Через лес ведь ехать... Вдруг там засада ждет?

— Предлагаешь что?

— Обождать, — проговорил Черноус. — Нам с Зеноном дорогу разведать надобно. Шитик при вас останется. Да и Ермил вот...

Гонец с готовностью вытянулся перед начальником стражи. В этот миг за окном раздался странный звук — щ-щух! — и что-то большое пролетело мимо, падая вниз.

— Не подходи к окну, госпожа! — крикнул Стоян, выбегая из терема.

Тут же раздался его зычный голос со двора:

— Зенон, где ты?! Зенон!!

Шитик лежал лицом вверх на траве, стрела пробила ему горло.

— Зачем он на крышу-то полез? — внезапно осипшим голосом спросила княжна.

— Я ему велел, — ответил Зенон. — Чтоб вокруг посматривал — мало ли...

Первые капли дождя упали на землю. Княжна стояла, будто изваяние, не в силах оторвать взгляд от мертвого тела. Затем покачнулась... услышала глухой вскрик Зенона, который метнулся, чтобы подхватить ее... и свет померк перед глазами...

— ...А уж потом-то, когда Зенон с дядькой Стояном Шитика-то схоронили, ливень по новой и пошел. И уж день все идет и идет. Да-а...

Княжна не сразу сообразила, что лежит в своих покоях, на широкой кровати, и что Валерия, как обычно, бормочет и бормочет о чем-то, не слишком заботясь, слушают ее или нет.

— Что это, Валерия? Этот звук... — слабо произнесла хозяйка терема.

— Так это... Ливень и есть. Да ниче, Стоян говорит, скоро уж кончится. Он все хотел поговорить с тобою, княжна. А ты все спала да спала. А лекаря-то нету, раз Шитика порешили... Хорошо, хоть сама очнулась. Да-а... Так я схожу за ним? Заодно и отварчику тебе принесу целебного.

Отхлебнув темноватого пойла из деревянного кубка, Юнислава откинулась на подушки и приготовилась слушать Стояна. Валерия благоразумно выскользнула из ее покоев, княжна и ее главный страж остались наедине.

— Это я виноват. Мой промах, госпожа, — глухим голосом начал Черноус.

— Ты это о чем, Стоян?

— Об ученике моем. О Зеноне...

— Зенон? А что Зенон? Он ведь вроде... Что с ним такое?

— А то... — покашляв в кулак, ответил Черноус, — что и не Зенон он вовсе...

Юнислава, преодолевая слабость, приподнялась на постели:

— Что ты говоришь такое? Никак в толк не возьму.

— Зато я все понял. Правда, поздно... Зовут его Горегляд, он — сын колдуна Янича. Того самого...

— Колдуна? — насупила брови княжна. — Это которого отец мой казнить велел за измену? Я тогда маленькой была, плохо помню... А у него что, сын был?

— Был... — вздохнул старый воин. — От служанки княжеской, которая в покоях твоего батюшки убиралась. Пожалел я тогда мальчонку. Имя ему другое дал, и к родне своей отправил, подальше от князя. Ну а как вырос — обучил его мастерству воинскому да к тебе приставил.

— И ты думаешь, что...

— А чего тут думать, княжна? Когда в тебя стреляли — я-то рядом был, а он — нет. Когда ведьму лесную убили — опять он в отлучке оказался. Да и в Шитика из кустов мог стрелять. Видать, рассказали ему, кто он да откуда. Вот и решил отомстить...

— Постой-постой... — Юнислава провела по лицу ладонью, словно бы отгоняя наваждение. — Марьяна, подружка моя, — она ведь тоже могла — ну, из лука?..

— Марьяна-то? — недобро усмехнулся Черноус. — Ну, в шишку сосновую шагов с десяти, может, и попадет. Но в человека, который по крыше гуляет, снизу вверх, в кадык самый... А и в тебя бы стрела тогда угодила, если б не поспел я тогда... От ближайших кустов сколько до терема? Шагов тридцать или поболее? Вот и думай...

— Выходит, он наш Лучник и есть? Так что ж делать, если он... Если он — изменник?

— Пока — ничего. Вот как ливень прекратит — так в городище вернемся. Там я его и арестую. А ты, княжна, ни слова ему не говори о том, что от меня услышала. Ни под каким видом, лады?

Ночью Юниславу разбудил раскат грома. Княжна с детства побаивалась грозы, но никому в том не признавалась. Какая-то неведомая сила подняла ее с постели и повлекла из покоев в коридор. Молнии сверкали так, что порой терем освещался изнутри, будто днем.

Голова кружилась по-страшному... Юнислава, пошатываясь и держась за стену, медленно двинулась вдоль коридора. Ливень нещадно колотил по крыше.

«Куда это я?» — подумала княжна и вдруг услышала какие-то странные звуки, доносившиеся из Марьяниной комнаты. Сделав еще сколько-то шагов, она оказалась перед слегка прикрытой дверью... и заглянула в щелку. Громовой раскат опять потряс небеса, и яркая вспышка на миг осветила комнату подружки...

Придя в ужас от только что увиденного, Юнислава побежала прочь по коридору, но ноги ее не слушались.

— Быть того не может!.. Лучник!.. — дрожащим голосом шептала княжна.

Кое-как добравшись до своих покоев и заперев дверь на засов, она забралась под одеяло.

А гром все громыхал...

Пробуждение не принесло облегчения. Сразу возникла перед глазами ночная картинка: черная фигура в капюшоне стоит спиной к двери у стены

комнаты, вцепившись мертвой хваткой в Марьяну — с задранной вверх ночной рубашкой, с раскинутыми ногами и распущенными волосами.

— Душил он ее, что ли? — пробормотала Юнислава. И тут же, поняв все, аж содрогнулась. — Зенон?.. Но это невозможно... Я ведь... — Она попыталась встать, но силы покинули ее.

Вдруг в дверь кто-то постучал — осторожно, с почтением.

— Кто там? — испуганно вскрикнула княжна.

Порог ее покоев переступил Зенон, и — наткнулся на настороженный взгляд своей госпожи.

— Ливень перестал... Я хочу в лес наведаться, княжна. Если ты позволишь...

— Зачем? — быстро спросила Юнислава, не сводя с него глаз и натягивая одеяло до самого подбородка.

— Лучника выследить хочу. Не дают мне покоя эти ведьмины карты...

— Карты? Какие карты?

За событиями последних дней княжна совсем позабыла о «картинках» Лесохранительницы.

— Змей под звездой и Лучник. Ведьму на тропе убили. Значит, в терем шла, поведать хотела о чем-то. Может, признаться, что ее подкупили? Заставили рассказать тебе эту легенду про Лучника? Больно уж сходится все...

— Что — все?! — резко присела на постели княжна. — Ответь мне лучше, Зенон, кто, по-твоему, в меня стрелял? А в ведьму, а в Шитика — кто?! Стоян-то все время со мною был, не мог он. А, кроме него, кто еще луком так владеет?.. А? А с Марьяной кто прошлой ночью?.. — Юнислава запнулась, поняв, что сказала лишнее.

— Так ты что же, княжна — думаешь, я это?.. — побледнел Зенон. — И дядю твоего — я?..

— Нет. Дядю — не ты. Но у тебя ведь и подельники могут быть...

— Постой, княжна! погоди... — нервно сглотнул Зенон. — Знаю — все против меня. Но не я это, поверь. Я... Ради тебя — жизни не пожалею! Прикажи — изловлю того Лучника! Слово даю!

— И как ты его ловить-то собрался?

— А это уж мое дело.

В покои княжны робко заглянула Валерия с деревянным кубком в руках.

— Утро доброе, госпожа! Я вот отвару принесла... Выпей — враз тебе полегчает. А то вчерась вон как нас напугала-то. Да-а... — Девушка шагнула к кровати, и тут же ей на плечо легла крепкая ладонь.

— А ну, стой, змея!..

Валерия опешила, уронила кубок. Зенон, не мешкая, обеими руками схватился сзади за ворот ее платья и рванул, что есть силы, вниз. Ткань

затрещала, Валерия заорала во весь голос. Он быстро развернул ее к себе лицом и, крепко сдавив локти, произнес:

— Вот, гляди, княжна!

Юнислава присмотрелась... и отпрянула: на спине девушки виднелось круглое клеймо — свернувшийся кольцом змей в короне и с высунутым раздвоенным языком. И над змеем была звезда...

— Вот так боярин Братибор метит слуг своих верных! — с ненавистью процедил Зенон, швыряя плачущую Валерию на пол.

От изумления Юнислава не в силах была вымолвить ни слова.

— А плохо тебе, княжна, было как раз из-за отвара ее. У-у, ведьма поганая! — Зенон замахнулся, и девушка съежилась, ожидая удара. — Да не боись... Руки еще марасть об тебя...

— Но... Валерия ведь не... Лучник? — тихо спросила княжна.

— Она-то? — брезгливо сморщился Зенон. — Знамо дело, нет. Тут страшнее змей ползает... Вот его-то я и хочу придушить, пока не поздно. Так что, княжна, в лес меня отпустишь?

— А как же... я? — одними губами прошелестела бледная от страха Юнислава.

— Пока не будет меня — Ермил у твоих покоев постережет. Вот тебе нож мой. — Зенон отстегнул от пояса свой охотничий клинок и отдал госпоже. — Не отпирай дверь никому, даже Стояну. Поняла? К окнам не подходи. А я скоро... Ну, что разлеглась, змеица? — прикрикнул он на Валерию. — Вставай, да вали отседова! Если что с княжной сделаете — лично тебе шею сверну!

...Он меня слышит. Он вообще все и всегда слышит — на то он и Лучник. Я хоронюсь за деревьями — нельзя ему дать прицелиться.

Мягко шаг его, но я тоже чую врага... и вижу мелькающий среди кустов черный капюшон.

Я бросаюсь вперед, меч мой зажат в руке... Но он успевает выстрелить. Боль пронзает плечо. Я рычу, будто раненый зверь, и выдерживаю стрелу. Ничего. Я смогу держать меч и в левой руке...

Зенон вышел из лесу, левая рука его была опущена и сжимала окровавленный меч.

Стоян Черноус вышел из терема ему навстречу.

— Ты уж прости, Стоян, — заговорил Зенон, не глядя в глаза своему учителю. — Ты меня вырастил, воспитал... А я вот... Сына твоего... Карнаух был храбрым воином. И лучником отменным. Я таких и не встречал. Но вот на мечах — извини...

Долго молчал Стоян Черноус. Затем стянул с себя кожаную куртку, бросил ее наземь, легко, одним движением, высвободил из ножен свой меч.

— Не могу я оставить тебя в живых, Горегляд. Рад бы, да не могу. Все так срослось неудачно...

— Твоя правда, Стоян. Любил и почитал я тебя как отца родного. Но чтобы против княжны нашей... Где носишь ты клеймо Братибора? На спине, как Валерия? Али на плече, как Лесохранительница, которую убил твой сын?

— А мне клеймо без надобности. Мы с Братибором выросли вместе, и отец мой служил его отцу. А потом... Повздорили по глупости, вот и оказался я в услужении у Северина. Но дружба наша крепче стали оказалась. Карнауха я младенцем к боярину отправил, на обучение. Валерию, племянку мою, к княжне пристроил... И если б госпожа приняла руку и сердце боярина — не понадобилось бы крови этой совсем...

— Так, значит, и отца княжны вы извели? Северина, потом — брата его? — наливаясь гневом, спросил Зенон. — А меня зачем пригрел? Тоже для мести своей будущей?..

— Это не месть. Братибор правителем рожден, он не то, что эти... Одни пиры на уме, да охота. Он бы земли их под руку взял, да потом еще и еще... Глядишь, стал бы величайшим из сильных... Ну, да он еще станет!

— Вот ради чего ты сына родного не пожалел! — воскликнул Зенон.

— Не тебе меня судить!.. — сверкнул очами Черноус. — Защищайся или умри!..

Стоян занес меч, но Зенон успел отпрянуть, и тяжелый клинок рассек воздух.

Началась схватка достойных... Зенон мог держать меч лишь левой рукой, тогда как Стоян сжимал рукоять обеими ладонями, и потому молодому стражу княжны приходилось труднее.

Юнислава следила за схваткой из окна и видела, что Черноус одолевает...

Стоян не спешил, зная, что у его воспитанника скоро иссякнут силы. Его меч искал прорехи в защите противника, но пока не находил их. Зенон же об атаке и не помышлял — отступая, он пытался утомить того, кто чуть ли не вдвое превосходил его по летам.

Наконец Черноус исхитрился нанести удар сбоку, который Зенон отразил с немалым трудом. От следующего выпада Зенону тоже посчастливилось уйти, но, пятась, он споткнулся о какую-то кочку или камень и повалился спиной наземь. Стоян издал торжествующий рык, крутанул меч клинком вниз, чтобы пригвоздить врага к земле последним ударом... И внезапно замер на миг-другой, выронил свой меч... Затем рухнул на колени и с последним вздохом ткнулся лицом в густую траву, и Зенон увидел торчащую меж его лопаток стрелу, а шагах в пятнадцать — Юниславу, которая медленно опускала лук...

— Это будет нашей тайной...

— Да нет же, дурачок. Теперь я — повелительница. И в мужья себе могу выбрать кого угодно.

Мы лежим на широкой постели, а ливень... Ливень опять хлещет по крыше, по верхушкам деревьев. И грохочет где-то вдалеке гром.

— Скажи — а как ты догадался... Ну, про Валерию? Что она поит меня отваром из дурных трав?

— Обмороки твои, княжна. Не понравились они мне. Да и то, что дурочкой она прикидывалась... Насчет Карнауха вот трудней было. Стоян да Шитик в тереме были все время — значит, кто Лесохранительницу порешил? Он, Карнаух. А за что? За то, что решилась она правду тебе рассказать. Объяснить про Лучника да Змея. Легенда легендой, да карт-то ты не видала в тот раз, она сразу причитать начала, вот я и подумал — а не подучил ли кто ее? Убивать-то тебя им незачем было. Напугать — да. Чтобы ты сама решила руку да сердце Братибора принять, земли свои отдать ему под защиту. А вот кто дядю твоего Велимудра извел — это мы еще выяснять будем. Валерия, думаю, поможет. Я ее пока в подвале запер, да Ермилу велел сторожить. Раскаивается, похоже, змея подколотая... Мазь вон дала мне какую-то из запасов Шитика, плечо не болит почти уж...

— А Марьяна?

— А что Марьяна? Ну, была она любовницей Карнауха. Но супротив тебя не злоумышляла. Хотя он ее, как видно, луком владеть обучал. Так, на всякий случай. А лук ее, видишь, жизнь мне спас...

— А про то, что... Что Карнаух — Стоянов сын?..

— Ах, это... Это он сам мне признался, когда я настиг его в лесу да мечом ранил. Умирал он, да бормотать стал в беспмятстве: «Отцу передай... Я верен остался»... Такое что-то.

— Жаль его...

— Жаль?.. Княжна, да ведь они... Батюшку твоего родного извели, да и дядю... И Шитика. Тебя послушной куклою Братибора сделать хотели.

— Знаю, Зенон. И все же...

Молчит княжна. Замерла в моих объятьях. И уже на рассвете шепчет:

— А ведь я думала, что ты это... Ты — изменник. Как Стоян мне про отца твоего поведал... Про колдуна Янича.

— Я давно про то знал. Стоян и не скрывал никогда. Ну и что? Не помню я того отца. Да и мать не помню. Он, Стоян, меня воспитывал. Рад я все же, что не от моей руки он погиб...

Ливень стихает. Занимается новое утро. Новый день...

Кончилось время Змея звездного. Кончилось время Лучника... ▢

Алексей Борычев

КАЧАЮТСЯ ВЕТКИ...

Качаются ветки. Леса убегают
Листовою осенней на север, на север...
По солнечной сказке ступает нагая
Брусничная осень, печали посеяв
Лучами на нитях седых паутинок,
Ознобом осин под свистящие звуки
И рябью озер, беспокойством утиным,
Законами скучной осенней науки...
И движется поезд товарного неба
До станции «яркое снежное утро».
Так жалко чего-то!..
Так странно, так немо
Стекают дождями земные минуты!
И время, оно, будто капля на ветке,
Блестит неярко, блестит прощально...
И рыбой туманной в березовой сетке
Запуталось солнце, легко и печально

ЦВЕТЫ ОСЕННИХ ДНЕЙ...

Цветы осенних дней в тоске моей цветут.
Цветы осенних дней печалью поливаю.
Как тих и молчалив страстей моих приют!
В нем бабочка весны едва-едва живая.

ВЕСЫ ЛЕСОВ

Весы лесов. А на весах, Как тень и свет, тоска в слезах. Стоит в березовой волне, Как звук отчаянья в струне. И вес тоски лесной моей Сгибает руки властных дней, Что тихо в том лесу бредут... И там и тут, и там, и тут Перекликаются они, Мои березовые дни, Смыкая кольца пустоты, Немногословны и просты.	Какая тягость в голосах! Какая тяжесть на весах! И прогибаются весы, И ускоряются часы, Бегут вприпрыжку времена Туда, где темь и тишина, Где не сойти тоске лесов С лесами созданных весов, Где петли темени везде Натянуты в ночи, и где На мрака шелковую тень Подвешен будет каждый день.
---	--

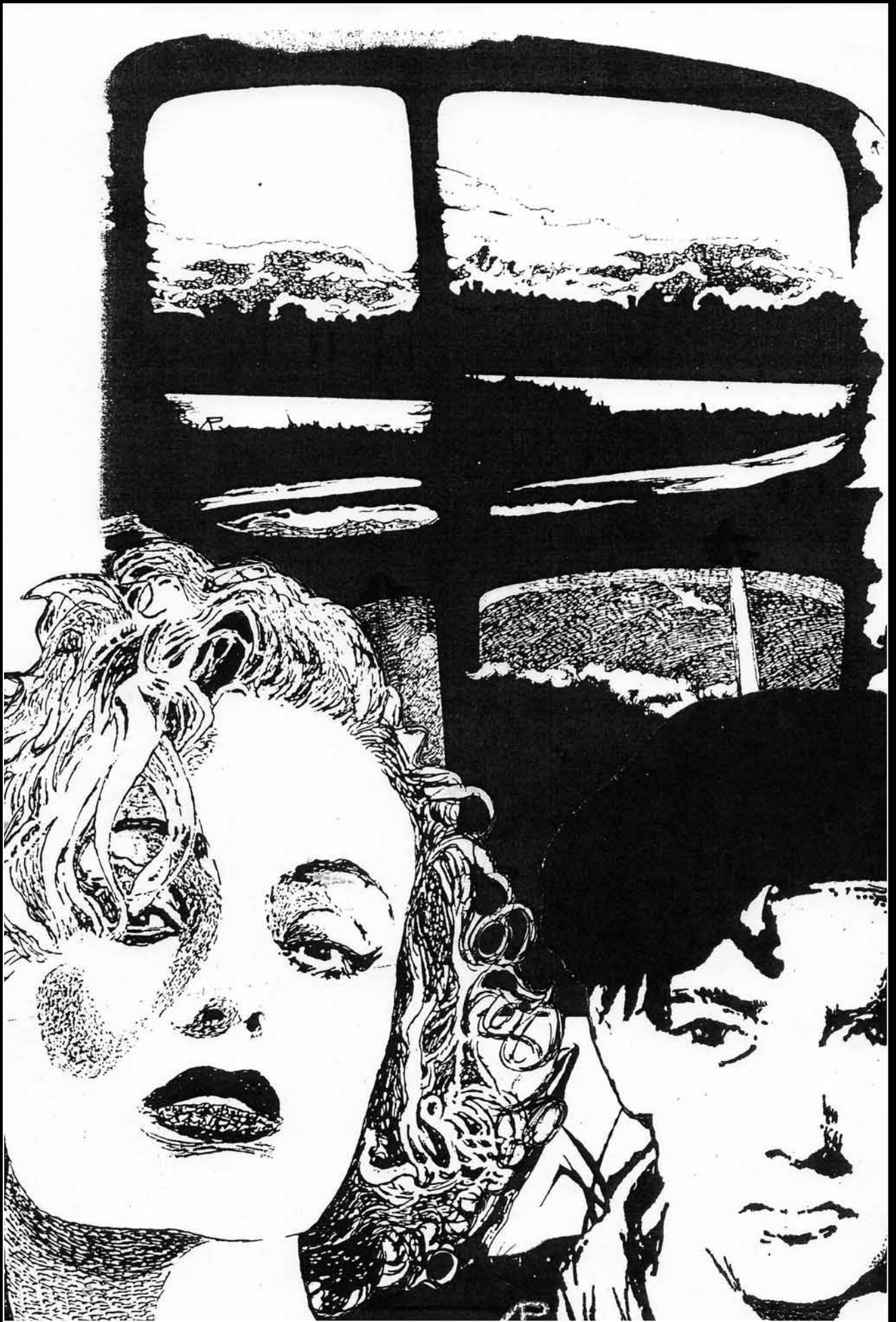
СЧАСТЬЕ И ОСЕНЬ

Осень сверкает кленовой слезой,
Стоя в брусничной метели.
Катится с тучи небес колесо
В звонкую струнчатость елей...

Вечеру ветер дарует смычок —
Пусть непогода сыграет
Льдистых мелодий высокий снежок,
Музыку зимнего края.

Осень, как счастье, сверкает слезой,
Путаясь в тенях и свете,
Птахою малою, птицей большой,
Тем, чего нет на свете.

Осень — продрогших небес воробей,
Робкого счастья синица.
В небо порхай, не робей, не робей!
Счастье — не может присниться!..

ЗАРАЗЕТТА

Глава 8

Дом с черепичной крышей

Она очнулась от голоса Виктора:

— Девчонки! Можно зайти-то? Да? Тут вот какое дело. Меня выписали, а полотенца не найду, пропало куда-то. Ругает меня сестра-хозяйка. У вас лишнего нету? Нет? Может, у беспамятной вашей есть? А? Беспамятная! Чего молчишь?

— Да спит она, — произнесла одна из женщин. — Тихий час же.

— Не сплю. Ой, а чего это вы все вокруг меня, а? Случилось что?

— Да ты же в обмороке лежала, — сказала больная с соседней кровати.

— Мне бы полотенчико, — попросил Виктор. — Сдать. Сестре-хозяйке.

— А... есть у меня. Есть, — с трудом проговорила она, тихонько приподнимаясь на кровати. Голова кружилась. — Сейчас принесу. В туалете оставила.

Кто-то вызвался принести ей полотенце, но она отказалась и медленно пошла к выходу. Виктор последовал за ней. Когда они вышли в коридор, он шепнул, что будет ждать ее под окном, где условились.

Окончание. Начало в №8, 2017 г.

— Только я вернусь в палату. А то сразу соединят нас в поисках.

— Разумно.

Он ушел, она покрутилась в коридоре, вернулась, перебралась с женщинами несколькими фразами и заявила — чтобы, мол, быстрее выздороветь, надо больше ходить, делать зарядку и вообще заниматься физической культурой. И ушла из палаты с видом победительницы. «Тихий час» в этой больнице действительно соблюдался, а потому ей никто не помешал рыться в шкафу с одеждой для бомжей. Она взяла совершенно новые носки, даже с этикеткой, вишневого спортивные штаны и мужскую однотонную рубашку. Потянулась, было, к тоненькому старому свитеру, но услышались чьи-то шаги, и она быстро скрылась в последней кабинке туалета. Там переоделась, свернула ночную рубашку и халат, решив прихватить их с собой, и открыла окно. Из кустов слышался голос Виктора:

— Я тут. Все тихо. Вылезай. Сейчас подхватчу.

На какой-то миг она очутилась в его объятиях. Ей показалось, что он прижал ее к себе сильнее, чем требовалось.

— Сиди здесь. Если что — вышла, мол, клумбой полюбоваться. Я сейчас вон туда такси подкачу. Там инфекционное отделение. Как машину заметишь — иди вдоль кустов, только не торопись.

Виктор скрылся. А ей, и правда, стало хорошо среди кустов чайного дерева с нежными белыми цветами, возле этой самой обычной клумбы, без всяких изысков, но какие замечательные здесь были лилии, бархатистыми лепесточками поблескивали анютины глазки, прямо и гордо стояли бархатцы, готовились цвести пионы, бутоны уже приоткрывали их нежно-розовый цвет. И совершенно изумительный, тонкий аромат шел от каких-то маленьких и тоже белых цветочков — как на пасеке. Это был именно медовый запах. Но откуда она знает про пасеку? Впрочем, такой запах — и от самого меда, она могла его слышать на любом хорошем рынке. И все-таки, все-таки...

Машина подошла осторожно, точно крадучись. Виктор, сидевший сзади, открыл ей дверцу, она скользнула внутрь, и они плавно поехали по больничному двору к пропускному пункту со шлагбаумом, будкой и дежурным. Он был на месте, а потому шлагбаум тут же принял вертикальное положение — оказывается, такси здесь впускали и выпускали беспрепятственно. Виктор предложил ей лечь, она согласилась, и он перебрался вперед, к водителю. Мужчины начали тихо переговариваться, и под их диалог, под мерное урчание автомобиля она незаметно уснула.

Такси остановилось в каком-то большом селе с церковью и кладбищем вокруг нее. Вышли прямо у кладбища, объяснив таксисту, что сначала помянут здесь родственника, а уж потом отправятся домой, давая тем

самым понять, что это — их конечный пункт, здесь они якобы живут. Как только такси развернулось и уехало, они прошли немного пешком до автобусной остановки и принялись голосовать. Но тут подошел автобус, они поднялись в салон и сели в разных углах, сделав вид, что не знают друг друга, а когда вдали засияли огни города, вышли — на всякий случай из разных дверей.

— Школу видишь? Вон, деревянная. Иди туда. Обогни ее справа. Я буду ждать, — сказал Виктор, проходя мимо и даже не оборачиваясь в ее сторону.

Она тихо пошла, куда было велено. Обогнула школу. Оттуда виднелась небольшая деревенька, до нее было около километра. Дорога — узкая, не для машин — шла через лес, а потом, очевидно, полем. Виктор быстро шел вперед, не оборачиваясь. Слишком быстро.

— Эй! — закричала она, видя, что поблизости никого нет.

Он остановился, обернулся и стал ее ждать. Когда она подошла, сказал:

— Теперь нам бояться нечего. Это моя деревня. Домов много, видишь? Только половина их пустует. Померли хозяева. А давай огородами пройдем, так быстрее. Чего-то не вижу никого на огороде-то. А ведь приказал к моему возвращению все грядки почистить, кабачки собрать, чтоб не перерастали, клубнику оставшуюся да малину приготовить варить. Да и слива уже, верно, поспела. И вишня.

— Вишне рано.

— А у меня ранняя. Ты варенье-то умеешь варить?

— А то!

— Варила, значит. Вот и вспоминай. А дети у тебя есть?

— Не знаю.

— Нету, значит. Уж про детей любая мать не забудет. Даже самая больная-пребольная.

Она шла за Виктором и любовалась всем, что видела — кусты картошки выстроились ровными, чистыми рядами, словно ее приветствовали. Кабачковые грядки тоже были в полном порядке. Капуста сияла чистотой и ухоженностью — ни одного испорченного листика, убрано все. Чеснок еще гордо стоял на грядке, вытянув свои зеленые перья. А вот лук уже пожух, как ему и положено в это время — перед уборкой. Созрел.

За грядками возле забора виднелась бревенчатая банька. Она сияла золотым сосновым светом. Подошли к крыльцу. Возле него в тенечке сидели двое — мужчина и женщина. С огорода их не было видно. Они поздоровались с Виктором. В их взглядах читался вопрос — кого привел?

— Это Катерина. Тоже будет на хозяйстве. Вам в помощь.

Это имя не вызвало в ее душе никакого отклика. Она точно не Катерина. Но — пусть будет так. Виктор отпустил рабочих, и они, попрощавшись, ушли.

— А я думала, что ваши рабочие у вас и живут.

— Так и есть. То есть — было. Это соседи уезжали и попросили их у себя пожить, чтобы дом сохранить. Без человека дом-то быстро стареет, умирает. Где надо потолок укрепить, где балку подправить. Вот они и согласились. Деньги-то никогда не лишние. А ты богатая? Была...

— Не знаю про себя ничего.

— Руки-то у тебя нежные. Черную работу не делала, это точно. Ну, пошли в родную мою обитель.

Ах, как ей все здесь понравилось! В большой кухне с настоящей русской печью стоял обеденный стол, покрытый льняной скатертью. Здесь было еще два стола с посудой, вилками-ложками, с крупами, мукой, сахаром и другими припасами. Но — всего понемногу, в меру.

— Запасы у меня немаленькие, все в кладовке, покажу тебе. У меня ведь только на картошке во время уборки целая бригада работает. Вот и комната для них отдельная.

В «рабочей» комнате не было ничего интересного — двухъярусные кровати, гора подушек, одеял, матрасов. Пустые подоконники — ни цветочка. Зато в двух других и мебель оказалась на удивление, и на стенах висели такие интересные картины, что она застывала возле каждой на несколько минут и чувствовала, как волнуется душа. Одна из этих комнат оказалась хозяйской, другую, поменьше, он предоставил ей. В «хозяйской» стоял большой гардероб, Виктор предложил ей найти здесь для себя более или менее подходящую одежду, а сам пошел в ванную комнату.

— Извини, я вперед тебя помоюсь и буду нам обед-ужин готовить.

Часть одежды оказалась женской, только не глаженной. Она даже нашла себе махровый халат с широким поясом. В этом халате и шла потом из ванной — босиком, по изумительным домотканым половикам и коврикам — прямо к столу, на котором уже красовались кружочки кабачков, обжаренных с мукой и яйцом, салат из помидор, огурцов, зелени, а в духовке, как известил ее хозяин, запекались баклажаны с сыром. Все это было так замечательно, что она застыла возле стола с восторгом и улыбкой.

— Садись и ешь. Ты ведь не пообедала в больнице-то, я знаю.

— Спасибо. А... как же вы все это купили? И дом, и мебель, и картины... И ковры эти замечательные. Богатый вы человек значит.

— Да я бы не сказал. Жил с матерью, все на заработки ездил, мотался туда-сюда. И в Москву тоже. То на стройке там работал, то в охране. Специальные курсы закончил. А потом подумал — пошло оно все на... Стал

денег искать, чтоб хозяйство свое создать. А нету их, денег-то! Кредит не дают — безработный. Хотел через службу занятости, типа бизнес-план там представить и прочее, но не получилось у меня с этим планом, кишка тонка. К родне кинулся, к товарищам. Товарищи бы и рады денег дать, да у кого нет ничего, у кого жены косо смотрят. Хотел заложить чего-нибудь. Думал, может квартиру. Помню, один шутник все говорил — а ты, мол, родину заложу, много получишь... Но только заложить родину — последнее дело.

Что-то с ней случилось. Большое, звонкое и глубокое. Что-то произошло с душой, вздрогнувшей от его слов... А что в словах этих было особенного-то? Заложить родину. Предать, значит. Плохо, конечно. Но каким боком это ее касается? Она что, шпионка какая-нибудь? А если... Тогда понятно, откуда у нее рана — ее просто пытались ликвидировать. А между тем Виктор продолжал:

— Мать выручила. Она когда-то мужичка одного от бандюков спасла. Случайный мужик-то был, в сарае у нее прятался. Должен был кому-то. Она его целый месяц поила-кормила, оберегала. Жалела. А он потом оклемався, в силу вошел, покрошил кое-кого. Это он так выражался — покрошил. Убил, может. Не знаю. Так он мать-то отблагодарил. Приехал, спросил, в чем нуждается. Она про меня и сказала. Так я тут и очутился — место понравилось, купил старый дом, землю, заново построился.

Еда, в том числе запеченные баклажаны, ничего ей не напомнила. А вот эта заложенная родина... И опять она заволновалась, но теперь волнение было радостным — с ней обязательно произойдет что-то хорошее! Это — бесспорно, нечего и сомневаться. Господи, как же ей будет замечательно! Только при чем здесь эти странные и даже кощунственные слова? Никакой связи между ними и новым трепетным чувством она не находила. Так и вошла в свою комнату, постелила себе постель — Виктор показал, где взять белье. Увидела крючок на двери, спросила, не обидится ли он, если она запрется.

— Не стоит запирается, — ответил на это Виктор. — Видишь вон тот квадрат? Из валенка вырезанный? Открой. Под ним — дыра в подпол. И лесенка маленькая. Это для кота. А если ты дверь запрешь, как он на кухню попадет? Запищит, тебя разбудит. А кот у меня шикарный. Самсон. Мышелов. Добрый, не пугайся.

Когда Виктор ушел, оставив ее одну, она прилегла на кровать и даже не заметила, как мгновенно уснула...

На следующее утро за завтраком Виктор рассказал ей, как будет построен их рабочий день. Хозяйские помощники уже трудились на грядках. Ей же предстояло сделать уборку и приготовить еду.

— Справишься?

— Конечно.

И тут он ее буквально огорошил:

— Понимаешь, я полночи не спал, о тебе думал. У меня ведь ноутбук есть. И я неплохо им пользуюсь. Включу тебе программу «Земля». Может, чего в твоей памяти и засветится... Помнишь, как ты странно на теплицу прореагировала. Будто что-то другое за этим словом увидела. Мы и теплицу в поиске наберем! Чем черт не шутит!

Когда вечером они с Виктором уселись за компьютер и раскрутили эту «Землю», он набрал слово «теплица», объяснив, что вполне может быть, что она работала в каких-то теплицах, и компьютер это выдаст.

И он выдал. Виктор еле успел подхватить ее, вмиг побледневшую и падающую со стула. Уложив ее на диван, он сбегал за нашатырем. Через минуту она пришла в себя.

— Чего это ты, а?

— Там... Там...

Она показала пальцем на экран компьютера.

— Да нет там никаких теплиц, уж извини. Город какой-то чешский.

— Это он...

— Кто?

— Город...

— Да? И что же это за город? Сейчас найдем... Матерь божья! Ты знаешь, как его зовут? Теплице... Вот тебе и теплицы!

Он перенес ноутбук к ней на диван, и они стали «ходить» по городу. Он был невелик, но в нем была одна особенность — множество санаториев. Люди со всего мира приезжали сюда лечиться. Виктор предположил, что его гостья могла попасть туда именно на лечение.

— Нет, нет, — повторяла она.

— Значит, ты здесь жила. Но давай тогда «обойдем» все-все улицы. Мы ведь можем найти твой дом. И ты его узнаешь.

У них не все получалось, порой изображение пропадало, порой просто «ложилось» на поверхность земли. Было уже за полночь, когда она вцепилась в его руку и остановила ее. «Мышка» располагалась как раз возле аккуратного дома из белого кирпича с красной черепичной крышей.

— Мне кажется, что это мой дом...

— Да... Сюрприз... И как же все это понимать?

— Я не знаю.

Они попробовали «мышкой» войти во двор, через цветник, расположившийся от входа до самых окон, но им это не удалось.

— И что же делать, Катерина, а?

- Ехать.
 - Да как? Ты же вроде невменяемой теперь. Ни памяти, ни документов.
 - А эта твоя работница... У нее есть документы?
 - Ну конечно. И вы одного возраста... Правда, не так уж похожи.
 - Есть грим. Макияж.
 - Во что ты меня втягиваешь... Ладно, пусть это будет информация к размышлению.
- На этом пока и остановились.

Глава 9

Забывать невозможно...

Ольга еле дошла до своей квартиры. Ей было очень трудно сохранить свой уверенный, невозмутимый вид, это было почти невозможно. Потому что какие-то две бабы — эта вредная старуха Анфиса Михайловна и дворничиха Зара — сегодня покусились на ее покой и тот маленький, но уютный и дорогой ей мир. Они, видите ли, раскопали, что она работала в том забытом богом городке на Волге. Маленьком, грязном, с разрушающимися домами, хозяева которых либо не имеют средств и возможности их заработать, либо просто не хотят ничего делать. Одна великая русская река облагораживает городок. Да еще несколько симпатичных новых зданий, в одном из которых семья ее любимого получила когда-то квартиру. Получила и въехала туда, не моргнув глазом. Словно и забыв о гибели близкого человека. Ах, зачем она так? Конечно же, мать переживала. Может, и блудная сестрица, из-за которой и произошла трагедия, уронила слезу. Но — въехали, не посчитали нужным поменять это жилье на другое, чтобы сами стены не напоминали им о трагедии.

Но она-то сейчас чего так волнуется? Какое имеет значение, работала она в том городе или нет? Никому до этого не должно быть дела! Это — ее жизнь, и она не обязана отчитываться. А они вцепились в нее... Эта Анфиса Михайловна... Да не нужна ей никакая квартира старухи. Пусть другим нервы мотает. Жила там, не жила. Была — не была. Была! И с любимым, и без него. И не жалеет об этом! А вот уже без него — это была не она. Из нее тогда ушла душа, улетела в другие пределы. Но был разум. И какой-то метроном стучал ей прямо в мозг — иди, иди, на свете есть высшая справедливость и ее надо уважать, беречь и бросать в бой собственными руками... Но это — запретная тема. Она совершенно преобразилась, переодевшись в старушку и загримировавшись должным образом. Вот только зачем ей

об этом вспоминать? Не лучше ли при следующем свидании с этой Анфисой-крысой признаться, что — да, жила там, да, перенесла потерю любимого, потому оттуда и уехала. И чего она сразу-то так не ответила? Зачем упиралась? Ее ведь никто ни в чем не подозревал. Это теперь они с Зарой там думают — почему не созналась, соврала. И неизвестно, до чего додумаются. Надо день-другой переждать и снова пойти туда. Да и от Зары не прятаться. Она ее, кстати, так и не вспомнила. Хотя имя редкое. Наверняка эта Зара была у нее на приеме после трагедии, когда она ничего и никого вокруг не видела от горя.

Но так получилось, что Ольга пошла к Анфисе Михайловне уже на следующий день. Себе она повторяла — надо успокоить старушку, чтобы она себе чего не напридумывала. Но поскольку день этот не предназначался для посещения девушкой Анфисы Михайловны, то она встретила там Олега. Это сразу смягчило ситуацию. Олег спросил, не нужна ли ей помощь с компьютером, и это было очень кстати, так как у Ольги давно барахлила клавиатура. Договорились, что вечером Олег все проверит и починит. Следовательно, намеревался придти к ней домой. Что ж, она дала ему адрес. Без всякого умысла. Хотя молнией промелькнула мысль — сколько можно жить затворницей?

Оставшись вдвоем со старушкой, Ольга предложила сделать ей хороший массаж. Анфиса Михайловна была довольна — гостья не торопилась, следовательно, хочет основательно поговорить и что-то поведать. Только надо потянуть время — скоро должна подъехать Зоя Алексеевна, да не одна. С раннего утра они пребывали в том городке, от которого отрецивается Ольга.

— А Зару-то вспомнила, милая? Ты ведь ей массаж делала. Там, в санатории.

— Нет. Не вспомнила.

— Странно.

— Да ничего странного, Анфиса Михайловна. Просто я вычеркнула этот город из памяти. Из всей своей жизни. Вычеркнула, чтобы... Чтобы можно было дышать. Чтобы не умереть. Я не знаю, поймете ли вы...

— Пойму.

— Но... Я предполагаю, что вы и вчера все поняли.

— Поняла. Хотя ты напустила тумана. Только... Понимаешь, я вчера разговаривала по телефону... Так, кое с кем. Со знакомой одной. И сдается мне, что не все так просто. И тебе придется обороняться.

— Да в чем же дело-то?

— Не знаю точно. Но, кажется, там трагедия на трагедии. Матрица. Ты думаешь, любимого твоего убили, и на том дело кончилось? А вот и нет!

— Господи! Да кого еще убили-то?

— Не знаю. Мужика какого-то.

— Мужика?

Ольга была несколько обескуражена, и это не укрылось от прозорливой старушки.

— Ну да, мужика. А ты думала — бабу?

— Да ничего я не думала. Говорю же вам — вычеркнула из памяти.

— А-а-а... Ну-ну.

Массаж не занял много времени. Анфиса Михайловна решила удержать Ольгу другими способами. Она стала спрашивать, где находится поджелудочная железа, что расположено рядом с ней, утверждая, что именно в этих местах она испытывает боль. Иногда. Ольга заметила, что следует провериться, сделать УЗИ и не слишком волноваться — явных признаков какой-то болезни у Анфисы Михайловны не наблюдается.

Она засобиравалась домой, хотя видела, что Анфиса не хочет ее отпустить. Впрочем, ей и самой стало интересно, что там с этим мужиком, и кто он, в конце концов, поэтому, когда Анфиса предложила ей еще хоть немного посидеть, она согласилась. Раз уж все так получилось.

Мы с Зоей Алексеевной пожаловали к старушке Анфисе, мечтающей стать детективом — об этом подруга успела мне рассказать, и застали там мирное чаепитие на кухне.

Ни с кем не хотелось сражаться, мы не собирались вытряхивать из Ольги никаких особых сведений, боясь ее ранить. Мы просто сидели и говорили об этой семье, стараясь вникнуть в их отношения, проблемы, понять, чем они жили, какие испытывали радости и печали.

— Оленька, а какие отношения были у Алеши и его матери? — решила спросить я.

— А... кто такой Алеша? — удивилась она.

— Как? Извини, пожалуйста, я понимаю, ты его любила, и эта трагедия повлияла на...

Я не закончила фразы, потому как поняла, что прокололась. А Ольга смотрела на меня очень, очень странно. Но еще более странный взгляд был у Зои Алексеевны.

— Его звали Юра. Юрочка. Я звала его Юрасик, — прошептала Ольга.

— Но ты, Наташа, не ошиблась... Родной отец назвал его Алексеем, но он тут же после его рождения исчез в неизвестном направлении. Испарился. И никогда не появлялся на его пути. Вопрос в другом — откуда тебе это известно? Мать с самого начала звала его Юрой. Так и зарегистрировала. Так откуда? — взволнованно спросила меня Зоя Алексеевна.

— Я не знаю. Кто-то когда-то, возможно, говорил.

— Но почему кто-то когда-то должен был тебе что-то говорить о семье, к которой ты не имеешь никакого отношения? Ты же вклинилась во всю эту, извините, кашу всего несколько дней назад.

— Может, вы мне сами это и сказали, Зоя Алексеевна? Потому как я — ни сном ни духом...

Мы стали раскладывать эту семью буквально по полочкам. И так, жили-были: мать, исчезнувший впоследствии отец, дочь Ирина и сын Юрий. Мы тут же подкорректировали себя — довольно равнодушная мать, вольная дочь, которая всегда стремилась к непонятным высотам, но каждый раз срывалась и, в конце концов, оказалась в компании, которой неведомы высокие мотивы, а куда понятнее водка, пиво, курево. Это я подчеркнула, что у девицы были высокие мотивы, потому что мне было искренне за нее обидно. Естественно, о причине этой обиды я умолчала. А мотивы... Она пыталась организовать во дворе драмкружок, например. И принимала участие в создании биатлонного клуба. Клуба фанатов — кажется, Дарьи Домрачевой, одной из лучших биатлонисток мира.

— Да откуда ты это знаешь? — вновь спросила Зоя Алексеевна.

— Так мы же сейчас там были. И пока вы пребывали в каких-то высоких сферах, я разговаривала с людьми во дворе.

Выкрутилась. Далее мы обсудили самого Юру, я тоже стала его так называть, его друзей, отчима, который то жил с ними, то уезжал на Север, где работал вахтовым методом и добывал деньги для семьи. А потом заговорили об исчезновении главной виновницы трагедии — Ирины, отбывшей в неизвестном направлении, о чем нам сказала Ольга.

— Да нет, Олечка. Эта девица, побродив, очевидно, по свету, работая то в одном городе, то в другом, вышла замуж за артиста Виталия Ганкина, весьма пожилого человека, а потом вновь исчезла, — проинформировала всех Зоя Алексеевна.

— Вот как... А у этого Ганкина спрашивали, где она?

— Нет, девочка. Не спрашивали. Он умер на днях. Скончался прямо в театре.

— Что, его тоже убили?

— А почему — тоже, Оля? Вы думаете, что жену его убили? Вы в этом уверены?

Ольга сильно побледнела. Но вряд ли этому можно было придавать какое-то большое значение — тема-то больная, девушка словно ходит по острию бритвы.

— Да ни в чем я не уверена, вы что? Я — по аналогии с Юрой. О нем думала. Как вы можете! Так на меня нападаете! Неожиданно, будто из-за угла...

— А это логика, милая Оля. Не я. Ведь для вас гибель Юры — и сейчас рана. Все виновники наказаны, отбывают сроки. Все, кроме одного. Одной. И это как-то несправедливо!

— И что? Я должна брать пистолет и бегать за этой Ириной? Чтобы и меня посадили? Да пошла она! Человек, совершивший зло, получает его сам. Закон бумеранга, так сказать, и я в него верю.

— Тем не менее, вас видели во дворе дома, где все и произошло, именно тогда, когда туда заявила Ирина, — пошла в атаку Зоя Алексеевна.

— Вот уж не знаю. Я за ней не следила. А возле того дома была несколько раз. Вспоминала. Дорого мне там все. И горько. Больше не поеду. Хватит. И мне вообще непонятно — зачем вы учинили весь этот допрос?

— Ганкин Виталий — мой брат, Оля. Двоюродный. И его смерть мне непонятна. И почти одновременное исчезновение его жены Ирины — тоже. И я подумала — вдруг вы сможете помочь нам... Вдруг бумеранг уже вернулся к своему отправителю, а? Но кто злодей, а кто жертва — непонятно.

— Да Юра же мой! Он — жертва!

— Он — случайная жертва. Это преступление не готовилось заранее, вы знаете.

— А случайностей, говорят, не существует, — прошептала Ольга. — Есть цепь событий...

А еще есть люди, которые привязаны к таким цепям. Кажется, что они и родились-то для того, чтобы поучаствовать в каких-то разборках, перемешать логику с парадоксами и нелепостями, а потом оставить это странное, а порой трагическое варево и прыгнуть в другое, чтобы тоже его перемешать, создав условия для иронии преступления. Для улыбки смерти. Я думала, естественно, про Ирину Шилову, канувшую в неизвестность.

Мои размышления прервал звонок, раздавшийся на мобильном Зои Алексеевны. По разговору я поняла — звонила хозяйка квартиры в том западном городке, где в ресторане висел «мой» портрет. Вероятно, у нее есть новые сведения. Но — увы! Оказывается, хозяйка просто вспомнила, что у Ирины был загранпаспорт. Интересно, куда она по нему ездила? И зачем? Об этом же спросила и Зоя Алексеевна, но уже вслух. Что ж, узнать — не такая уж проблема. Для Валентины. И я тут же задала этот вопрос ей. По телефону, естественно. Она пообещала узнать сегодня же. А я подумала — может, эта Ирина и не успела никуда съездить. Решила посмотреть мир, а тут — бумеранг...

Надо сказать, что из «плохой» квартиры мы привезли с собой некоторые фотографии. Я вытащила их из своей сумки и разложила на декоративном столике, рядом с искусственными цветами.

— Вот она, змея подколодная, — указала Ольга на снимок Ирины. — Ой, а это кто? — спросила она, показывая на фотографию Ганкина.

Когда мы объяснили ей, кто изображен на снимке, она воскликнула:

— Так... я же его видела! Видела! Там, у Юрочкиного дома. Он прошел мимо меня и вошел в их подъезд...

— И когда это было? — невинно спросила Зоя Алексеевна.

— Да именно в тот день, когда ее...

— Убили? Вы это хотели сказать, Оля?

— Когда я ее видела! То есть — он как бы за ней следил. Не догнал ее, не окликнул. Просто шел. Она — в подъезд. И он — через некоторое время... Вот!

— И вы увидели его лицо?

— Ну да!

— Но для этого, Оля, вам следовало идти ему навстречу.

— Да...

— Значит, вы вышли из подъезда, ведь он направлялся именно туда.

— Да почему я обязательно должна выйти из подъезда? Я в нем и не была... Просто во дворе стояла...

— У вас ключ от той квартиры есть?

— Я... Нет.

— Думаю, есть. Вы могли взять его во время, извините, похорон. Чтобы иногда приходиться туда. Для воспоминаний.

— Я и так могла приходиться. Его мать меня любила.

— Но вам она была неприятна.

— Да. И шалава эта — вся в нее. Мать... Родила двоих детей и считала, что совершила подвиг. Понятия не имела о том, что их надо воспитывать. А, да что говорить!

Нам всем было интересно, проследила ли Ольга далее за передвижениями Ирины и Ганкина. Но она объяснила нам, что не знала о замужестве Ирины, а то, может, и понаблюдала бы еще за этой парочкой.

— Однако вы его все же запомнили, — заметила я. — Что-то в нем вам показалось необычным?

— Пожалуй. Глаза странно сверкали. Как у вампира. Нет, я, конечно, преувеличиваю. Начиталась разных кладбищенских историй. Но мужчина этот был явно не в себе. Так его, говорите, убили?

— Инфаркт. Но он не с неба свалился. Что-то его спровоцировало.

— А... труп-то нашли? Ее, я имею в виду. Шалавы.

Услышав, что трупа нет, Ольга заметно успокоилась и даже попросила себе чашечку чая.

В общем, мне лично ничего не было понятно. С чего это Зоя взяла, что кто-то убил Ирину? Мы, к сожалению, в той квартире были недолго — нас впустила туда соседка, хозяйка оставила ей ключ, а сама уехала к мужу на Север. А еще соседи заверили нас, что когда мать этого поредевшего семейства выпивает, то квартира становится проходным двором. Возможно, что и окрестные бомжи там ночуют. Так что проникнуть туда в иные дни можно и без всякого ключа.

А что до Ирины... Да, приезжала она туда в последнее время, и не раз. Создавалось впечатление, что чего-то искала. Интересно, что она могла искать в доме, где ничего путного сроду не держали, уж об этом я с детства наслышана.

Между тем нам позвонила Валентина и сообщила, что Ирина Шилова свой загранпаспорт использовала несколько раз, пересекая западную границу. Причем путешествовала она на машине. Подробностей пока не было, и появятся ли они, подруга не знала. Путешествия свои Ирина совершала еще летом. И эта информация не помогла нам ответить на вопрос — а что с ней сейчас? Где она?

И вообще мне стало казаться, что зря мы на ней зациклились. Она непременно найдется, и мы еще посмеемся над своими предположениями и страхами. И будем себя спрашивать — а с чего мы вообще подняли такую волну?

Допив чай, Ольга поднялась, попрощалась с нами и ушла. А мы после ее ухода почти одновременно спросили друг у друга — так убили Шилову или нет? Если убили, то кто это сделал — ревнивый муж или жаждущая справедливого возмездия Ольга? А если эта Ирина жива-здоровая, то где она прячется? И почему?

— А, может, и не прячется. Может, в доме отдыха пребывает или в больнице лежит.

— Больницы проверяли. Ганкин же обращался в полицию, — заметила Зоя Алексеевна.

— Не по всей же стране проверяли, — сказала я. — Человеку, к примеру, в поезде стало плохо. На ближайшую станцию вызывают «скорую», и его прямо из вагона везут в больницу.

— Ну и что? Она ведь знает, что муж о ней беспокоится. Позвонила бы.

— Может, в таком состоянии, что и звонить не может.

Мы так и не смогли продвинуться в своих размышлениях. Мы словно находились в запертой комнате без окон. Без просвета. Но это нас не смущало — еще не было случая, чтобы мы не добрались до истины!

Глава 10

Человек мира

Я не сразу осознала, насколько тупы и недальновидны бывают наши рассуждения. А когда поняла, мысленно воскликнула — боже, Наталья! Да неужели непонятно, что Ольга не просто намеревалась убить эту треклятую девицу Ирину, но и сделала это! То есть — выстрелила в нее. Либо всадила ей нож в спину. Или не в спину. Могла и отравить, вонзить в нее шприц с соответствующим препаратом. Да только не довела она до конца свое черное дело. И, скорее всего, об этом не знает. А я знаю. Ведь ясно-видящая Мария четко сказала, и даже прокричала, что та стерва была жива! Но — находилась в морге. Вот и пойми — жива, и в морге... Странное сочетание не сочетаемого.

Смущало меня и другое — я уже не была уверена в том, что там, в театре, Витолан перед своей смертью узнал меня. Скорее все-таки он действительно увидел во мне свою жену, которую ранее видел убитой. Именно об этом говорила степень накала его чувств — удивления и ужаса. Только ведь, чтобы точно знать, что человек мертв, надо видеть его таковым. Но если он видел ее умершей, то зачем продолжал ее искать? И тут напрашивается, возможно, не слишком логичный вывод — он ее искал, чтобы замести следы! Скрыть собственное преступление! Чтобы никто не мог подумать о самом страшном — Ирина погибла от рук собственного мужа! Кстати, мы ведь с Зоей Алексеевной оказались родственниками — ее брат женился на моей сестре... И Витолан, как ни странно, мне родственник.

Я не очень верю в перерождение людей, способных на подлости. А потому мне ужасно захотелось пойти на девять дней Витолана, в актерскую среду, где после одной-двух стопок развязываются языки, и порой совершенно необъяснимые поступки кажутся не только понятными, но и логичными.

Задумано — сделано. Я тут же позвонила в театр Анне и попросила обеспечить мою явку на девять дней. Мне и в голову не приходило, что коллектив может проигнорировать эту трагическую дату. Анна помялась и призналась, что руководство театра решило не тревожить артистов, не отвлекать их от дела, а помянуть Ганкина лишь на сороковой день. Правда, самые близкие, то есть те, с которыми Ганкин тесно общался, соберутся, это точно, причем сделают это у него дома, так решили еще во время похорон. Для этого один из них хранит у себя ключи от квартиры.

— Анята, мне очень надо там быть. Вместе с Зоей Алексеевной, двоюродной сестрой Виталия. Приду в другом обличье, так что, думаю, меня никто и не узнает.

— Да ради бога!

И она продиктовала мне адрес.

Я позвонила Зое Алексеевне — оказывается, она еще не добралась до дома — и предложила ей это завтрашнее «траурное приключение». Конечно же, она согласилась. И заметила:

— Заодно и на могиле его побываешь. Как-никак — родня.

— Ваша...

— Да уж и твоя. Думаешь, я про Ирину-то не догадалась? Все поняла, еще когда ты убитого Юрочку Алешей назвала. Только самые близкие родные знали, что отец дал ему это имя. Да еще этот портрет в ресторане... Вот ведь как оно бывает...

Следующий день принес нам немало неожиданностей.

Маленькая актрисулечка — верно, травести, амплуа актрис, играющих в основном мальчиков и девочек, — больше всех хлопотала на кухне, не раз повторив, что дядя Виталий был ей как отец родной. А пожилая и в прошлом, чувствовалось, очень красивая актриса вежливо произнесла:

— Понятно, что в молодости у него были какие-то... изломы, что ли. Но с годами он стал спокойным, уже как бы ничего не жаждущим женщиной, у которого все в прошлом. Правда, из-за своей жены, я слышала, ему приходилось дергаться. Как и многим другим. — И она обвела собравшихся многозначительным взглядом.

— Нет, нет, и еще раз нет! — защебетала травести. — Дядя Виталий стоял на пороге... новой жизни, если хотите. Он в последнее время говорил про... обретение себя...

— Так давайте и помянем его! — взял в свои руки бразды правления заведующий трупной, который представлял здесь начальство.

Выпили, не чокаясь, как и положено. Но что именно мы пили, я не поняла.

— Самогон, — шепнула мне Анна. — Из деревни кому-то привезли.

Великая вещь! И на вкус, и языки развязывает лучше любой водки. Я узнала, как зовут травести, и обратилась к ней доброжелательным тоном:

— Ниночка, а вот вы сказали про обретение себя. Как вам показалось, это было целью его жизни?

— Да, да! — горячо откликнулась она, так, словно возможность говорить об этом стала ее спасением. — Он утверждал, что никогда за всю свою жизнь не чувствовал себя так, как сейчас. Человеком мира. Это его слова. И еще он говорил, что стоит себя почувствовать человеком мира, как перед тобой открываются огромные возможности...

— Он имел в виду какие-то поездки?

— И поездки тоже. Но не в первую очередь. Прежде всего, он говорил о возможности мыслить. Смотреть на мир нестандартно. Не как все.

— За это стоит выпить отдельно. Почтить его память. И нестандартное мышление. Нет, я серьезно, — чуть ли не обиделся заведующий трупой. Выпили. Почтили.

— И я тоже так хочу. Нестандартно. И даже мечтаю об этом, — начал кто-то из молодых актеров. — Уважаю такой... порыв. Но как прикину — зарплата фиговая, кредит надо выплачивать, за ипотеку отдать, на каждое родительское собрание в школу нести уже не десятки, а сотни, а то и тысячи... Так все иное мышление и исчезает. Остается один стандарт — где подработать, как лишний раз пролезть на телевидение, да чтоб заплатили, и так далее.

— Но на нем не висело столько проблем! — заверила нас травести, то есть Нина. — У него, собственно, была одна проблема — жена.

— Ага. И ты готова была эту проблему решить, — съязвил кто-то из молодых.

— Как вы можете! — покраснела от возмущения Нина. — Я... Я просто смотрела на него другими глазами. Не как вы. И наверняка не как его жена, которая все время его бросала и куда-то уезжала.

— Он ее любил, я это видела, — заверила нас пожилая актриса, в прошлом красавица. — И давайте помянем его в этом плане. За любовь!

Тосты стали учащаться, но это было нам на руку — больше откровения, больше информации. И я решила на свой вопрос.

— Ниночка, а человеком мира Виталий давно себя почувствовал? Как вам показалось?

— Нет. Недавно. Когда жена его пропала. Я думаю, это связано. Просто он был под гнетом, а тут стал свободным. Крылья расправил. Говорил — вот уйду на пенсию, и...

— И...

— Ну, я его не очень поняла. Вроде хотел уехать из страны. Спросил, как я к этому отношусь.

— Он хотел уехать с вами?

— Я не успела понять до конца. Но, кажется, да.

— И вы бы...

— Не знаю.

Всю эту часть диалога мы вели с ней шепотом, чтобы никто не слышал. Кроме Зои Алексеевны, разумеется.

— А ведь на это нужны средства. Чтобы ездить по странам и континентам, жить в гостиницах.

— Но... Не уверена, можно ли говорить...

— Да нет уже человека. Теперь все можно.

— Он говорил, что, если я соглашусь, то меня в этом плане ждет сюрприз.

— И какой именно?

— Не знаю. Он не успел сказать. Но я думаю, что он имел в виду свои сбережения. Вероятно, они у него были. На книжке, например. Ой, а какие фотографии он мне показывал! Где-то их раздобыл. Совсем недавно.

Мне очень хотелось узнать, найдены ли сбережения Витолана у него дома, например. Оказалось, что нет. И где эти удивившие Нину фотографии, можем ли мы их посмотреть.

— Да, конечно. Они все в его спальне. В их спальне, — поправилась Нина. — Мы можем сейчас туда пойти и взглянуть.

Мы с Зоей Алексеевной и Ниной тут же переместились в другую комнату. Две кровати, очень старая тумбочка, замечательный комод из настоящего дерева и небольшой журнальный столик — вот и все, что здесь поместилось. Вероятно, были и стулья, но «ушли» на поминки. Снимки лежали на комодке. Нина предложила нам самим в них порыться. Все они были без подписей, а потому мы не могли определить, в каких странах фотограф запечатлел эти улочки-переулки, дома оригинальной постройки, мостики, увитые цветами, людей в национальных костюмах и многое, многое другое. Удивительным и странным казалось то, что на снимках не было никаких достопримечательностей — знакомых памятников архитектуры, например. На них изображалась обычная жизнь. Но — другая, не наша. Нина словно прочитала мою мысль.

— Другая жизнь. Просто другая. И на мир там смотрят по-другому.

Милая девочка, подумала я, на мир все смотрят одинаково. Хотят заботы, покоя, доброты. Экстрима тоже, недавно у меня на груди рыдал знакомый альпинист, свернувший себе шею... Рыдал вовсе не потому, что получил такую травму. Причина — он больше не сможет подняться вверх. И сквозь его совсем не мужские всхлипывания прорезались слова о высоте духа.

— А как быть с высотой духа? — спросила я.

— Вот, вот! — Глаза Нины блеснули. — Он об этом тоже говорил. Только я не все поняла. Он упомянул о жертвах. Дескать, высоты духа не достичь без жертв...

Мы с Зоей Алексеевной переглянулись. Кажется, занавес начал приподниматься.

— Интересно, какие именно жертвы он имел в виду?

— Я этого не знаю.

— А как вы думаете, Нина — это не связано с его женой?

— Да нет, конечно. При чем тут она? Его жена — и высота духа... Это, знаете, вещи несовместимые. Она же его просто изматывала.

— Странно, что он с ней не развелся, правда? — напрямик спросила я.

— Да, да, я тоже все время спрашивала себя об этом.

— Так вы бы его спросили.

— Я его жалела. Думаю, он очень переживал. И мне казалось, что там была какая-то зависимость.

— А, кстати, он оставил завещание? — вмешалась в разговор Зоя Алексеевна.

— Завещание? Ой, я не знаю. Вряд ли. Надо у родственников спросить. Так вы же сами и есть родственница, я вас с похорон помню.

— Да мы как-то похоронили, а больше и не встретились. Надо документы все его посмотреть. Порыться. Ключи-то у вас?

— Да нет, у заведующего трупной. Он у нас в театре самый надежный и хозяйственный человек. Семья актерская, скажем, уезжает к родне в деревню, а ему ключи оставляют, чтобы присмотрел за квартирой. Все как-то так вот. А вон и он сам как раз к нам идет.

— Легко на помине! — подхватил заведующий и представился: — Геннадий Иванович.

— Мы тут о завещании говорили, — начала, было, Зоя Алексеевна, но он тотчас ее прервал, заявив, что завещания в глаза не видел, но слово «нотариус» из уст Виталия слышал.

— А при каких обстоятельствах?

— Ну... Он разговаривал с кем-то по телефону. Я случайно услышал. Говорил кому-то, что нужен очень, очень грамотный нотариус... Чтобы комар носа, так сказать...

— Ясно. Я его двоюродная сестра, вы знаете. Мы еще во время похорон озаботились его документами. И ничего, знаете ли, не нашли. Кроме паспорта, удостоверения члена ВТО и пенсионного удостоверения. Да, и еще медаль ветерана труда. Странно, что в доме нет, скажем, документов на эту квартиру. И — никаких сведений о его жене. Невероятно! Правда, у нас было не так много времени, чтобы заниматься поисками...

— Ой, да вы можете хоть целый год что-то здесь искать, и ничего не найдете! Он же в театре все хранил, в своей гримерке. А поскольку у нас, знаете, в последние лет пять ничего никуда не исчезает, то я уверен, что все его личные, самые ценные, на его взгляд, документы там и лежат. Мы ведь ему столик для них в гримерке поставили. С ящичками, которые запираются. Из директорского кабинета перенесли.

— Давно? — спросила я.

— Да не очень. Когда директору новую мебель привезли. Виталий этот столик, видно, давно присмотрел, потому что сразу стал его выпрашивать. Ну, весь-то стол никак бы в примерке не поместился, комната маленькая, а он там не один гримировался. Но две секции мы ему пристроили.

— А с кем он гримировался? — поинтересовалась я.

— С Васей Пудовкиным. Кстати, утверждает, что родственник того самого Пудовкина, зачинателя нашего киноискусства. Одного из... Да вот он, Вася-то. Пьяненький уже сидит. Но, заметьте, — сидит, а не лежит! Он никогда в стельку не напивается. В отличие от...

— Неужели от Ганкина? — съязвила я.

— Что вы, бог с вами! Ганкин — он ни-ни... У Ганкина была идея. Он был озабочен...

— Вы хотите сказать, что он стремился чувствовать себя человеком мира?

— Нет, не хочу. Потому что он, поверьте мне, уже чувствовал себя таковым.

— Но — почему?

Этот вопрос вырвался у нас с Зоей Алексеевной одновременно.

— Не могу ничего сказать, милые дамы. Загадка. Хотя в театре, как правило, загадок не существует. Все и все про всех знают. Надеюсь, вам понятно, почему. Каждый — психолог. Тонкий и вдумчивый. Вынужденный стать таковым в силу своей профессии. Даже плохой актер, поверьте, обладает этим даром. Он с этим рождается. Иначе не пошел бы в артисты.

Эти интересные рассуждения прервала Нина, заявив, что пора двигаться в театр, а то можно не успеть к началу спектакля. Мы были удивлены — как же артисты будут играть под воздействием самогона? Я, например, думала, что сегодня у них свободный день. Поняв причину нашего недоумения, Нина нас успокоила:

— Все будет хорошо. Главное — Васе больше не давать пить. За остальных можно не переживать. По опыту известно. Но если вы отправитесь с нами... Ну, я поняла, что вам документы надо посмотреть в примерке. Так заодно за Васей и присмотрите. А то мы там все разбежимся. Обычно дядя Виталя Васеньку опекал. А теперь вот некому.

— А жены у Васеньки этого нет?

— Нет, — резко ответила она, как отрезала.

Наверняка что-то за этим кроется. Еще одна загадка. Ну что ж, в театр, так в театр! А далее — куда обстоятельства укажут.

Глава 11

За кулисами театра

Можно сказать, что я воспитывалась в театре. Я в нем выросла. И наивно полагала, что знаю о нем все. Что я в театре — как рыба в воде. Что за кулисами меня никто и ничто удивить не может. Однако первое, на что мы наткнулись, проходя за сценой в коридор, где и располагались гримерки, — это манекен с воткнутым в него ножом. Причем огромным. Вероятно, это был не нож, а какой-нибудь кинжал. Вот только непонятно — зачем он тут стоит, мешая всем? Геннадий Иванович пояснил, что сегодняшний спектакль — это современный детектив, Виталий Ганкин играл в нем небольшую роль — он выбегал на сцену, представляя матерого убийцу, и вонзал нож в спину жертвы. Но получалось это у него всегда криво-косо, а потому ему вменили в обязанность перед выходом, а, вернее, выбегом на сцену тренироваться на этом манекене. Чтобы не смешить зрителей. А теперь за него вонзает нож будет Вася Пудовкин. Раньше он был занят в массовке, представлявшей собой свидетелей.

— А Вася правильно вонзает? — поинтересовалась я.

— Надеюсь. Но еще не знаем. Первый спектакль сейчас будем играть после смерти Ганкина.

Мы уже подошли к нужной гримерке, когда ее дверь открылась, и оттуда высунулась голова Васи.

— Вы эту х... извините, хрень можете тут у меня поставить. Чего там об нее люди запинаются, — прохрипел он.

— Сейчас, Васенька, я скажу рабочим сцены, они принесут.

Геннадий Иванович исчез, а мы вошли в гримерку, где теперь хозяйничал один Вася. Мне было интересно, почему этот манекен сразу не поставили здесь для Ганкина.

— Что вы! Он его боялся. С фонариком мимо него сюда шел. Я один раз взял и поставил его сюда, так что тут было! Истерика!

— Но... он что-то при этом говорил?

— Ну да. Оживает, говорил, манекен-то. И его за собой как бы... тянет. На тот свет. Словом, полный бред. Думали, он специально так себя ведет, чтобы внимание к себе привлечь. Знаете, в его возрасте это иногда бывает необходимо. Но я-то думаю, что он, и правда, боялся. Ведь у него всегда руки дрожали. Как нож возьмет этот бутафорский, так и затрясется весь. И руки дрожат, и сам трясется.

— Было, было такое, — подтвердил вернувшийся Геннадий Иванович. — Я все думал — надо же, как старшее поколение в роль-то умеет входить... Учиться у таких надо. Ну, вот и прибыл наш... герой.

Рабочие внесли манекен, который, оказывается, состоял из нескольких частей, и стали его собирать.

— Вась, ты как настроен-то? По-боевому? — поинтересовался Геннадий Иванович.

— А то! За меня не переживайте. Хлопну его как положено, гада такого. Заразу...

— Ты чего, Вась?

— Две тыщи мне второй месяц не отдает. Вот сейчас у меня и получит. На спектакле.

— Эй, ты серьезно?

— Да ладно тебе, Генаха. Я ж мухи не обижу.

— А вы, дамы, спектакль-то посмотрите?

— Ну, разве что отсюда. Немножко.

Мы объяснили Васе причину нашего прихода. Геннадий Иванович принес в примерку стулья, усадил нас за стол и дал ключи, которые, оказывается, лежали у Ганкина дома, на комод. Однако они нам не понадобились — все ящики стола оказались открыты.

— Да он и не запирает их никогда, — заметил Вася. — Посмотрите, ключи-то отсюда? Может, ими как раз и заперто то, что вы хотите найти, только не в этом месте.

Мы признались, что сами не знаем, что собираемся искать. По большому счету, следует найти причины странного поведения Ганкина в последнее время.

— А чего странного-то? — удивился Вася. — Наоборот. Все у него хорошо было. Жена уплыла куда-то. Так и слава богу, он в Нинку влюбился. Сам говорил. Жизнь, признавался, прожил, а такого чувства никогда ни к кому не испытывал. Помолодел даже. Все говорил, что две у него задачи — личное счастье и... образование. Да, да, не удивляйтесь. Вы ящички-то открывайте, там у него книги по философии. Языки учить начал. Иностранные. Английский, французский, чешский.

— Чешский? — удивились мы.

— Ну да. В подлиннике, говорил, Гашека читать будет. Убеждал меня, что вообще все следует читать в подлинниках. И Шекспира. Он вообще молодец. К свету тянулся. Над миром, говорил, летать буду. Может, это он так фигурально выражал свою философию. А, может, о дельтоплане мечтал. Или о собственном самолете. Блин! Вот этот ящик открывайте! Он когда его открывал, всегда говорил про самолет...

Мы открыли. Там лежала черная папка. Как и во всех других ящиках. Всего папок было семь, и мы решили изучить их при Васе. Сначала открыли «самолетную» папку. Не удивились, обнаружив там билет до Москвы.

Поездка должна была состояться через две недели. Однако наша столица не была конечным пунктом путешествия Виталия. Из Москвы он, судя по документам, должен был отправиться ... в Прагу.

— Не зря чешский-то учить начал, — заметил Вася. — Да, еще он не раз говорил про точку.

— Какую точку? — хором спросили мы.

— Точку мира. Говорил, что следует, прежде всего, правильно ее выбрать. Точку отсчета. Вот он, видно, Прагу-то и выбрал.

Но почему именно Прагу... Мы все этим озадачились. Что могло связывать его с этим городом?

Мы стали открывать другие папки. В одной были стихи — вероятно, его, Ганкина. Они не были подписаны. Только даты.

Следующая папка содержала тексты его ролей. Вот уж что нам совсем было неинтересно!

В третьей папке лежали... путеводители по той же Чехии, а также по Франции, Греции, Испании, Португалии, Италии и еще какой-то необозначенной страны, похожей на Черногорию. Чувствовалось, что человек собирался в длительное путешествие. Мы поинтересовались у Васи, сколько сейчас получают артисты. Жалкая цифра привела нас в недоумение — на какие же средства Ганкин хотел осуществить свое зарубежное мероприятие? Может, он снимался в кино? Либо подрабатывал хорошие деньги иным способом? Оказалось, что никаких доходов, кроме зарплаты, у него не было.

Наконец мы добрались до последней папки, и она оказалась самой серьезной, открывающей нам хоть какой-то логический коридор в поисках. В ней были какие-то документы. Кстати, некоторые из них были несколько помяты — очевидно, их перебирали, причем делали это в спешке. Сверху, то есть первыми оказались аж три запроса к трем разным нотариусам, смысл которых — узнать, не оставила ли гражданка Шилова завещания касательно имеющейся либо имевшейся у нее недвижимости. Следующим посланием была просьба разъяснить процедуру вступления в наследство. Несколько обращений их автор Виталий Ганкин посвятил вопросам, которые явно волновали его более всего — через сколько времени после исчезновения человека и в том случае, если он так и не будет найден, его признают умершим? Порывшись в бумагах, мы узнали, что через пять лет. Из следующих запросов и ответов стало ясно, что через год исчезнувшего родственника признают безвестно отсутствующим... Все эти бумаги сопровождали квитанции об оплате консультаций юристов.

Итак, наследник первой очереди Ганкин намеревался завладеть некой собственностью своей жены Шиловой. Узнать, что это за собственность,

нам с Зоей Алексеевной не составит труда. Прямо из гримерки мы связались с Валентиной, а она через короткий промежуток времени сообщила нам сведения, добытые ею в их полицейском управлении. Ларчик открывался очень просто — Ирина Шилова получила в дар от своего родного отца, пропадавшего где-то многие годы, дом в Чехии. Отец ее, оказывается, был не перекаати-полем, а работал за рубежом и постарался сделать дочке такой вот подарок. Стало очевидно, что все поездки Ирины за рубеж были связаны именно с этим домом.

Когда, отыграв свою сцену, вернулся Вася, мы стали расспрашивать его о Нине, которая, понятно, должна знать больше, чем нам сказала. То есть — мы ее не отработали как следует. Не думали, что она может владеть нужной нам информацией. Он посоветовал нам поговорить с ней самой — оказалось, что ей, новенькой в этом театре, пока не предоставили жилья, а поселили прямо здесь, в бывшей костюмерной — в этом храме искусства оказалось двое таких поселенцев. Вася провел нас прямо к ним.

Нины в костюмерной не было, а ее напарница по комнате собиралась уходить. Она разрешила нам здесь разместиться и даже предложила чаю. Мы не отказались, ведь была возможность побольше узнать о ее соседке.

— А Нина ваша молодец. Держится. Хотя потерять любимого человека — это, знаете...

Мой пробный камешек долетел до девушки мгновенно.

— Знаю. Теряла. Только у Нинки дело не в любимом человеке. У нее жизнь рухнула. Все планы полетели. И любовь тут была не самое главное. То есть... Ну, она его уважала, понимаете? Готова была все для него сделать. А он — для нее. Ему, честно говоря, осточертели выходы его жены. Он просто устал. У него голова кружилась от одного упоминания этой особы...

— Откуда вы знаете? От Нины?

— Да что вы! Мы все об этом знаем. Весь театр. Видели же, как он маялся. Она ведь даже спектакли его не смотрела. Не надо ей это было. Все, небось, по мужикам ездила. И за ним совсем не смотрела, а он все-таки уже в возрасте. Нина же ему и стирала, и гладила. Да вон его рубашки лежат. Убрать бы надо...

Конечно же, нас более всего интересовали планы бедной девушки Ганкина.

— Пусть Нина вам сама скажет. А мне как-то неудобно. Да я и не знаю ничего. Поняла одно — они хотели вместе уехать за границу. Что-то у него там есть. Какое-то жилье. То есть — было.

Меня всегда мало интересовали собственные наследственные дела, однако... Если у Ирины Шиловой остался дом в Чехии, и наследник первой

очереди уже почил в бозе, как вроде бы и сама Ирина, то выступать на сцену должны наследники других очередей, среди которых могу пребывать и я. Но эта мысль змейкой убежала от меня, ведь жена Ганкина, возможно, жива, и ее просто надо искать!

Нина пришла усталая, ей пришлось убираться в квартире Ганкина.

— А через месяц — сорок дней, и Виталеньки вообще не будет на этой земле... Я с ним впервые почувствовала себя человеком... — с печалью в голосе проговорила она. — Виталенька будто чувствовал, что скоро уйдет. Каялся. Рассказывал мне, что давно-давно обидел одну девушку... И когда встретил похожую на нее, ну прямо почти одно лицо, да она еще была в беспомощном состоянии, то сразу решил ей помочь. Жениться на ней. И не подумайте, что он искал какую-то выгоду... Там не было ничего. Это уже потом...

Так, ясно. Что было потом, мы примерно знаем. А вот о беспомощном состоянии Шиловой хотелось бы узнать подробнее...

— Понимаете, из-за нее погиб человек. Брат ее, вроде бы. Виталик всегда рассказывал об этом с дрожью в голосе. Я уж не уточняла. И она, эта его жена, чувствовала себя виноватой... Но... я ничего не знаю... — Нина вдруг побледнела, откинулась на спинку стула и, застонав, закрыла глаза.

Пришлось вызывать «скорую».

Надо сказать, что в этот вечер мы долго не отходили от Нины, и только передав ее в руки соседки по комнате, покинули театр.

Глава 12

Доктор и донор

Все последние дни были очень тяжелыми для Ольги. А тут еще Олег стал оказывать ей усиленные знаки внимания. Это, конечно, было очень даже неплохо, но при другом раскладе. Ее одолевали дурные сны, давило трагическое открытие — оказывается, она способна на месть... А ведь это низменное чувство. Страшное, коварное и грязное. И тут — Олег со своей доброй, искренней улыбкой. Он никак не вписывался в сегодняшнее состояние Ольги. Она была неспособна даже слушать и слышать все, что он говорил. А, между прочим, из его слов давно можно было уловить нечестный, двойственный подход Анфисы Михайловны к передаче своей квартиры. Но Ольга не уловила. Что-то промелькнуло в сознании и тут же исчезло — мозг одолевали более существенные вопросы и сомнения. И неизвестно, сколько бы длилась эта мука, но все изменил и расставил

по своим местам звонок из того самого города, где перевернулась вся жизнь Ольги. Звонила медсестра санатория — ранее девушки были дружны. Она рассказала об уникальном случае, происшедшем с местным хирургом. А надо сказать, что хирург этот почти все свое свободное время проводил в их санатории, где работала его пассия. Так вот, недавно его прямо с дежурства увезли друзья — у них была встреча одноклассников. На природе, у речки и довольно далеко от города. Это имело существенное значение для всего происшедшего. Доктор отправился в вояж прямо со своим чемоданчиком, в котором много лет хранился его собственный хирургический инструментарий — домой его просто не успевали завезти. И — слава богу, потому что в разгар встречи одному из друзей стало плохо. Осмотр больного показал — нужна срочная операция. Доктор понимал, что везти человека в город слишком опасно, шансов на благополучный исход было очень мало. Операцию решено было проводить прямо на месте. В компании оказался еще один медик, который и помог хирургу справиться с задачей. И все было бы прекрасно, если бы... Прооперированному срочно понадобилась кровь редкой группы. Она оказалась только у одного человека. Но... Он наотрез отказался быть донором. И вот представьте ситуацию — больной, которому эта кровь жизненно необходима, и молодой мужчина, не желающий вникать в положение и спасти его. Времени у доктора практически не было, а потому он быстро подошел к молодому человеку, одним нажатием на нужную точку отключил его и спокойно осуществил прямое переливание крови больному. Это видели все присутствующие. Очнувшегося донора стали благодарить за спасение человека. Но он был взбешен, а через некоторое время подал иск в суд с требованием осудить доктора за насилие. И вот теперь вся медицинская общественность городка собирает подписи под петицией о прекращении этого разбирательства. И о поощрении доктора, своими действиями спасшего жизнь человека в экстремальных условиях. Ольгу приглашали присоединиться к этому движению.

Всю эту информацию она услышала, когда рядом был Олег. Вникнув в тему, он предложил Ольге отправиться туда вместе — он-де тоже будет бороться за справедливость. Она согласилась, подумав, что это избавит ее от лишней нервозности и придаст уверенности в своей правоте. Да и о будущем надо все-таки думать, как бы ни билась в сомнениях и оправданиях ее душа. Пора строить семью. Может, с Олегом у нее это получится. Главное — поставить точку в истории с той трагедией. Светлая память о Юрочке поможет ей в этом. А еще она чувствовала, что не зря ее позвали в тот город. Не случайно. Именно там и именно сейчас она получит какую-то важную для себя подсказку.

Странно, но именно так и получилось. Они с Олегом приехали утром, и сразу пошли в санаторий. В зале для торжественных мероприятий уже собирались люди, чтобы защитить своего доктора. Пришли не только те, кого он когда-то оперировал, и их родственники, но и просто равнодушные к чужим бедам. Ждали приезда важного чиновника из областного центра. Бывшие коллеги встретили Ольгу с Олегом, и повели их в комнату, где находился «виновник торжества». Он был спокоен и даже улыбался. На столе перед ним стоял самовар, который медсестры когда-то подарили доктору, любившему забегать к ним на чай. Вокруг самовара сидели исключительно мужчины, в основном их, санаторские, и горячо спорили вовсе не о нравственных принципах медицины, как можно было подумать, а о... мистике.

— В природе все взаимосвязано и все предопределено, — утверждал один из них.

— Не факт. Что предопределено, — заметил доктор.

— Ну, хорошо, хорошо. Но эта взаимосвязь не должна же работать против самой природы!

— Разумеется.

— И как тогда понять, что высшие силы разрешили сделать тебе операцию прямо на лужайке, они явно помогли тебе в этом — пациент-то жив-здоров!

— Вы что, вообще отрицаете мастерство хирурга? — спросил другой.

— Никто ничего не отрицает.

— Так при чем тут высшие силы?

— Э, нет, коллеги, — сказал доктор. — Я чувствовал помощь этих сил. Вероятно, самой природы. Неважно, как мы это сейчас назовем.

— Стоп, стоп, вы не даете мне закончить мысль! — снова заговорил тот, кто затеял весь этот разговор. — Я ведь вот о чем. Они, — указал он глазами в потолок, — тебе точно помогли. Или Господь Бог. Но почему они тогда допустили этот инцидент? С кровью? С донором? Как-то... небрежно тут сработали. И ты вынужден был вырубить этого молодого донора. За что сейчас и страдаешь.

— Видно, там, наверху, тоже промашки бывают... — рассмеялся доктор и тут же снова стал серьезным: — Слушайте, о чем мы говорим! Суть жизни — это не гладкий камушек, каких много у нас на Волге. И свой поступок я никак не считаю ошибкой.

— Мы тоже не считаем, — хором заметили сразу несколько человек.

Вокруг доктора образовалось целое кольцо его защитников, людей, которые, как объяснили Ольге, писали различные петиции в защиту хирурга. Из массы голосов девушка выделила главное — адвокат намерен дока-

зять, что врач действовал в состоянии крайней необходимости. Естественно, готовился выступить на суде и сам спасенный. Но кто-то предположил, что будут и оппоненты, которые укажут на врачебные промахи. Заговорили о них. Вспомнили несколько случаев неправильных диагнозов, неудачных операций. Недобрым словом помянули врача, который вынужден был уволиться и уехать после редчайшей в своей практике ошибки, о которой судачил чуть ли не весь город. Ольге почему-то непременно понадобилось узнать, что это за случай, и она спросила об этом у своей бывшей подруги.

— погоди, Оль, да ведь ты должна знать. Здесь же была. Во всяком случае, я тебя тогда видела. На автобусной остановке. Я как раз кое-кого провожала и не стала тебя окликать. Все равно не успела бы, твой автобус уже подошел.

— Я что-то этого не припомню. Ты не ошибаешься?

— Конечно, нет, я же не слепая. Ну, раз говоришь, что не помнишь, значит, к парню какому-нибудь приезжала и не хочешь признаваться. Да я все понимаю. Жизнь-то продолжается!

Ольга решила быстро сменить тему и попросила все-таки рассказать о случае с женщиной.

— Да баба какая-то с ножевым ранением выползла из подъезда на тротуар и упала без чувств, — ответила та.

— Без чувств-с...

— Ну да. С ножом в груди. Кто-то вызвал «скорую». Приехал врач, зафиксировал смерть. Бабу увезли в морг. Да не в наш, он тогда закрыт был, а в соседний райцентр. А труп ночью сбежал. То есть — эта баба. Надела халат, тапочки — и вперед! Даже личность установить не успели.

— А потом-то установили? Ну, когда нашли?

— Так ведь не нашли. И знаешь, какая у доктора фамилия была? Крупов. Его потом все Труповым звали.

Шум в коридоре усилился, люди пошли к выходу. Выстроились перед зданием суда. К ним вышел адвокат и заверил всех, что не сомневается в полном оправдании доктора. Однако приготовленные бумаги с подписями собрал и посоветовал всем разойтись.

Ольгу позвали в санаторий — пообедать, отдохнуть, предложили там же и переночевать. Но она заверила коллег, что ей необходимо вернуться — ухаживать за старушкой. Да и не одна она. С Олегом.

Обратно она ехала с легким сердцем и плохо слушала то, что говорил ее спутник. А он, оказывается, все это время провел на Волге и даже успел покататься на лыжах, которые взял в местном парке напрокат.

— И на коньках хотел — там дорожки парковые залиты, представляешь? Да побоялся тебя потерять. Ты ведь на звонки не отвечала.

Ольга посмотрела на свой мобильник — действительно... Она прижалась к Олегу, ей было спокойно и уютно. Та женщина лежала с ножом в груди. В груди! Да уж не приснилось ли ей все, что когда-то якобы с ней произошло? Или это было в каком-то другом измерении? Нож в груди... Вот лично она, Ольга, даже если бы отчаянно ненавидела женщину, никогда бы не смогла ударить ее в грудь. Это совершенно исключено. И кто же виноват в том, что эта женщина лежала на дороге с ножом в груди? Ведь кто-то виноват...

Приехали в город, где им следовало пересесть на электричку. Им не повезло — надо было ждать до позднего вечера, количество электричек сократили. В глаза бросилась афиша известного провинциального театра, и они решили сходить на спектакль. Зал оказался полупустым. Пьеса — современная, зарубежная, спектакль — с массой условностей, абстрактных решений. Они сидели в первом ряду, освещение было прекрасным, поэтому, когда на сцену выбежала новая героиня, Ольга ее очень хорошо рассмотрела. И похолодела. Она видела эту девицу! Там, возле дома ее Юрочки. Юрасика. Когда его уже не было в живых... А эта сволочь, Ирина, совершила свой очередной вояж в родительский дом... Девица попала ей на глаза два раза — стояла за кустами возле подъезда, а она, Ольга, шагнула туда совершенно случайно, уступив место на дорожке молодой маме с коляской. А второй раз эта актриса обнимала на улице мужчину, Ольга видела лишь его спину и седые, какого-то желтоватого оттенка, редкие волосы. Но девица была там именно тогда, когда... Когда — что? Ольга не хотела отвечать на этот вопрос.

Первое действие закончилось, и она стала искать программку, чтобы узнать фамилию актрисы, но они в этот раз почему-то не продавались. Тогда она узнала фамилию у дежурной по залу. Старцева. Нина. Та же дежурная помогла ей вызвать актрису из-за кулис в коридор — Ольга объяснила, что им надо срочно уходить из театра, а так хочется выразить актрисе свое восхищение. Олег смотрел на все эти манипуляции с любопытством и некоторым недоумением. Актриса появилась из боковой двери в накинутом на плечи рабочем халате и позвала Ольгу за кулисы. Ольга шагнула к ней и тут же остановилась, не зная, как поведет себя актриса после ее откровений. Дверь осталась чуть приоткрытой, и за ней стоял Олег.

— Нина, а я вас видела! — И она рассказала Старцевой, когда и где именно.

— Не знаю, о чем вы...

— Знаете. Но она осталась жива.

— Как?!

— Что — как? Как жива осталась? Так ведь рана, видно, была неглубокая. Я так думаю...

— Не может быть... То есть, не может быть ничего из того, что вы тут наговорили! Нигде я не была, никого не видела, ничего не знаю! А вы шантажистка, что ли? И — слава богу, что кто-то остался жив, а не оказался в морге.

— Оказался.

— Как это понимать?

— Бывают ошибки. Нина, я не обличать вас пришла. А... сама не знаю, почему. Хотя я для вас — нежелательный свидетель. Но ликвидировать меня вы не сможете. Потому что вон там, в дверях — мой защитник. Она сбежала из морга. И сейчас никто не знает, где эта женщина.

Ольге показалось, что Нина не слишком испугалась. Быть может, она и не виновата ни в чем?

Прозвенел третий звонок. Старцевой надо было идти на сцену. И она пошла. Не оглядываясь. Ольга и Олег вышли из театра и отправились на станцию. Всю дорогу колеса электрички выстукивали для Ольги одну фразу: не виновна, не виновна, не виновна...

А она? Эта жалкая Нина? Может, тоже непричастна к тому убийству? То есть — к покушению на убийство. А может, побег из морга все же привел к трагедии, никто ведь не оказал раненой необходимую помощь?

Всю дорогу Олег что-то ей говорил, гладил ее руку, обнимал за плечи, но она ничего не слышала и не чувствовала. Зато твердо решила для себя немедленно рассказать обо всем, что узнала, этим двум сыщицам — Зое Алексеевне и писательнице, то есть мне, поэтому, выйдя из электрички, отправилась прямо к Анфисе Михайловне. Было уже поздно, но она уверенно позвонила в дверь. Олег, которого она не замечала уже более часа, стоял рядом. Он понимал, что с Ольгой происходит что-то непонятное, связанное с событиями прошлого, и решил, что обязан довести ее до дома в целости и сохранности.

Анфиса Михайловна долго не открывала — она спала. Вторжению Ольги и Олега не удивилась — в последние дни жизнь вокруг нее просто кипела. Ольга вмиг выложила ей все, что узнала в том городке, а также в театре. Анфиса Михайловна помогла ей связаться с Зоей Алексеевной и со мной. Что ж, Шилова, оказывается, действительно находилась в морге, но — живая! Правда, это ни на шаг не продвинуло нас в ее поисках. А вот встреча

Ольги с Ниной нас особенно заинтересовала. Вот тебе и скромненькая актриса-травести, играющая в театре девочек и мальчиков. Она, видимо, захотела быть героиней. Либо просто, влюбившись в этого Ганкина, решила ему помочь. И себе, если связывала с ним свое будущее.

Именно над этим ломали мы голову следующим утром. Встретились у Анфисы Михайловны рано — было что обсудить. Казалось, все так просто — Ганкин и Нина, несмотря на разницу в возрасте, обрели друг друга. Предположим. Бывает. Так ведь самый простой путь для нашего героя — развестись с женой и жениться на этой Нине. И беготня жены по городам и весям, все эти метания никак не могут быть помехой. Тут другое. Есть причина, по которой им было необходимо, чтобы она исчезла навсегда. И в связи с тем, что мы успели узнать, причина только одна — Шилова владела дорогой недвижимостью. А муж — наследник первой очереди. Попытался убить ее сам Ганкин или преданная ему Нина — мы не знали. Да, видимо, уже и не узнаем никогда — его нет, а Нина, даже если и взяла тогда в руки нож, всячески будет это отрицать.

— А вы, Наташенька, тоже ведь наследница получаете... — вдруг полушутя, полусерьезно произнесла Зоя Алексеевна.

— Да и вы не совсем в сторонке, — мгновенноотреагировала я, — недалеко от меня ушли. И вот ведь незадача, только сейчас вспомнила — именно в тот день я так и не смогла до вас дозвониться... Вы все время были вне зоны доступа...

— А почему это вы, Наташенька, так хорошо запомнили тот день?

И правда, почему? О, господи! Да это же был день гибели Алеши! То есть — Юры... Ну да, мне позвонила родственница и напомнила — надо, мол, сходить в церковь... Про это я и сказала Зое Алексеевне.

— Ну и что? А мне-то ты чего звонила? Ты ведь не знала, что мой Ганкин — муж твоей Шиловой.

Не знала. Но звонила. Вспомнила!

— Я же хотела вам рассказать как детективу про Юрочку... Просто — еще один эпизод в вашу криминальную копилку. И вообще — до чего мы дойдем, подозревая друг друга!

— До истины...

— Истина всегда где-то рядом, — заметила Анфиса Михайловна. — Вот сейчас — у меня на кухне. Чай свежий заварен, а уж пирожные какие! Вчера соседка принесла, свой бизнес открывает, просила помочь через вас с юридическими делами и с рекламой. Я согласилась.

Прекрасно! Она уже распоряжается нашими талантами и временем. Но пирожные были так замечательно вкусны, что мы промолчали.

Глава 13

С чистого листа

Пока я пристраивала Людмилу, которая снова рвалась в театр, хотя ее будущее явно не позволит ей сделать сцену своим главным жизненным интересом — на смену придет другой, с пеленками, то бишь памперсами, мы несколько затормозились в своих поисках. Но уж когда вездесущая Валентина добыла нам адрес зарубежного дома Ирины Шиловой, то оставаться на месте было невозможно. Мы рвались в бой. Тем более что Людмила, узнав о нашем предстоящем путешествии, заявила, что без нее нам очень трудно будет обойтись, потому как она знает чешский язык. Ну, не так чтобы здорово, но сориентировать нас в чужих краях сумеет. И спросить у местных жителей что-то несложное — тоже. Ибо у ее умершего мужа мать была чешка, и родной язык не забывала до конца жизни, что отчасти передалось и ее сыну.

Наша славная троица — мы с Людмилой и Зоя Алексеевна — оформили все необходимые документы и отправились в Прагу. Прилетев туда и выйдя из здания аэровокзала на площадь, мы осмотрелись по сторонам, и, когда увидели вереницу автобусов, готовых отвезти нас куда угодно, Людмила уверенным тоном произнесла:

— Нам нужен автобус с надписью — «хлавни надражи», это значит — на вокзал. Оттуда до Теплице идут электрички. «Влак» — поезд. Учите, привыкайте. Нам надо будет купить билеты — «изденки». И к каждому билету — «мистенку», посадочный талон. Интересно, а сколько времени надо ехать до вокзала? Сейчас спрошу.

Произведя все указанные ею действия, мы заняли свои места в автобусе.

Пока ехали, почти не разговаривали, любуясь ухоженными дорогами, аккуратными домиками с изобретательными оградами и замечательными приспособлениями для цветников. Разговорились только в электричке. И то — не без повода. Когда мы усаживались в свои кресла, Людмилу случайно задела за локоть какая-то женщина, пролетев мимо, стукнулась об какого-то мужичка и повисла у него на шее. Мы поняли, что именно его она и искала. Они уселись неподалеку от нас, в поле, так сказать, видимости. Между тем электричка плавно покатила вперед.

— Вить, смотри, сейчас здесь будет очень интересное здание, — сказала своему спутнику эта девица-красавица.

— А откуда ты... О, мы начинаем прогрессировать. Кать, ты ощутила в себе что-то... новое?

— Сама не пойму.

— А дальше что будет? Помнишь?

— Парк.

— Красивый?

— Обычный.

— Катя...

— Нет! Только не Катя. А как там по паспорту-то? Ирина? Ира...

— Может, это и правильно. Оно и есть.

— Есть. Мизерная надежда, что это оно. Пока не знаю.

Я, очень заинтересовавшись их диалогом, вытащила из сумки книгу и пересела от боевых своих подруг на другое сиденье, поближе к парочке.

— Вить... А у меня уже ничего не болит...

— Вот и славно.

— И я вообще, может, самый счастливый человек.

— Ну, счастлива ты будешь тогда, когда...

— Знаю. Только и сейчас мне хочется побыть счастливой. А? Как ты на это? Кстати, намерен ли ты, уважаемый Виктор, на мне жениться? Вопрос ребром. Потому что потом это уже может показаться мне браком по расчету.

— Как же я могу жениться, если не знаю, на ком?

Этот потрясающе нелогичный вопрос поставил меня в тупик. У Виктора, очевидно, есть выбор, и он колеблется. Что ж, брак — это на всю жизнь, можно и поколебаться, проверить себя.

— На мне...

— Вот я и говорю...

Опять никакой логики!

Тут меня позвала Людмила, и я, оставив книгу, на минуту подседа к ней. Однако по возвращении на прежнее место книги я не обнаружила. Исчезла и парочка. Конечно, их можно найти, если пройтись по вагонам. Только надо ли?

Мы увидели их в Теплице, когда они уже сошли с электрички и направлялись к вокзалу. Сердце мое вдруг екнуло — женщина шла, несколько оттягивая левую ногу. Нет, она не хромала, этот разлад был неуловим для посторонних, но только не для меня, потому что почти вся наша родня по отцу вот так же чуть приволакивает левую ногу!

— Она нашлась, — тихонько сообщила я эту сногшибательную новость своим спутникам.

— Кто?

— Девочки, вот она! Ирина Шилова. Жена вашего Ганкина. Вдова. И моя... ну, словом, родственница.

Дамы приостановились, но тут же, увидев, что Ирина Шилова и этот Виктор бодро пошли по улице, презрев транспорт, ринулись за ними. Было ясно — они знали, куда шли. Она, во всяком случае.

Мы с Ириной встречались крайне редко, в основном в детстве. И в то время она уже отличалась авантюрными проделками дворового, так сказать, масштаба. Затем масштаб, как мы знаем, значительно увеличился. Во всяком случае, рассказы родственников в этом плане были необычайно интересны. А мой хороший друг, майор Леонид Гаврилович Серженко, придумал для подобных дам совершенно изумительное слово, весьма подходящее для их образа жизни, а, главное, для той грани риска, за которую не стоит переступать. Слово, производное от... «заразы». Согласитесь, назвать так женщину, пусть даже очень плохую — грубо, неинтеллигентно, пошло. А вот если сказать — «заразетта»... Вот это слово уже сияет, словно звездочка, играет в пространстве, танцует под одним им слышимую музыку и прямо просится на язык. Однажды при ней я его как-то обронила, так она чуть не задохнулась от восторга. Но это было давно. Помнит ли она его теперь?

Мы синхронно печатали шаг: они двое — впереди, мы трое — за ними. Расстояние между нами было не очень большое. Во всяком случае, чтобы они нас услышали, кричать совсем не надо. Поэтому я, увидев приближающийся поворот, четко, с нажимом, произнесла:

— Заразетта...

Она встала как вкопанная, потом резко обернулась и задала мне очень странный для данной ситуации вопрос:

— Как тебя зовут?

Нет, какова наглость!

— Александра... Македонская!

— Александра... Но ведь это неправда!

Ко мне подошел ее спутник и тихонько попросил все же назвать мое имя.

— Я — Наталья. Наташа. Ира, а почему ты спрашиваешь? Я же вижу — ты меня узнала. Просто тянешь время.

— Ира... Виктор, ты был прав. Я — Ира. Наталья, подойди ко мне поближе. Я не могу с места сдвинуться. Шок, что ли...

Я подошла.

— Наталья, назови мою фамилию. Очень тебя прошу.

— Девичью?

— Ну да.

— Шилова.

— Шилова. Точно! Витька, я — Ирина Шилова! Как замечательно, что мы тут встретились! Сейчас я раскачаю свои мозги и вспомню все! Все,

понимаете? Все-все! И кому-то будет от этого очень, очень плохо! Это не ты меня... ножичком-то порезала, а? А потом выследила, да здесь и выловила... Смотри, Наташка! Да и ваше лицо, мадам, мне кого-то напоминает... — Последнее обращение относилось к Зое Алексеевне.

— Конечно, напоминает, — не моргнув глазом, ответила она. — Ведь вы были замужем за моим братом, актером Ганкиным. Который вдруг внезапно умер прямо в театре.

— На сцене?

— Ну, почему на сцене? В коридоре, во время репетиции. И не вы ли ему в этом помогли?

— Как это? Да и не помню я никакого Ганкина. Убили меня. Вернее — думали, что убили. А я вот... жива осталась. Витя меня спас от жизни в интернате для психов. Словом, от медленной смерти. А у него, значит, была быстрая смерть... И у меня — быстрая... С ножом в груди... Но вроде как притормозила. А вы люди-то хорошие?

— Хорошие, Ира. Мимо чужого горя не пройдем.

— Так, значит, нам по пути. Или у вас тут свои дела?

— Да нет. Мы из-за тебя приехали. Найти тебя хотели — раз. Порадоваться за твое приобретение — два. Полюбоваться на него — три. Ну а четвертое — понять, кто кого хотел убить. За что, и почему.

— Что, вот не жить вам без этого, а?

— Да вот, не жить, Ирка!

— Ну, так и айда с нами! Знакомь, Наталья.

Мы все представились друг другу. И тут же засыпали Ирину вопросами. Но выяснилось, что память у нее пока еще слаба. А потому мы выложили ей все, что про нее знали. Больше всех был доволен Виктор. Он рассказал, при каких обстоятельствах они познакомились, и как, устроив ее побег из клиники, он в прямом смысле слова ее спас. Огорчило его лишь то, что у Ирины был муж. Мы подробно рассказали, как он умер.

— Он же вроде старенький был, — заметила Ирина.

— Почему вроде? Он действительно был старик, — отрезала я.

— Странно, но я его плохо помню, — призналась она.

Я поинтересовалась, чего это она моталась в тот городок, где в ресторане висел ее портрет. Делать ей там вроде бы и нечего...

— Что я там делала... Что же я там делала... О, вспомнила! Я там очищалась. Ну, исправлялась. От дурных каких-то привычек.

— Что-о-о?!

— Ну, мне муж...да, вроде бы именно муж сказал, что в этом городе люди очищаются от зла. Он признался даже, что однажды обидел там какую-то девицу. Сильно обидел. И возвращался туда не раз, вроде как молился.

Но не в церкви. А, может, и в церкви. В общем, в этом городе просил прощения у высших сил. Ему это помогало. Вот и я решила действовать так же. Как только что-нибудь хреновое сделаю, так и еду туда. Даже останавливалась у одной и той же женщины. А когда денег не было, подрабатывала там.

— В ресторане, — добавила я.

— Ну да. А ты откуда знаешь?

— Шла по следам. От твоего портрета в том питейном заведении.

— А-а-а...

— Ганкина-то вспомнила? Мужа своего?

— Вроде вспомнила. И какие-то девицы перед глазами... С ножами...

Блин!

— А город родной не снился? Где тебя нашли раненую и в морг отравили?

— А, так вот как я там очутилась. А знаешь, Наталья, — я ничего не хочу помнить. Я жизнь начинаю заново. Вот с Витей моим. Со спасителем. И будем считать, что не было у меня никакого прошлого. Ни хорошего, ни плохого.

— Но разве ты не хочешь узнать, кто тебя убивал? Не хотел убить, подчеркиваю, а — убивал! Этот человек, эти люди должны понести справедливое наказание.

— Перестань, Наташка! Это только там, наверху, могут решать, что справедливо, а что нет. Я-то ведь не подарок. А вот для Витеньки моего хочу именно подарком стать. Как ты на это смотришь, Вить? Не передумал брать меня в жены в связи с открывшимися обстоятельствами?

— А знаете, как по-чешки сказать — создать семью? Упадете сейчас! — засмеялась Людмила. — «Заложить родину»!

— О, так вот почему, Вить, меня на этих словах тогда словно перевернуло всю! Представляете, Витюша мне рассказывал, как деньги хотел добыть, чтоб хозяйство свое завести. Кто-то ему в шутку это и произнес. Без всякого чешского смысла. Вообще-то я представляю себе семейную жизнь тихой, спокойной, в трудах и заботах. В работе на земле. Чтобы вместе расцвет встречать. Отдыхать, на вечернюю зарю любоваться. А тут детектив какой-то... Я, Катерина... То есть — Ирина, боюсь чего-то... Вдруг ты еще чего вспомнишь, а я не смогу это вынести...

— Есть такая опасность, — не преминула заметить я. — Не все гладко было в биографии нашей девицы-красавицы. Но твое намерение, Ира, начать все с чистого листа мне нравится. Только чистый лист предполагает чистые помыслы. Без обмана. Иначе сразу появятся грязные пятна на белом...

— Ох, ты права. Я ведь приехала сюда по чужому паспорту.

Тем временем мы дружно приближались к улице, на которой находился дом в статусе отцовского подарка Ирине. Точный адрес у нас был, но мне лично хотелось, чтобы Ирина сама вспомнила, сама нашла свой дом — ведь мы знали, что она тут бывала. Она же шла медленно, оглядывая изгороди, окна, крыши, деревья... Возле одной калитки остановилась, словно принохиваясь, постояла и у следующего дома, положив руку на штакетник, словно ждала какого-то сигнала, потом двинулась дальше. Когда мы оказались рядом с ее домом, я подумала, что сейчас она разволнуется, с трепетом откроет калитку и так далее, но она спокойно, не оглядываясь на нас, одним движением открыла дверь палисадника и по-хозяйски зашагала к крыльцу. У входа висел колокольчик. Она заставила его прозвенеть несколько раз. Звук был мелодичным и каким-то печальным. Никто на него не ответил, никто из дома не вышел.

— А у меня ключа нет, — призналась Ирина.

— Ну... Я-то на что... Сейчас попытаемся проникнуть в твои владения...

— В наши, Витя, в наши.

Стараниями единственного нашего мужчины мы вошли в дом. Я очень люблю старинные деревенские вещи — разные там сундуки, горки, резные комоды, всего этого в русских деревнях пока еще немало. Однако чешская мебель, которую мы увидели, сильно отличалась от нашей. И не только своим орнаментом. Шкаф тут, например, был очень широкий, стол — с очень толстыми ножками, горка увита деревянной резьбой, олицетворяющей гроздь винограда. С мебелью, значит, папа дом-то купил, и с половиками домоткаными. В этот старинный интерьер никак не вписывался современный холодильник. Да и не надо ему было ни во что вписываться — он стоял в прихожей, в уголке, и лишь при входе в дом попадал в поле зрения и оказывался частью общего интерьера. Вся старина — в большой комнате, а он — рядом с современными вешалками и ящиками для обуви. А еще в доме была спальня. И кухня. Именно там мы сели и перевели дух.

— Господи, и это все мое... — прошептала Ирина.

— Конечно. Потому тебя и хотели убить...

— Не надо, Наталья! Ты мешаешь мне быть счастливой.

— Надо, Ира, надо, — заверила ее Зоя Алексеевна. — Только так ты будешь чувствовать себя в безопасности.

— Да я с Витей и так чувствую себя в безопасности, — прошептала она.

— А надо, чтобы вы оба жили здесь с легким сердцем.

— Как это — жили? — вскинулся Виктор. — А моя деревня? Хозяйство? Овцы мои, козы? Недавно завели. Корова...

— Малинка, — добавила Ирина.

— Да малину вы и тут насажаете, — заметила Людмила.

— Корову зовут — Малинка. Умная, с челочкой. Красавица! Продавать придется...

— Не придется, — твердо произнес Виктор.

— А как же мы... Одной ногой — здесь, другой — там... Не дело, Витя.

— Да нешто мы не придумаем! Поживем тут, оглядимся. Не сейчас, конечно, а когда ты вновь себя обретешь. И бояться ничего не будешь... Когда те, кто зла тебе желал, покаются перед тобой... А вы знаете, кто эти люди? — обратился к нам Виктор.

— Думаем, что да. Муж, скорее всего, нанес ей удар...

— В смысле — развестись хотел, что ли?

— Да нет. В прямом смысле. Ножом. Так мы думаем. И так получается по всем свидетельствам. И девица одна с ним была. Актриса. Она помогла. То ли подстраховывала, то ли именно она нож в ход пустила... пока не знаем. И еще одна дама постаралась. Но та — не из-за дома этого зарубежного, дорогого. Для нее дороже всего был молодой человек... Брат Ирины. Родной. Юрий. Она считала и считает, что этот юноша погиб из-за тебя, Ира, и не может простить. Она тоже могла взять в руки нож...

— Юрочка... Сколько я слез из-за него пролила... Виновата... Прошрое мое виновато... Вот ты, Витенька, сказал, что если узнаешь про меня еще что плохое, то и повернешь назад. От меня, значит. Так вот, хуже смерти Юрика и нет ничего. Я ведь сейчас не просто вспоминаю себя... И не просто раны свои залечиваю... Я — перед судом. И ножи эти, и морг, и вся моя боль, скитания — это суд. Знаю я девушку эту, Олю. Они с Юрой хотели пожениться. В ноги ей упаду... Руки ее целовать буду... А перед мужем не виновата. Ведь он как узнал про этот дом, так его словно подменили. Вот уж перед ним виниться не стала бы... А его-то не убили? Нет?

— Нет. Сердце. Инфаркт.

— Ну, значит, мне как-то попроще будет... Эх, скорее бы весна! Вы не представляете, как тут красиво! Сколько цветов! Какие краски! В воздухе — блаженство неземное... Преображает, завораживает...

Наша, наша порода! Такими вот словами описывать обычную земную красоту, которой у нас в России — хоть вагонами грузи!

Мы прожили у Ирины около недели, несколько раз съездили в Прагу, осмотрели все достопримечательности. Пили знаменитое чешское пиво. Нашли знакомых, приехавших лечиться в местный санаторий. Они уверяли, что лечат здесь не хуже, чем в Карловых Варах. Виктор сумел оформить все необходимые платежи за дом. Никто из соседей к нам не заглядывал, здесь это не принято, не то что у нас. Когда мы с мужем купили дом

в деревне, к нам каждый день наведывались ближние и дальние жители с вопросами — кто мы, откуда, да почему поселились именно здесь. И это хорошо, это правильно.

Все эти дни Ирина говорила только о настоящем. И о будущем. И ничего — о прошлом. Как отрезало ее от этого прошлого. Наверное, правильно. Чистый лист был бел, как снег у нас в России. А здесь за окнами были лишь подтаявшие серые пятна.

Обратно мы отправились все вместе, дав друг другу обещание не расставаться надолго и все проблемы решать сообща. Забегая вперед, скажу, что нам это прекрасно удалось.

Глава 14

Бог-изобретатель

Путешествие — это всегда обновление. Возможность посмотреть на все произошедшее со стороны и дать ему более точную оценку. И разобраться в психологии наших действующих лиц. Анализируя все, что случилось в той ужасной квартире, где убили Юрия и покушались на убийство Ирины, во дворе, куда тайком пробрались Виталий Ганкин с актрисой Ниной Старцевой, Ольга со своей обидой и жаждой мщения, мы словно увидели спектакль, поставленный неведомым режиссером с корыстными помыслами, жестокими намерениями, с умением манипулировать человеческими судьбами ради... А вот ради чего? И зачем обвинять незримого режиссера? Тут каждый — сам себе режиссер. А уж все эти режиссеры, как правило, и актеры хорошие! Сколько бы ни молился тот же Ганкин, сколько бы ни валялся в пыли своих покаяний, надежд и разочарований, сущность его особых изменений не претерпела. Просто корабль разбился, его, словно щепку, прибило к берегу на старости лет — влачить довольно жалкое существование. И тут появляется Ирина, так похожая на меня, униженную им, обиженную, но, очевидно, все-таки желанную. И вот он уже не жалкий старик — к нему вместе с моим образом возвращается молодость, он уверен, что сможет начать жизнь заново и что при этом не будет прежним, сумеет избежать гадких мыслей и позорных поступков. Он так в это верит, что оказывается именно в таком положении и состоянии. Но Ирина похожа на бильярдный шар у плохого игрока — ее кидает то в одну, то в другую сторону. И Ганкин понимает, что ему все-таки придется играть роль щепки, которая никак не может прибиться к берегу. И вдруг Ирина благодаря своему отцу обретает вес и становится хозяйкой

положения. Богатой и уверенной в себе хозяйкой. Но бильярдный шар все равно катится совсем не туда, куда ему положено по правилам хорошей игры, сумбур в жизни Ганкина не кончается, зато обретает довольно опасные формы — жена ездит непонятно куда и с кем, и брак их оказывается под угрозой. Спасение есть. Жестокое спасение. Конец жизни, терять уже нечего. Но и уходить вот так, с пустыми руками и разбитым сердцем, не хочется. А сильно хочется того, чего не было — семьи, уюта, надежной опоры в жизни. Высокого смысла. И — любви. Думаю, Ганкин не колебался ни минуты, выследив и застав свою жену в ее старом доме и, очевидно, в неменяемом состоянии. В разобранном, так сказать, виде. А разве можно быть собранной при таком образе жизни? Бесшабашные путешествия на грани риска выматывают душу, и тут не спасет никакая зарубежная недвижимость, будь она хоть на Канарах, посреди теплого синего моря. Нож? Конечно, нож. Ему было не так уж трудно ударить ее. Наверняка планировал — в сердце, но немного промахнулся. Глупо спрашивать — а было ли человеку стыдно. Он остался таким, каким был в молодости. И я еще раз убеждаюсь — человек не меняется. Он может убедить окружающих, что изменился, но в глубине души будет посмеиваться над теми, кто в это поверит. Он сделал подлый, решительный шаг для своего полета. Вместе с Ниной, она была в те минуты его опорой. Они вдвоем наблюдали, как Ирина, выбравшись из дома, упала на дороге. И успокоились лишь тогда, когда врач констатировал смерть.

При этом мимо проходили люди, но, думаю, все они слились у них воедино в какой-нибудь серый фон, на котором и шел этот спектакль. Не привлекла их внимания и старушка, зашедшая в подъезд позже Ганкина и вышедшая оттуда с дрожащими руками... Кофточка-то на спине Ирины была разодрана не просто так... И нож, уже второй нож за несколько минут, не причинил Ирине вреда лишь по одной причине — он шаркнул по кожаной безрукавке, прикрытой сверху красивым вязаным платком — и то, и другое Ирина, как выяснилось, приобрела в Праге. Ольгин удар и вывел ее из состояния шока, позволил ей выползти из квартиры и из подъезда. То есть этот удар, можно сказать, ее спас. К сожалению, больше она ничего не запомнила. А мы восстановили всю эту картину по отрывочным сведениям Ольги и немного — Нины. Она клялась нам, что ни о чем не знала, ни в чем не виновата, что Ганкин оставил ее во дворе и сказал, что ему надо зайти в одну квартиру и «произвести там решительные действия», именно так он выразился, для того, чтобы жили они долго и счастливо.

— Честно говоря, я подозревала, что это как-то связано с его женой, но думала, что речь идет об оформлении каких-то бумаг, — божилась Нина.

— Ох, Ниночка, и что же, вы стояли с вашим любимым и равнодушно смотрели на то, как на дороге корчится в муках женщина?

— Ну да, смотрела. Так ведь ей вызвали «скорую». А я и не знала, что это жена Виктора. Мне не до нее было. Ему вдруг стало плохо, и я его успокаивала...

Белая и пушистая. Хотя на самом деле все было несколько иначе. И пусть это останется на совести Нины, потому как ее не ухватить зубами уголовного кодекса?

Много, слишком много вопросов. Черное и белое в жизни — это полный бред. Жизнь — это все краски мира.

А знаете, где находилась больница, в которую попала потерявшая память Ирина, и из которой она бежала вместе со своим суженым? На трассе, ведущей к... ювелирной фабрике! К поселку ювелиров. Вот вам и ясно-видящая Мария! И ее «путь к золоту». Ох, как мне захотелось ей позвонить, сказать об этом! Мы с Людмилой долго колебались, тревожить ли больного человека, но решили, что она должна знать — ее предсказание сбылось, это прибавит ей силы. Мы дозвонились быстро, но Ванечка сказал, что мама в больнице, чувствует она себя гораздо лучше, и что он ей все передаст. Скажу сразу — мы разговаривали с ней спустя несколько дней, и нам показалось, что эта женщина еще не исчерпала свою жизненную энергию...

Помните утверждение про ружье, висящее на стене, которое обязательно должно выстрелить? Иначе — зачем висит? То есть — ничего случайного. И я, перебирая всех действующих лиц этой истории, уже несколько раз останавливалась на Денисе, первым вызвавшимся ухаживать за Анфисой Михайловной. Непричастен! Случайный человек. Вот тебе и ничего случайного. Но так я думала до тех пор, пока Анфиса, рассказывая нам о своих хитромудрых уловках для приобретения жизненных красок, не назвала его фамилию. Крупов! Тот самый медик, который и отправил Ирину прямиком в морг, а потом и сам уехал из того городка — от насмешек и неловкого своего состояния. Переехал на новое место, ощущая потребность сделать что-то благородное и хорошее, чтобы вновь обрести самого себя. Ошибки бывают с каждым. Обрел. И, поняв чувства и намерения Ольги и Олега, отошел в сторону. Исчез. Работает в клинике — уверена, что успешно. Можно подумать — а зачем ему вообще было соваться к этой Анфисе? Она что — больная, калека? Обретал бы себя в больнице, там явно немало сырых и убогих. Но он увидел в ней свое собственное одиночество, почувствовал родственную душу. Хотелось быть нужным человеку не в экстремальной ситуации, не во время его кризисного состояния по медицинским показаниям, а просто в обычной жизни, за чашкой чая, за простым разговором.

Олег и Ольга здорово смеялись, когда узнали о проделках Анфисы с квартирой. Сейчас мы собираемся к ним на свадьбу. Анфиса настояла, чтобы торжество прошло у нее дома, среди своих. Но поскольку умирать она пока не собирается, то жить молодые будут в собственной квартире — обменяют свои маленькие квадратные метры на одну приличную жилплощадь.

Кстати, скоро мы увидим фильм, в котором снялась Людмила. Это — дипломная работа студента режиссерского факультета ВГИКа. Молодой человек углядел ее в массовке на «Мосфильме», и ее работа ему очень понравилась. А мой муж уже подыскал ей место в одном из московских театров. Не слишком знаменитом, но достаточно интересном. А поскольку снимать жилье моей Людмиле не на что, я определила ее в квартиру моей подруги, уехавшей в Германию. Поживет пока там. А когда появится сынуля... Ну, жизнь покажет и подскажет, что дальше делать.

Нина Старцева больше не показывалась, она ушла из театра, где работала с Ганкиным. В неизвестность. Но через Интернет мы узнали, что девушка с таким именем и фамилией уехала-таки из России и пребывает сейчас в одной из бывших наших союзных республик.

С трепетом пишу я обо всех этих людях, затрагивая их души, касаясь их чувств и мыслей. И вдруг — звонок.

— Наталья, я еду к тебе! Слышишь? Мне надо! И еще. Я хочу на свадьбу к Ольге!

Заразетта!

— Ты куда едешь-то? Я ведь в деревне.

— Знаю. Туда и мчусь. Зоя сказала, где это. Я уже в электричке. Из Ярика еду. Полчаса до тебя осталось.

— Эх, Ирка! Чего раньше-то спала? Я бы тебя на такси встретила.

— Сама примчусь, не бойсь! Не знала ведь, отпустит ли меня Витя.

— А вместе?

— Нельзя. Хозяйство.

После ее звонка я тут же связалась с Ольгой, чтобы узнать, сможет ли она выдержать на своей свадьбе Ирину. И получила ее согласие.

— У нас с ней жизнь начинается заново, — подчеркнула Ольга.

Когда Ирина приехала ко мне, я передала ей эти слова, и она была очень довольна.

— Одно дело сделано. А второе... Я всех вас приглашаю на нашу свадьбу. Через месяц. И на наш медовый месяц. Вы меня нашли. Спасли. Вернули к жизни. И мы с Витей хотим, чтобы вы были счастливы вместе с нами. Там, в Теплице.

— Так медовый месяц будет у вас за границей?

— У нас. У нас, Наталья. А я ведь тебя называла Наташка-белый парод. Помнишь, как мы его заводили, и он плавал в речке?

— Помню, конечно. Меня, честно говоря, несколько смутил приезд Ирины. Все, что она тут на меня повесила — просьбу побывать на свадьбе у Ольги и попросить нас приехать к ней на подобное мероприятие, — можно было обговорить по телефону. Нечего для этого мчаться за сотни километров. Она, видимо, уловила мой настрой.

— Ладно. Признаюсь. Ты ведь про каждое дело романы пишешь.

— Да, пишу.

— И про меня тоже напишешь?

— Уже.

— Что, про всю эту историю? Как вы все это дело расследовали?

— Ну да.

— И как я там у тебя... выгляжу? Гадиной, небось. Уродиной. Из-за которой столько трагедий произошло! О, господи! Да как же я жить-то после твоей книги буду? А Витенька мой что скажет? Да он и жениться на мне передумает.

— Он все о тебе знает. И все понимает.

— Знает. Понемногу. Одно узнал, потом другое. А тут будет все вместе. Сразу. А я-то все это как вынесу?

— А давай посмотрим, как. Возьми и прочти.

— Книгу? Она уже вышла?

— Нет. Текст. В компьютере.

Я еле уговорила Ирину попить чаю — она рвалась к моему повествованию.

Мне не удалось проследить за ее реакцией во время чтения — было уже поздно, и я опрометчиво уснула. Она разбудила меня утром — оказалось, что совсем не спала.

— Я у тебя какая-то... никакая, — первое, что она сказала. — Ни рыба ни мясо. Хрен знает, что болтается в этом мире под моим именем. А ты не можешь меня сделать... более осознанной, что ли? Более... перерожденной? Хотя... Честно говоря, мне нравится, что я — жертва. Они меня убили, да не убили. Я в морге лежала, да не мертвая.

— Дальше, дальше продолжай! Вроде и безалаберная, ветер в голове, а от дорогого дома с катушек не съехала, всех зовешь к себе, за всех готова радоваться. Да ты же у меня такая хорошая!

— Да? А чего же ты все — эта шалава, эта шалава!

— Не я. Люди.

— В молодости трудно не ошибаться. И учатся только на своих ошибках. Не на чужих.

— Конечно, Ира.

— А у тебя тон какой-то назидательный бывает. Ты что, сама никогда не ошибалась?

— Ошибалась. Да ведь ты, верно, знаешь. А тон... Это от вредности. Вот хочется мне поназидать, а в ответ услышать такое же назидание. Чтоб человек возмутился и ответил! Вот как ты сейчас. Ты ведь была бездельница, без мозгов и цели в жизни, бутылка, курево да гулянки — вот твои интересы. Ты промотала, проморгала всю молодость, а теперь тебе вроде как стыдно. Да, я понимаю — ты начала с чистого листа, это твое выражение. Но до этого листа были ведь и другие, и они никуда не делись. Ни один из них не выбросишь. От жизни нельзя отрезать кусок, как от пирога, и выкинуть за ненадобностью. Прошлое — часть тебя. Оно как звонок, как ориентир. Не туда пойдешь — тут же напомнит о себе. Оно живо. И живо для тебя же. Чтобы теперь у тебя все получалось достойно, по-человечески. Хотя... уже получилось. И не бойся той шалавы, ее ведь больше нет.

— Ее больше нет... И Юрочки нет... Ох, Наташка! Все правильно. Оставь все как есть. Ничего просить убрать не буду.

— Да ладно. Уберу несколько шалав. Одну-две оставлю. И вообще — чего ты вскинулась-то? Фамилия в повести другая. Нечего тебе и трепыхаться.

— И то... А я как-то не обратила на это внимания. Я-то знаю, что про меня. И вы все знаете. И Витенька мой.

— Тут есть один секрет.

— Какой?

— А вот какой. Мы тебя сейчас все любим. Понимаешь?

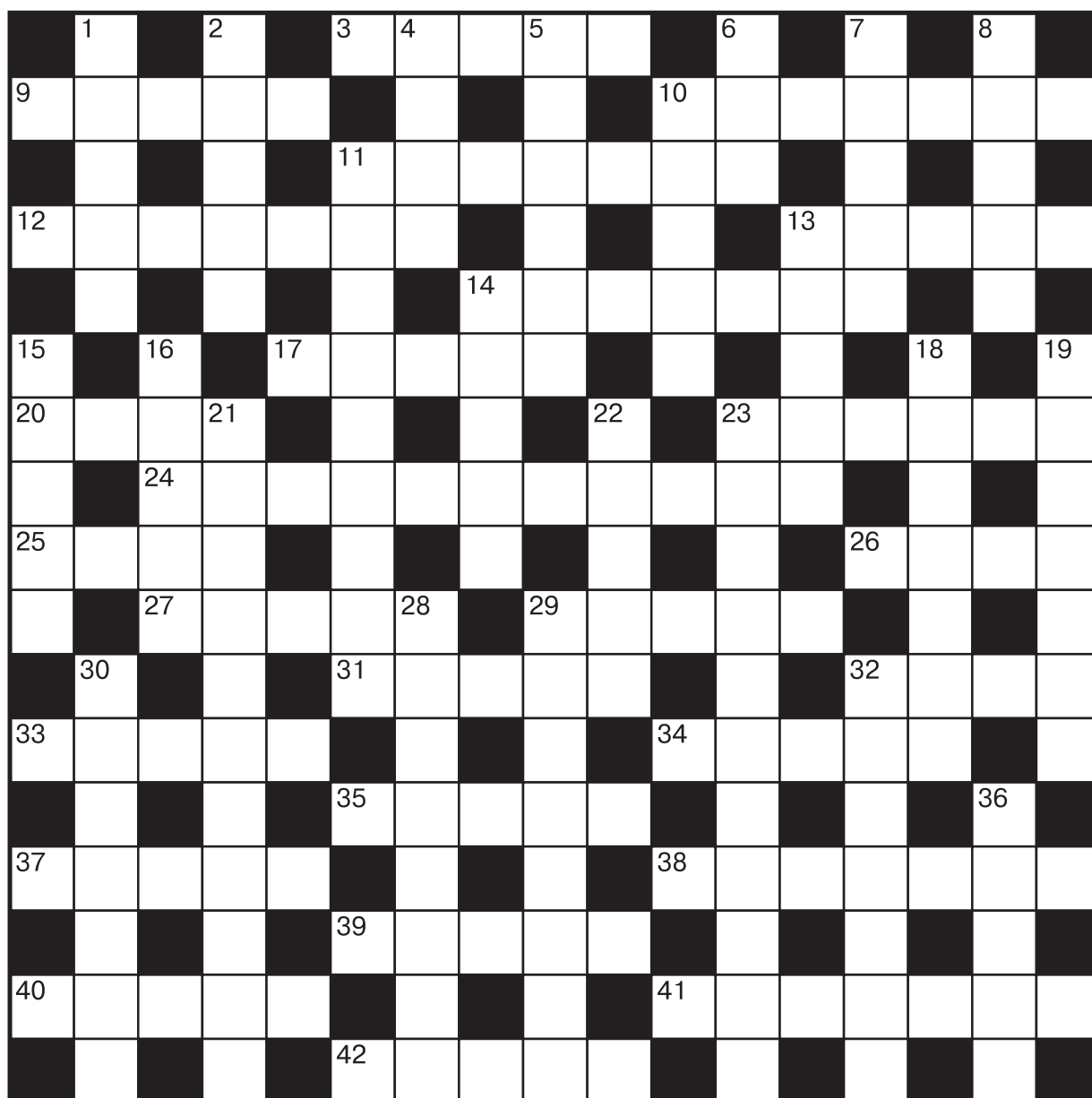
— И я тебе открою секрет.

— Какой?

— А вот какой. Раньше-то меня никто не любил. В детстве. В молодости. Вот я такая и была. Раз со мной так, то и мне все по фигу было. А сейчас... Я вот учиться сейчас буду. На юриста. И Витеньке помощь, и мне — хорошее дело. Да и в Теплице пригодится. Будет там у нас как дом отдыха. И для вас тоже. А потом посмотрим.

Что ж, все так и вышло. «И случай, бог-изобретатель». Изобретательнее и придумать невозможно. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Кровавая сталь» из пушкинской «Черной шали». **9.** «Явление простуды» больному. **10.** Предприятие, выпускающее батоны и буханки. **11.** Городишко из драмы «Гроза» Александра Островского. **12.** «Т-р-т-р Митя» «дяди Федора» из Простоквашина. **13.** «Красна девица, а сердце каменное» (рус-

ская загадка). **14.** Победитель из сказки «Тараканище» Корнея Чуковского. **17.** «Дав выход радости, ты усилишь ее ...». **20.** Юноша, знаменитый своим падением. **23.** «Если вставлять палки в ... истории, можно сломать шею себе». **24.** «Значит, настал твой срок, и ждет за углом ... семи дорог». **25.** Камень «тигровый ...»

мистически «помогает» преодолеть последствия шока. **26.** Американский сериал «... престолов». **27.** Специалист по смешиванию, нагреванию и взрывам. **29.** Какому искусству никогда и нигде не обучался Элвис Пресли? **31.** Какой оригинал всех удивляет своими неожиданными поступками? **32.** Парашют для экстремалов. **33.** «Упорство + определение цели + сосредоточение усилий». Чему равно? **34.** Работник с постоянной «охотой к перемене мест». **35.** «Если ... взял тебя за горло, то незачем винить в этом беса». **37.** «Электронная ...» в компьютере. **38.** Американская военная ... впервые прибыла в Санкт-Петербург в 1866 году. **39.** «На лесенке-стремянке навешаны баранки». **40.** «На ...! Внимание! Марш!». **41.** Комиссар с лицом Микеле Плачидо. **42.** Какая рыба получила свое название за большие глаза?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Аппетит на игру. **2.** Самое дикое из всех домашних животных (по Редьярду Киплингу). **4.** Не только штрафной, но и солнечный. **5.** «Граф Монте-Кристо» рос-

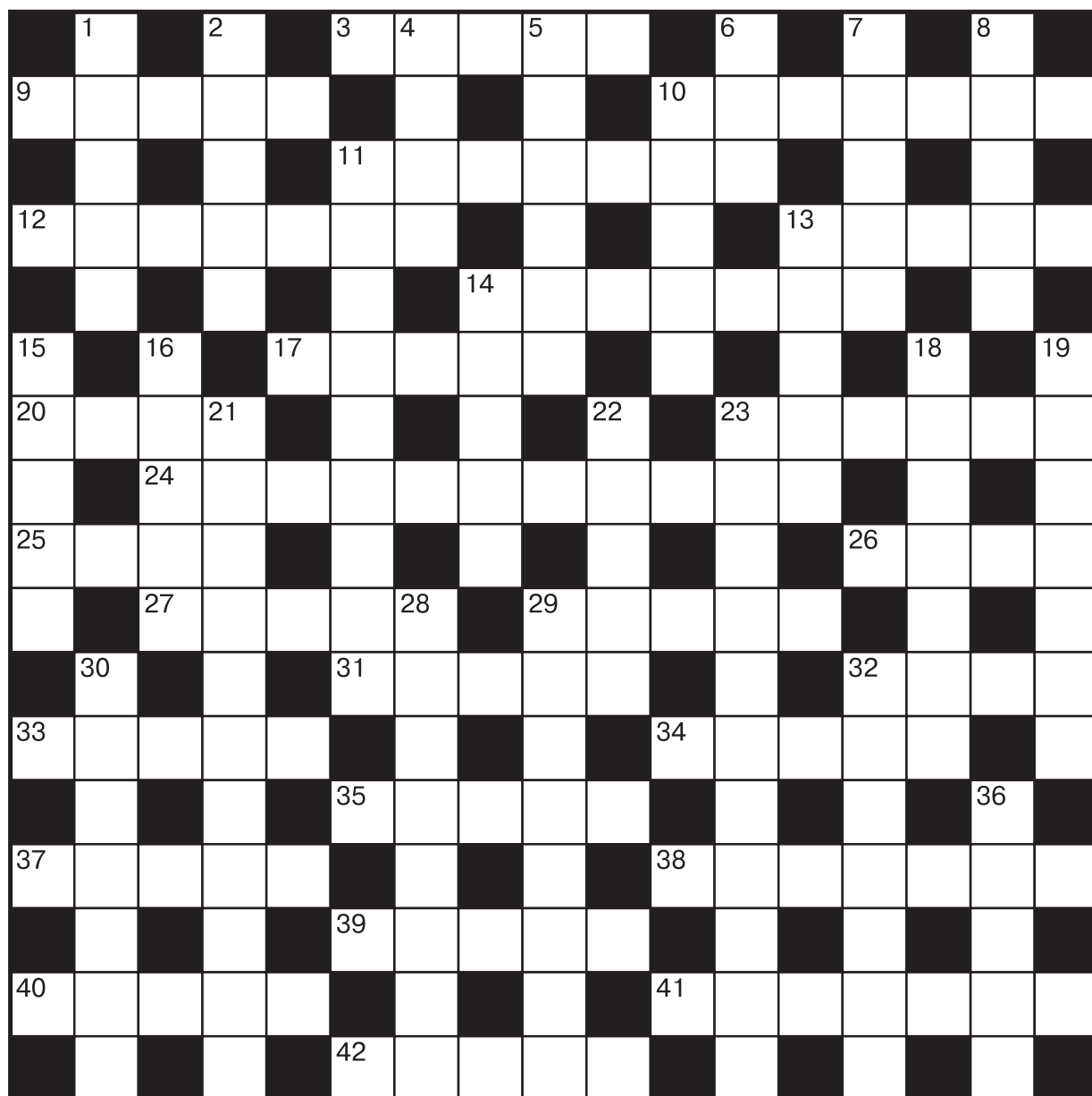
сийского кино. **6.** Золотой хищник с герба Гааги. **7.** Какой металл впервые получили из «болонского фосфора»? **8.** Какая малая планета названа в честь супруги Юпитера? **10.** Что превратил в змею библейский Аарон? **11.** Елисей из пушкинской сказки про мертвую царевну. **13.** «Цветочное кольцо». **14.** Какого пушного зверька дрессировать легче всего? **15.** Австралийская собака, которой в Швейцарии доверяют пасти стада овец. **16.** Комаров особенно привлекает ... людей, что недавно ели бананы. **18.** «Если бы я не работал постоянно, я бы сошел с ума» (великий кинорежиссер). **19.** Оперная принцесса у Петра Чайковского. **21.** Штат тайной разведки. **22.** С чего начинается извилистый путь реки к морю? **23.** Гений математики, чьей сестре сделал предложение руки и сердца Федор Достоевский. **28.** Какое насекомое с детства пугало Сальвадора Дали? **29.** Покровитель дня всех влюбленных. **30.** «Сборная солянка» с кондитерской фабрики. **32.** Часы, чтобы оповещать страну о наступлении Нового года. **36.** Лексикон грубияна.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Кипр. **6.** Киллер. **10.** Хабаров. **11.** Уорхол. **12.** Блютуз. **13.** Зритель. **14.** Регби. **17.** Бук. **18.** Второгодник. **21.** Макферсон. **22.** Иваново. **25.** Бридж. **26.** Мессалина. **27.** Охра. **29.** Джордан. **30.** Учива. **31.** Фейхоа. **33.** Алкоголик. **36.** Тамбур. **38.** Крап. **39.** Голландия. **40.** Рань. **41.** Сбыт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Круг. **2.** Парсек. **3.** Бал. **4.** Багратион. **5.** Восторг. **7.** Июль. **8.** Лето. **9.** Роза. **10.** Хобби. **12.** Благовест. **14.** Рукав. **15.** Единоличник. **16.** Литвинова. **19.** Сфера. **20.** Продажа. **23.** Беладонна. **24.** Конфитюр. **25.** Брайтман. **28.** Траляля. **29.** Досуг. **32.** Фобия. **34.** Краб. **35.** Опыт. **37.** Рой.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Кто представил Петра Капицу великому Эрнесту Резерфорду? **9.** Плюшевый медвежонок кота Гарфилда. **10.** Самая популярная у французов порода лошадей для разведения мулов. **11.** Болотное растение, чье родовое название происходит от названия священной горы Парнас. **12.** Синтетическая пряжа. **13.** Носки у стилига.

14. Бальзам Шостаковского. **17.** Птица на гербе Рюриков. **20.** Какой танец в Чаде на похоронах могут исполнять три дня без перерыва? **23.** Обрезанные валенки на Дону. **24.** Любимый зять Михаила Кутузова. **25.** Двурогая рыба из Атлантики. **26.** Какое произведение поссорило Леонида Андреева с Максимом Горьким? **27.** Какой князь стал по-

кровителем юного Вацлава Нижинского? **29.** Система защиты от спама. **31.** Кулинарное корытце в русской кухне. **32.** Китайский боевой бич. **33.** Самый популярный шоколадный торт из Австрии. **34.** Родной мир для морского тролля из романа «Цвет волшебства». **35.** Какому испанцу мир обязан Новой Гвинеей? **37.** Священный знак на лбу индианки. **38.** Неимуший крестьянин из Византии. **39.** Плащ, «укутывающий» многие античные статуи. **40.** Молитвенный барабан у калмыков. **41.** Личный историк Вильгельма Завоевателя. **42.** Мужское нижнее белье у японцев.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Водка дурного качества. **2.** К какой литературной группе присоединился после революции Сергей Есенин? **4.** Московский доктор, участник исторического консилиума у постели смертельно больного Николая Гоголя. **5.** Кто создал магическое кольцо Тани Гроттер? **6.** Овсяный суп у поляков. **7.** Мифический дракон. **8.** Кто в 1889 году изобрел первый спичечный ко-

робок? **10.** Эмоциональное осуждение. **11.** Русский министр просвещения, застреленный помещиком Петром Карповичем. **13.** Марка личного самолета Антуана де Сент-Экзюпери. **14.** Первая любовь великого сказочника Ханса Андерсена. **15.** Какой тактический прием в покере могут называть «самоубийственным»? **16.** Какая птица участвовала в воспитании Ромула и Рема? **18.** Блинчики с кровью у галисийцев. **19.** Герой первой картины Пабло Пикассо, написанной им в 9 лет. **21.** Святая, призывающая в своей книге «Познаю пути Господни» пить пиво в обильном количестве. **22.** Шелковый платок прежде на Руси. **23.** Процесс заимствования лучших методик у конкурентов. **28.** Песня, связанная с победой квартета «АББА» на Евровидении 1974-го года. **29.** Дух человека, потерявшего память, из славянских мифов. **30.** Крик новорожденного ребенка. **32.** На какой знаменитой скале Дарий Великий повелел увековечить свои победы? **36.** Девичья фамилия жены Уинстона Черчилля.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Руби. **6.** Брекер. **10.** Берилия. **11.** Бахман. **12.** Бурсит. **13.** Гротгус. **14.** Гусль. **17.** Орк. **18.** Фланкировка. **21.** Фурманщик. **22.** Марблит. **25.** Дивиш. **26.** Тетрархия. **27.** Меря. **29.** Бакунин. **30.** «Адлер». **31.** Галиот. **33.** Акрострит. **36.** Амирис. **38.** Капе. **39.** Дидриксон. **40.** Тигр. **41.** Этна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ребо. **2.** Бухнук. **3.** Вен. **4.** Цитруллин. **5.** Дифтонг. **7.** Раус. **8.** Коси. **9.** Ратл. **10.** Бакла. **12.** Бутифарра. **14.** Граус. **15.** Подбородник. **16.** Аквилфер. **19.** Амбия. **20.** Анфипат. **23.** Велигорка. **24.** Эмигрант. **25.** Дриллинг. **28.** Буккеро. **29.** Болид. **32.** Оттон. **34.** Тафт. **35.** Фема. **37.** Сиа.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

